

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2022'2

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:
И.Л. Прохоренко

Редакция:
А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
М.И. Строкова

Журнальная верстка:
ООО «Верди»

Верстка web-страниц:
Е.А. Ключева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:
С.В. Сафонов

Контакты редакции:
117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:
<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
"Analysis and Forecasting. IMEMO Journal"
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
"Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)"

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Marina Strokova

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, руководитель отдела Группы проблем общественно-политического развития отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Фитуни Л.Л., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

Харитонов Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем Факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitlovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of IMEMO (Russia)

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskiy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Group of the Study of Problems of Political Development, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Science

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Leonid Fituni, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Department of International Political Problems, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтуン Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер	10
--------------------------	----

ТРЕНДЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ

“Глобальное потепление” и энергетический переход (внешнеэкономический аспект) Королев И.С.	13
---	----

Особенности цифровой трансформации польской экономики Габарта А.А., Виноградова Е.А.	23
--	----

Государство в цифровом преобразовании управленческих процессов: от электронного документооборота к цифровым экосистемам Удовенко И.П.	32
--	----

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Церковный раскол в Республике Северная Македония: внешнеполитическое измерение Понамарева А.М.	43
---	----

Российский подход к концепции “мягкой силы” Косякина А.С.	63
---	----

POST FACTUM

И вновь – о человеческом капитале... Рашковский Е.Б. (составление)	76
---	----

Афганский кризис будущего Большого Ближнего Востока Журавлева В.Ю., Ибрагимов И.Э. (составление)	83
---	----

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue	10
-----------------------------------	----

DEVELOPMENT TRENDS AND RISKS

'Global Warming' and the Energy Transition (Foreign Trade Aspect) <i>Korolev I.S.</i>	13
---	----

Peculiarities of the Digital Transformation of the Polish Economy <i>Habarta A.A., Vinogradova E.A.</i>	23
---	----

Public Governance in Digital Transformation: from Electronic Document Exchange to Digital Ecosystems <i>Udovenko I.P.</i>	32
---	----

DYNAMICS OF SOCIAL AND POLITICAL SPACES

Church Split in the Republic of North Macedonia: The Foreign Policy Dimension <i>Ponamareva A.M.</i>	43
--	----

The Russian Approach to the Soft Power Concept <i>Kosiakina A.S.</i>	63
--	----

POST FACTUM

Human Capital: Discussing One More Time <i>Rashkovsky E.B. (review)</i>	76
---	----

The Afghan Crisis of the Future Greater Middle East <i>Zhuravleva V.Y., Ibragimov I.E. (review)</i>	83
---	----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию второй в 2022 г. выпуск нашего журнала. В этом выпуске три рубрики – **“Тренды и риски развития”**, **“Динамика социальных и политических пространств”** и **“Post Factum”**. Номер посвящен анализу проблем “глобального потепления” и мирового энергетического перехода в категориях экономической теории, специфики цифровизации экономики Польши, вопросов цифрового преобразования управленческих процессов, внешнеполитического измерения церковного раскола в Республике Северная Македония, российского подхода к концепции “мягкой силы”, роли человеческого капитала в системе факторов экономического роста развитых и развивающихся стран, ключевых проблем и последствий кризиса в Афганистане после вывода из страны американских войск.

Рубрику **“Тренды и риски развития”** открывает статья «“Глобальное потепление” и энергетический переход (внешнеэкономический аспект)» авторитетного российского экономиста, доктора экономических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Ивана Сергеевича Королева. Автор исследует весьма политизированные проблемы “глобального потепления” и мирового энергетического перехода в категориях экономической теории, в первую очередь, с точки зрения мирового экономического роста. По его мнению, форсированный, без учета всех рисков, энергопереход приведет к долговременной дестабилизации мировых рынков, глобальному дефициту энергоресурсов, слому сложившейся международной торговой системы, основанной на правилах ВТО. Автор задается вопросом, что в ответ на поэтапный отказ от традиционных энергоресурсов, сокращение производства продукции с интенсивным углеродным следом, ускоренное использование возобновляемых источников энергии, планы введения в Европейском союзе трансграничного налога на импорт продукции с углеродным следом необходимо предпринять Российской Федерации, которая к тому же оказалась под давлением санкций и ограничительных мер, для сохранения своей конкурентоспособности.

Другие две статьи рубрики посвящены проблемам цифровизации экономики и управленческих процессов.

Анджей Артурович Габарта, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России и ведущий научный сотрудник отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН, в соавторстве с Елизаветой Андреевной Виноградовой, преподавателем факультета управления и политики Одинцовского филиала МГИМО МИД России, представили в журнал статью “Особенности цифровой трансформации польской экономики”. На основе отчетов международных консалтинговых компаний и данных национальной статистики авторы определяют роль и место Польши в контексте Четвертой промышленной революции, степень участия польских предприятий в этом процессе. Итогом анализа процесса цифровизации польской экономики и его динамики стали выводы о том, что многие национальные компании не имеют даже предпосылок для проведения автоматизации и роботизации производства, поскольку не вышли на завершающий этап предыдущей промышленной революции, а уровень цифровизации польской экономики достаточно низок по сравнению с ведущими экономиками мира, и это положение будет сложно изменить. Несмотря на наличие инженерных кадров, программистов и базовых элементов ИКТ-инфраструктуры, серьезной проблемой на пути цифровизации экономики является отсутствие доверия к новым технологиям со стороны руководства польских корпораций.

В статье кандидата педагогических наук, старшего научного сотрудника отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных

социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН Ильи Петровича Удовенко “Государство в цифровом преобразовании управленческих процессов: от электронного документооборота к цифровым экосистемам” исследуются изменения в сфере административно-государственного управления при внедрении информационно-коммуникационных технологий. На примере США и других стран рассматриваются преобразования способов взаимодействия государственных институций с гражданами и организациями, новые появляющиеся возможности при оказании государственных и социально значимых услуг, а также роль государственных информационных систем в становлении экономики данных, выявляются страновые модели государственного регулирования в этой сфере. Автор анализирует как ретроспективу формирования централизованных государственных информационных систем в странах, достигших цифровой зрелости, становление электронных, цифровых и “умных” правительств, так и наметившуюся тенденцию следующего витка цифровой трансформации – развитие межгосударственных цифровых экосистем и региональных цифровых сред мегаполисов и городских агломераций.

Рубрику **“Динамика социальных и политических пространств”** открывает статья кандидата социологических наук, старшего научного сотрудника Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН Анастасии Михайловны Понамаревой “Церковный раскол в Республике Северная Македония: внешнеполитическое измерение”. Неожиданное примирение Сербской православной церкви с македонскими “раскольниками” в мае 2022 г. придает актуальность проведенного автором ретроспективного анализа продлившегося более полувека церковного конфликта в Республике Северная Македония. С использованием историко-генетического метода раскрывается подоплека и прослеживается динамика конфликта между Сербской православной церковью и Македонской православной церковью – Охридской архиепископией. Автор выделяет стороны и ключевых участников конфликта, к которым помимо Сербии и Республики Северная Македония, относит Болгарию, Грецию, Константинопольский патриархат, изучает эволюцию избранных этими участниками стратегий поведения. При этом в фокусе исследования находится не теологическое измерение рассматриваемого сюжета, а его внешнеполитические импликации, при этом история церковного раскола рассматривается в широком контексте решения политическими элитами Республики Северная Македония задачи интеграции в евроатлантические структуры. Показаны возможности использования церковного фактора в реализации геостратегических целей.

Статья «Российский подход к концепции “мягкой силы”» Анны Сергеевны Косякиной, ведущего специалиста-эксперта отдела информационного обеспечения Управления информационной политики Россотрудничества, посвящена изучению политики “мягкой силы” Российской Федерации, прежде всего, ее институциональных аспектов. Автор анализирует деятельность ключевых институтов политики “мягкой силы”, созданных и функционирующих в России, такие как Россотрудничество (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству), Фонд “Русский мир”, Фонд Горчакова (Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова). Среди прочего А.С. Косякина приходит к выводу о том, что отсутствие четкого формального распределения обязанностей между ведомствами ведет к межведомственной несогласованности и даже конкуренции и существенным образом снижает несомненный положительный эффект их работы. Автор также анализирует влияние, которое на ресурсы “мягкой силы” России оказывают события, развернувшиеся на территории Украины.

В рубрике **“Post Factum”** два обзора научных мероприятий, состоявшихся в ИМЭМО РАН в конце 2021 г.

Евгений Борисович Рашковский, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Группы теоретических проблем модернизации Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН подготовил аналитический отчет об очередном заседании

14 декабря 2021 г. постоянно действующего межинститутского научного семинара Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН “Современные проблемы развития”, посвященного общетеоретическим вопросам модернизации и развития, – “И вновь – о человеческом капитале...”. Семинар вел сам Е.Б. Рашковский, а с основным докладом “Роль человеческого капитала в системе факторов экономического роста развитых и развивающихся стран” выступил заведующий кафедрой международных экономических отношений Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор, д.э.н., член-корреспондент РАН В.А. Мельянцев. Участники семинара, сотрудники ИМЭМО РАН, а также ведущих российских научных и образовательных учреждений – Института востоковедения РАН, Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, МГИМО (У) МИД России и других, обсудили проблематику роли человеческого капитала как основы всего комплекса постмодерн-развития. В ходе семинара была удостоверена не только важность экономико-математических подходов к этой проблематике, но и необходимость их введения в широкий контекст современного социогуманитарного знания. Проблема поддержки со стороны государства и общества, сохранения и возрастания человеческого капитала была признана участниками семинара одной из приоритетных проблем современного развития как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Эрозия и/или утрата преемственности и грядущих возможностей человеческого капитала может грозить нынешнему миру тяжкими социально-экономическими, моральными и общекультурными последствиями.

Виктория Юрьевна Журавлева, кандидат политических наук, руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН, и Ибрагим Эминович Ибрагимов, младший научный сотрудник Лаборатории “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН, представили обзор “Афганский кризис будущего Большого Ближнего Востока” по итогам круглого стола, который прошел 20 октября 2021 г. в ИМЭМО РАН. В обсуждении кризиса в Афганистане приняли участие сотрудники Центра североамериканских исследований и Лаборатории “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО. Были проанализированы ключевые вопросы, связанные с афганским кризисом: пересмотр подхода к этой проблематике со стороны региональных держав, имеющие разногласия и противоречия между ними; изменение политики Соединенных Штатов в регионе и последствия вывода американских войск из Афганистана; вопросы легитимности “Талибана” (запрещенной в России террористической организации); анализ внутренней ситуации в стране. Рассмотрены позиции и интересы Афганистана и США, а также Турции, Ирана, Израиля и арабских государств.

*Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала*

“ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ” И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД (ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© КОРОЛЕВ И.С., 2022

КОРОЛЕВ Иван Сергеевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, член Дирекции, главный научный сотрудник группы подготовки долгосрочного стратегического прогноза Центра прогнозных исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (korolev@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9007-692X

Королев И.С. “Глобальное потепление” и энергетический переход (внешнеэкономический аспект). *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 2, сс. 13-22. DOI: 10.20542/afij-2022-2-13-22

DOI: 10.20542/afij-2022-2-13-22

УДК: 339.9

Поступила в редакцию 04.04.2022.

После доработки 17.04.2022.

Принята к публикации 20.07.2022.

В последние 10-15 лет “глобальное потепление” выдается за главную угрозу человечеству, якобы более опасную, чем даже возможная ядерная катастрофа. Запущенный на национальном и международном уровнях механизм противодействия “климатическим изменениям”, получивший название энергетический переход, включает поэтапный отказ от традиционных энергоресурсов, сокращение производства иной продукции с интенсивным углеродным следом, ускоренного, несмотря на издержки, использования ВИЭ. Особо нужно выделить планы введения в Европейском союзе трансграничного налога на CO₂ (СВАМ), который де факто станет инструментом торговой войны. По сути такой форсированный энергопереход противоречит базовому документу климатической повестки – Рамочной конвенции ООН 1992 г. об изменении климата, где цель мер в этой области трактуется как устранение угрозы для производства и устойчивого развития, прежде всего для развивающихся стран. Вместо этого создаются помехи для мирового экономического роста. Форсированный, без учета всех рисков, энергопереход приведет к долговременной дестабилизации мировых рынков, глобальному дефициту энергоресурсов, слому сложившейся международной торговой системы, основанной на правилах ВТО.

В ответ на эти вызовы возможные действия РФ должны определяться прежде всего задачей поддержания конкурентоспособности страны. Это, в частности, предполагает сохранение, насколько возможно, использования в российской экономике традиционных источников энергии: нефти, газа, угля. Критическое отношение к доминирующей в мире климатической повестке не означает, что автор недооценивает значение экологии для России. По многим показателям состояние окружающей среды и биоразнообразия наша страна отстает от передовых стандартов. Несмотря на санкционное давление, расходы на экологию останутся необходимым условием повышения качества жизни. Потребуется более эффективное экологическое законодательство не только в области добычи полезных ископаемых, строительства и эксплуатации промышленных предприятий, нефте- и газопроводов и так далее, но и при комплексном планировании развития территорий, как городских агломераций, так и сельской местности.

Ключевые слова: “глобальное потепление”, энергетический переход, углеродный трансграничный налог, адаптация России к новым условиям, роль внутреннего спроса, переориентация экспортных потоков.

**'GLOBAL WARMING' AND THE ENERGY TRANSITION
(FOREIGN TRADE ASPECT)***Received 04.04.2022. Revised 17.04.2022. Accepted 20.07.2022.**Ivan S. KOROLEV (korolev@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9007-692X,**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.*

Last 10–15 years 'global warming' is presented as the main threat to humanity, allegedly more dangerous than a possible nuclear catastrophe. To counteract 'climate change' an energy transit mechanism has been launched on national and international levels. Among its aims – phasing out traditional energy resources, reducing output of other products with an intensive carbon emission, forced despite the costs, transition to renewable energy resources. To achieve these aims a lot of measures are examined including EU possible applying the Carbon Border Adjustment Mechanism which may be interpreted as a trade war instrument. Many such measures contradict the United Nations Framework Convention on Climate Change (1992) the aims of which were formulated as to avoid dangers for production and sustainable growth especially for developing countries. One-sided energy transition may destabilize the situation at world markets and destroy international trade system based on WTO principles. Possible counteractions of Russia should be determined first of all by the aims of supporting its competitiveness. This implies in particular the use of traditional energy resources (oil, gas, coal) in Russian economy as long as possible.

Critical attitude to the prevailing international climate agenda does not mean that the author underestimates the importance of environmental issues for Russia. The close-down of many factories after the collapse of the Soviet Union diminished pollution in some places. But new dangers have appeared – privately owned vehicles, urban solid waste, abandoned farmers' lands, ill-conceived and even criminal lodging construction. Speaking of numerous environmental and biodiversity metrics, our country fails to keep pace with advanced standards. Even under Western sanctions Russia should increase financial outlets in order to improve environmental situation in the country. More effective ecological laws are badly needed not only in industry and transport but also in regional and municipal development.

Keywords: *'global warming', energy transition, Carbon Border Adjustment Mechanism, Russia's adaptation to new surroundings, the role of domestic market, reorientation of trade flows.*

About the authors: *Ivan S. KOROLEV, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Principal Researcher, Group Training of Long-Term Strategic Forecast, Center of Forecasting Studies.*

Экономическая теория всегда уделяла внимание отношениям человека с природой. Периодически анализ этих отношений приобретал алармистский характер. Начало такому алармизму было положено взглядами, выдвинутыми еще в конце XVIII в. Речь идет о так называемом законе убывающего плодородия почвы и связанным с ним мальтузианством. Спустя полтора века – новая, реперная точка в развитии алармистских концепций природопользования – работы Римского клуба, которые вызвали оживленную дискуссию среди специалистов, занимающихся глобальными проблемами, лишь на короткое время, не внеся изменений в реальную политику [1].

И наконец, климатическая повестка XXI в. Беспрецедентные масштабы финансирования по раскручиванию общественного мнения представили "глобальное потепление" как главную угрозу для человечества, якобы более опасную, чем социальное неравенство, бедность, болезни и даже вероятность ядерного апокалипсиса. Этот тезис лежит в основе попыток форсировать, несмотря на экономические и социальные издержки, переход от традиционных источников энергии к возобновляемым.

Для предотвращения якобы неизбежной климатической катастрофы на международном

уровне согласован набор мер по достижению климатической нейтральности, ограничивающих или замедляющих повышение средней температуры на Земле. Пока эти меры носят добровольный для государств характер. Но потенциально Парижское соглашение по климату не исключает возможность введения санкций против стран, наносящих ущерб глобальному климату, причем даже тех из них, кто не подписал бы соглашение.

Климатическая повестка стала объектом политической игры, направленной на получение экономических выгод для отдельных государств и корпораций. Наиболее наглядный пример – решение Европейского союза ввести сбор на импорт продукции с высоким углеродным следом. Это широкий круг товаров от минерального сырья до полуфабрикатов черных и цветных металлов, цемента, удобрений и др.

Политизация вопросов климата создала ситуацию, когда критика доминирующей точки зрения воспринимается во многих странах как нечто неприличное. К Дональду Трампу, который отрицал глобальное потепление и временно вывел США из Парижского соглашения по климату, относились как к ребенку из сказки Андерсена о голом короле.

Такой подход распространяется и на исследователей, профессионально занимающихся вопросами климата. Через систему грантов, с использованием международных институтов от ООН до Нобелевского комитета фактически затыкается рот ученым, поднимающим неудобные с точки зрения климатических апологетов вопросы. А таких вопросов немало. Что первично: доля CO_2 в атмосфере или t° на Земле? Когда заканчивается очередной климатический цикл после малого ледникового периода в Европе в Средние века? Какова роль в изменении климата колебаний активности Солнца, от которого Земля получает 99% тепла? И наконец, достаточен ли период проводимых климатических исследований для достоверных долгосрочных прогнозов?

Независимо от ответов на эти вопросы, маховик форсированного перехода к углеродной нейтральности, основанного на мнимых или реальных климатических угрозах, запущен. Этот переход неизбежно затронет всю систему международных экономических отношений и не в последнюю очередь Россию – крупнейшего производителя и экспортера минерального сырья.

ПОЛИТИЗАЦИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

В декабре 2021 г. исполнилось шесть лет с подписания Парижского соглашения по климату, ставшим вторым после Киотского протокола, но существенно более масштабным документом по принятию странами конкретных мер в области межгосударственного сотрудничества по климату.

Соглашение стало своего рода итогом серии международных встреч по вопросам окружающей среды и климата, в том числе на высшем уровне, проведенных на протяжении нескольких десятилетий.

Первый международный конгресс по этим проблемам состоялся 50 лет назад в Стокгольме в 1972 г. Его официальное название – Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей человека среде. Созыв конференции отражал растущую озабоченность мировой общественности экологическими проблемами в условиях быстрого роста мировой экономики в послевоенный период. К работе Конференции был приурочен выход доклада Римскому клубу (создан в 1968 г.) “Пределы роста”, где содержался анализ обеспеченности мира природными ресурсами и ситуации в области окружающей среды. В Стокгольмской конференции приняли представители 113 стран и сотни межправительственных организаций. Работали три комитета. Первый отвечал за рассмотрение вопросов окружающей среды с точки зрения развития общества и культуры. Второй – за вопросы природных ресурсов. Третий – за состояние морей и океанов. Результаты конференции имели практические последствия для природоохранного законодательства ряда ведущих стран мира, работы международных организаций (Всемирный банк, Конференция ООН по морскому праву и др.) [2].

Хотя Стокгольмская конференция была (с точки зрения сегодняшнего дня) абсолютно деполитизированной, Советский Союз не принял в ней участия. Тем не менее рекомендации конференции (в частности, создание генных банков для сохранения биоразнообразия, меры по защите животных и растений, которым грозит исчезновение, рациональное планирование градостроительных работ, включение в госрегулирование мер по снижению загрязнения окружающей среды) сыграли немалую роль в развитии в СССР природоохранной деятельности.

Следующее подобное мероприятие в рамках ООН состоялось только через 20 лет в Рио-де-Жанейро (Саммит Земли 1992 г.). На саммите вопросы охраны окружающей среды рассматривались в контексте проблем мирового развития. Была подписана Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК), ставшая основным документом для будущих договоренностей по климату¹.

Главной целью конвенции, ратифицированной к настоящему времени более 180 странами, включая все республики бывшего СССР, ставилась задача бороться с “опасными вмешательствами человека в климатическую систему (*climate system*)”, в частности, путем стабилизации парниковых выбросов в атмосферу.

В Рамочной конвенции ООН, с одной стороны, отсутствовал какой-либо климатический экстремизм, а с другой, учитывались интересы развивающихся стран. Так, в ст. 3 конвенции говорится об “общей, но дифференцированной” ответственности стран-участниц. При этом основной вклад в противодействие опасным климатическим изменениям должны были внести развитые страны. Участники конвенции согласились наращивать научные исследования, проводить регулярные встречи и переговоры для согласования экономической политики, которая позволила бы “естественным образом адаптироваться к климатическим изменениям, избежать угрозы для производства и обеспечить устойчивое экономическое развитие” [3]. Такие положения конвенции по сути входят в противоречие с предпринятыми через два десятилетия попытками осуществить форсированный энергопереход в ущерб социально-экономическому развитию прежде всего развивающихся стран.

Участники Рамочной конвенции создали обширный бюрократический аппарат – штаб-квартира в Бонне и две вспомогательные организации, которые собираются не реже двух раз в год: 1) для консультирования по научным и техническим вопросам (*Subsidiary Body for Scientific and Technical Advice*) и 2) для согласования финансовых и административных вопросов (*Subsidiary Body for Implementations*). Была достигнута договоренность о проведении ежегодных конференций стран-участниц (*Conferences of Parties, COP*) как высшего органа, принимающего решения с тем, чтобы поэтапно согласовывать юридические обязательства стран по мерам противодействия негативным климатическим изменениям, их размеры, условия выполнения, возможные санкции и др.

Первая попытка согласовать национальные квоты сокращения выбросов парниковых газов и механизмы межгосударственного сотрудничества в области торговли квотами была предпринята в 1997 г. на *COP-3* в Японии (Киотский протокол). Однако его эффективность была невысока, поскольку основные страны – эмитенты парниковых газов – Китай, Индия, США² – отказались в нем участвовать.

После Киото была организована масштабная работа по продвижению климатической повестки с привлечением средств массовой информации, активистов общественных

¹ Научной базой конвенции стал доклад Межправительственной группы экспертов по изучению климата (МГЭИК). Создана в 1988 г. Всемирной метеорологической организацией и Программой ООН по окружающей среде. МГЭИК – не исследовательская организация. Она только обобщает имеющуюся научную информацию по климату. Включая оценку антропогенного фактора. Эти оценки не являются истиной в последней инстанции, а носят вероятностный характер. Каждый новый доклад основан на предыдущем и не содержит каких-то кардинально меняющихся оценок. Все это дает политикам, принимающим решения, пространство для торга и согласования на международном уровне возможных мер по противодействию или смягчению последствий негативных тенденций в области климата. Всего МГЭИК было представлено шесть докладов. Последний – в 2021 г.

² США при демократах подписали Киотский протокол (президент Б. Клинтон), но не ратифицировали его при республиканцах (президент Дж. Буш-мл.).

движений, различных международных организаций от Давосского форума до Нобелевского комитета. В 2007 г. Нобелевская премия мира была присуждена бывшему вице-премьеру США Альберту Гору совместно с Межправительственной группой экспертов ООН по изменению климата за вклад в борьбу с глобальным потеплением. Ранее фильм, снятый по книге А. Гора "Неудобная правда", получил "Оскар" как лучший документальный фильм года.

COVID-19 уменьшил внимание к климатической повестке, что проявилось на COP-26 в Глазго. На этой конференции страны не стали брать на себя жестких обязательств по выбросам парниковых газов для сдерживания глобального потепления. На фоне событий на Украине глобальное потепление вообще ушло на задний план. Однако опасность введения трансграничного налогообложения углеродного следа и международных климатических санкций остается. Во всяком случае, для России.

РИСКИ УСКОРЕННОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

На протяжении многих столетий происходила непрерывная замена одного доминирующего вида топлива другим. От дров, которые, кстати, можно считать возобновляемым источником энергии (ВИЭ) почти как энергию Солнца, ветра, морских приливов и др., перешли к углю, затем к нефти, газу, гидроэнергетике. Диверсификация структуры первичных энергоресурсов в глобальном энергобалансе определялась прежде всего изменениями со стороны спроса. Со стороны предложения энергоресурсов действовали такие факторы, как их доступность, экономическая целесообразность и удобство использования в промышленности, на транспорте и в домашних хозяйствах. Во второй половине XX в. на структуру глобального энергобаланса все большее влияние начинает оказывать экологический фактор.

Политизация экономических процессов всегда ведет к потерям для хозяйствующих субъектов. Поэтому вполне закономерно, что искусственное дестимулирование традиционных источников энергии привело во второй половине 2021 г. к энергетическому кризису в Европе и Китае. Дальнейшее форсирование декарбонизации мировой экономики неизбежно создаст новый комплекс угроз. Причем не только в области энергоснабжения, но и в обеспечении потребностей в новых материалах, в утилизации оборудования ветряных электростанций, солнечных панелей, автомобильных батарей. Реалистичная оценка многих экспертов в отношении последствий перехода к климатической нейтральности по всей технологической цепочке разбивает идеалистические взгляды климатических активистов на светлое будущее "зеленой" экономики. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), парниковые выбросы при производстве лития (основной компонент для производства необходимых для новой энергетики аккумуляторных батарей) втрое превосходят выбросы при выплавке стали. Будет резко возрастать спрос на никель, алюминий, редкоземельные металлы, выбросы по которым превышают выбросы по стали от 10 до 50 раз [4].

Форсированный энергопереход связан с рисками падения эффективности новых возобновляемых источников энергии (НВИЭ). В последние десятилетия развитие технологий способствовало удешевлению их производства. Но даже при этом достичь прогнозируемой МЭА доли этих источников в глобальном энергобалансе не удавалось. Неминуемый рост цен на необходимые для производства НВИЭ металлы и ускоренные затраты на утилизацию ветряков и солнечных панелей могут приостановить реальное снижение себестоимости НВИЭ в будущем. Более того, уже накопленные инвестиции в НВИЭ могут обесцениться. Например, в случае технологического прорыва в области термоядерной энергетики.

Неоднозначное отношение у ряда специалистов и к перспективам широкого использования такого альтернативного энергоносителя, как водород из-за его взрывоопасности и трудностей транспортировки.

Все это предполагает сохранение значительного спроса на традиционные источники энергии (нефть, газ, уголь) на длительную перспективу. Прогноз МЭА оценивает их долю

в глобальном энергобалансе на середину текущего века в 39%. Причем эту цифру, учитывая предыдущие прогнозы агентства, скорее всего можно считать заниженной. Основной спрос придется на страны Индо-Тихоокеанского региона, прежде всего, Индию, где прогнозируется естественный прирост населения при заметном увеличении среднедушевых доходов. При этом давление климатических активистов на нефтегазовые и угольные компании ведет к сокращению инвестиций в новую добычу. В своем выступлении на специальной сессии в рамках XIV Евразийского энергетического форума в Вероне глава “Роснефти” И.И. Сечин озвучил такие цифры по недофинансированию инвестиций в добычу традиционных углеводородов. В 2020 г. расходы на восполнение запасов углеводородов в мире упали по сравнению со средними показателями 2011–2015 гг. в три раза. Накопленный дефицит инвестиций в восполнении запасов нефти и газа уже предопределяет неизбежный долговременный рост цен для потребителей на нефть и газ.

Таким образом, форсированный энергопереход создаст проблемы не только для производителей традиционных энергоносителей, но и для потребителей энергии, а также, как это ни парадоксально, для окружающей среды.

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ УГЛЕРОДНЫЙ НАЛОГ

Национальные механизмы взимания платы за выбросы CO_2 , включающие системы торговли квотами на выбросы (СТВ) и специальные налоги на углерод, существует уже в течение ряда лет помимо Европейского союза в таких странах, как Великобритания, Швейцария, Исландия, Норвегия, Лихтенштейн, Австралия, Чили, Китай. В ЕС единая система торговли квотами действует в отношении авиакомпаний, электростанций и ряда промышленных предприятий. При этом в некоторых странах Евросоюза, например во Франции, Испании и Польше, помимо общеевропейской СТВ, действуют национальные налоги на выбросы CO_2 . В Германии с 2021 г. дополнительно функционирует собственная СТВ. При этом введение в ЕС трансграничного налогообложения CO_2 (механизм CBAM) уже в значительной степени имплементировано в европейском законодательстве.

Введение в ЕС такого налога на ввозимую в страны Союза продукцию с углеродным следом – беззастенчивая попытка использовать климатическую повестку для получения односторонних выгод. Запуск механизма CBAM, назначенный на 1 января 2023 г., будет проходить постепенно. В 2023–2025 гг. будет действовать переходный период: декларанты должны в ежеквартальном режиме подавать отчетность (и нести ограниченные дополнительные издержки по администрированию и комплаенсу). Плата за выбросы взиматься не будет, но нарушения будут наказываться штрафами. С 1 января 2026 г. механизм будет запущен в полном режиме с оплатой объема выбросов, но только на ту часть, по которой не происходит бесплатного распределения разрешений на выбросы в самих странах ЕС. После 2030 или 2035 гг., когда бесплатное распределение разрешений на эмиссии будет постепенно свернуто, механизм заработает в полную силу. На первом этапе импортный сбор охватит такие товары, как железо и сталь, алюминий, цемент, удобрения и электричество. Технически импортеры должны будут получить специальные сертификаты на импорт продукции с карбоновым следом. Такое формальное отличие от механизма взимания импортных пошлин должно, по мнению еврочиновников, стать аргументом в неизбежных спорах по поводу углеродного налога в Всемирной торговой организации (ВТО).

Размер налога будет напрямую привязан к цене на выбросы в СТВ Евросоюза. При этом будут учитываться все льготы и бесплатные квоты, получаемые европейскими потребителями с тем, чтобы поставить экспортеров продукции на рынок ЕС в равное, но не худшее положение в сравнении с локальными компаниями. С этой же целью размер налога будет учитывать и действующие в странах-экспортерах внутренние механизмы налогообложения углеродного следа. Но это не предполагается делать автоматически. Потребуется соответствующие двухсторонние соглашения.

Достичь компромисса между ЕС и экспортерами продукции с углеродным следом будет непросто. Кроме подсчетов эмиссии по конкретному товару необходимо учитывать естественные стоки CO₂ через почву и водное пространство. Это особенно актуально для крупных стран, в том числе России и США.

В Евросоюзе не скрывают, что налог будет использоваться как инструмент торговой войны³. К введению ЕС трансграничного налога на импорт продукции с углеродным следом критически отнеслись многие страны, в том числе крупнейший в мире экспортер сырья – США. В США функционирует три системы торговли разрешениями на выбросы парниковых газов на уровне штатов: в Калифорнии, Массачусетсе и ассоциации штатов Коннектикут, Делавэр, Мэн, Мэриленд, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Род-Айленд, Вермонт, Вирджиния. Эти системы существенно различаются, в более жесткой калифорнийской системе цены в два раза выше.

Соединенные Штаты, как и Канада, рассматривают свою версию трансграничного углеродного налога. В июле 2021 г. сенаторы-демократы предложили законопроект о налоге на импорт железа, стали и других товаров из стран, не имеющих амбициозных климатических законов, в том числе Китая. Цель закона – защитить американских производителей от конкурирующего недобросовестного импорта. Но юридически ввести его будет сложно из-за противодействия энергетического лобби. Более вероятно введение локального налога, прежде всего в Калифорнии. Фактически он уже применяется в отношении поставок электроэнергии из других штатов.

Введение углеродного налога ЕС на импорт может быть оспорено торговыми партнерами в ВТО. Возможно применение ответных мер. В самом Евросоюзе отношение к налогу тоже противоречивое. Многие европейские эксперты считают его бесполезным. Вероятные затраты, по их мнению, вряд ли окупятся.

Налог, так или иначе, коснется всех секторов промышленности ЕС через цепочки добавленной стоимости. С учетом углеродного следа и объема импорта налог затронет, прежде всего, такие товары, как коксующийся уголь и нефтепродукты. Меньше будут вовлечены в систему налогообложения товары с высоким углеродным следом, но с меньшим объемом импорта – целлюлозно-бумажная продукция, химикаты, неметаллические полезные ископаемые.

Для компаний, экспортирующих свою продукцию в Европейский союз, налог, в случае его введения, изменит условия конкуренции. Вероятно снижение их доли на европейском рынке. По расчетам консультационной компании BCG при налоге в 30 долл. за тонну углеродного следа стоимость импорта в ЕС увеличится по золоту для ювелирной промышленности и битуминозному углю на 10%, по целлюлозе – на 65%, по сырой нефти – на 20%, по прокату черных металлов – на 40%. Потери распространятся по всей цепочке повышения степени переработки облагаемых налогом товаров соответственно их доли в конечной продукции [5].

В целом можно с высокой долей вероятности предположить, что налог существенно ухудшит конкурентоспособность производителей продукции с высоким углеродным следом по отношению к европейским компаниям или конкурентам из третьих стран, хотя плата в расчете на единицу выбросов CO₂ будет одинаковой.

Налог окажется разным для разных производителей по одному и тому же товару. Если взять сталь, то углеродный след будет заметно отличаться от способа ее производства. Наименьший след у производителей стали из металлолома. Будет иметь значение углеродный след коксующегося угля. В целом, в случае введения налога в худшем положении окажутся производители стали, сохранившие в технологическом процессе высокую долю доменных печей или кислородных конвертеров (Украина и Китай). В лучшем – производители стали с высокой долей миниметаллургических заводов (Турция и США). В результате производители стали с меньшим углеродным следом (Индия, Турция и США)

³ Этот термин использовал премьер-министр Бельгии А. Де Кроо на COP-26 в Глазго.

могут потеснить на европейском рынке стальную продукцию из Китая, Украины и России. Автомобильные компании в ЕС могут увеличить закупки у европейских производителей стального проката.

На рынке нефти еще более усилятся конкурентные преимущества Саудовской Аравии, которая может платить вдвое меньший налог, чем другие поставщики. В худшем положении будут поставщики сланцевой нефти из США и битумной нефти из Канады.

Прямо или косвенно налог затронет интересы компаний, экспортирующих во все сектора европейской экономики.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

Реализация плана ЕС ввести налог на импорт продукции с углеродным следом будет означать для России двойной вызов. Во-первых, это возможные потери при поставках российской продукции в ЕС, в случае если бремя уплаты налога ляжет на российских экспортеров. Во-вторых, опасность переноса ускоренного энергоперехода на территорию России. А такая опасность есть. Уже появились предложения от известных российских деятелей ввести внутренний налог на CO_2 (аналогичный налогу ЕС). Такая мера, ухудшив конкурентоспособность российской экономики, не освободит автоматически российский экспорт от уплаты углеродного налога ЕС. Для этого потребуется специальное соглашение между ЕС и РФ, что маловероятно, особенно при ужесточении западных санкций.

Действия РФ в условиях внешних климатических вызовов по своей сути различны на уровне компаний и на уровне государства.

Российские корпорации уже принимают меры для нейтрализации последствий возможного введения трансграничного налога ЕС. Это:

- независимая оценка углеродного следа по конкретным видам их продукции, поставляемой в Европейском союзе;
- маркетинговые исследования, включая интенсивность углеродного следа продукции стран-конкурентов из ЕС и из третьих странах;
- переход на поставки в ЕС продукции с более высокой степенью обработки. При этом придется учитывать, что такой переход связан с вероятной потерей рентабельности по сравнению с экспортом менее обработанной продукции;
- частичная замена европейского рынка за счет поставок в третьи страны.

На уровне государства: при сохранении активного участия Российской Федерации в международных обсуждениях вопросов климата и принятии обязательств, отвечающих нашим интересам (как это было на конференции *COP-26* в Глазго, когда РФ взяла на себя обязательства по сохранению лесов), необходимо сконцентрировать усилия на поддержке конкурентоспособности российской экономики и одновременно избежать возможных международных климатических санкций.

Учитывая высокую степень неопределенности и рисков энергетического транзита, а также специфику нашей экономики, ее высокую зависимость от добычи минеральных ресурсов, не следует:

- форсировать энергопереход в РФ;
- тратить излишние средства на обустройство так называемых карбоновых полигонов и ферм;
- стимулировать выпуск “зеленых” облигаций. Это вредная для российских условий затея, особенно в условиях ограничения внешнего финансирования. Будут отвлекаться финансовые ресурсы от более важных для страны направлений;
- вводить внутренний налог на CO_2 .

Что необходимо сделать:

- по возможности максимально сохранить использование в экономике РФ традиционных источников энергии: нефти, газа, угля, если такое использование поддерживает конкурентоспособность российской экономики;

- заранее разработать пакет ответных мер, прежде всего ввозных пошлин, соответствующих нормам ВТО, в случае введения углеродного налога ЕС на импорт;
- педалировать вопрос незаконности такого налога как экстерриториального по своей сути на международном уровне. Здесь у нас может быть поддержка со стороны ряда государств, в том числе Китая, Индии и, частично, США;
- подключить к изучению проблем климата и обеспечить соответствующим финансированием ведущие институты РАН, занимающиеся фундаментальными исследованиями в этой области. Сейчас по факту главный от России исследовательский центр в области климата – Росгидромет, представители которого участвуют в Международной группе экспертов по изучению климата на основе международного финансирования. Результаты исследований академических институтов (в частности, по вопросам парниковых газов, естественных стоков CO₂ через почву и водную поверхность, воздействие лесов и так далее) станут важным аргументом при вероятном обсуждении в будущем обязательств стран по парниковым выбросам и возможных международных санкций.

POST SCRIPTUM

Критическое отношение к доминирующей сейчас в мире климатической повестке не означает, что автор недооценивает значение экологии для России. По многим показателям состояния окружающей среды и биоразнообразия наша страна отстает от передовых стандартов. Здесь есть ряд объективных причин. Это высокая доля в экономике добывающих и промежуточных отраслей (металлургия, химия, удобрения, целлюлозно-бумажная промышленность и др.). Но многие проблемы связаны с недостаточно жестким экологическим регулированием. Один из примеров – хищнические лесозаготовки. Другой – развитие городских и поселковых агломераций, когда застройка осуществляется без реального контроля общественности, а экологический фактор практически не учитывается (наглядный пример – расширение Москвы). Состояние российского ЖКХ не отвечает современным требованиям, особенно в малых городах. В сельской местности в подавляющей части населенных пунктов бытовые условия на уровне начала XX в., хотя при этом может быть доступ к интернету. Во многих регионах трудности с доступом к питьевой воде.

Понятно, что все эти проблемы Россия может и должна решить сама на региональном и местном уровнях. Международная климатическая повестка, определяющая направление и скорость перехода к углеродной нейтральности для всех стран мира без учета их национальных особенностей, здесь нам не поможет. В условиях фактически внешнего эмбарго расходы на экологию остаются необходимым условием повышения качества жизни. Потребуется более эффективное экологическое законодательство не только в области добычи полезных ископаемых, строительства и эксплуатации промышленных объектов, нефтегазопроводов и др., но и при будущем планировании развития территорий, их промышленной и, особенно, жилищной застройки, условий для повседневной жизни людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Павлов В.Г., Симонян Р.Р., Королев И.С. и др. *Сырьевой кризис современного капитализма (мирохозяйственные аспекты)*. Москва: Мысль, 1980. 295 с. [Pavlov V.G., Simonyan R.R., Korolev I.S. *Raw Material Crisis of Modern Capitalism (World Economic Aspects)*. Moscow, Mysl', 1980. 295 p. (In Russ.)]
2. *United Nations Conference on the Human Environment, 5-16 June 1972, Stockholm*. Available at: <https://www.un.org/en/conferences/environment/stockholm1972> (accessed 09.03.2022).
3. *A New Blueprint for International Action on the Environment*. United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, Brazil, 3-14 June 1992. Available at: <https://www.un.org/en/conferences/environment/rio1992> (accessed 09.03.2022).
4. Сечин И.И. *Необходимость структурных изменений в экономике и будущее энергетики*. Выступление на XIV Евразийском Экономическом Форуме в Вероне. октябрь 2021 г. [Sechin I.I. *The Need for Structural Changes in the Economy and the Future of the Energy*. Keynote Speech at Special Session at the XIV Eurasian Economic Forum in Verona, October 2021] Available at: https://www.rosneft.ru/upload/site1/attach/0/88/18/pdf_28102021_11.pdf (accessed 10.03.2022).

5. Aylor B., Gilbert M., Lang N., McAdoo M., Öberg J., Pieper C., Sudmeijer B., Voigt N. *How an EU Carbon Border Tax Could Jolt World Trade*. Boston Consulting Group, 30.06.2020. Available at: <https://www.bcg.com/publications/2020/how-an-eu-carbon-border-tax-could-jolt-world-trade> (accessed 09.03.2022).

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ

© ГАБАРТА А.А., ВИНОГРАДОВА Е.А., 2022

ГАБАРТА Анджей Артурович, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России, РФ, 117454 Москва, пр. Вернадского, 76, ведущий научный сотрудник отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы Российской академии наук, РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 (a.habarta@inno.mgimo.ru), ORCID: 0000-0003-4236-3777

ВИНОГРАДОВА Елизавета Андреевна, магистр, преподаватель факультета управления и политики секции кафедры английского языка № 6 Одинцовского филиала МГИМО МИД России, РФ, 143007 Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3 (elisa.vinogradova@mail.ru), ORCID: 0000-0003-2813-0571

Габарта А.А.,	Виноградова Е.А.	Особенности цифровой трансформации польской экономики. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2022, № 2, сс. 23-31. DOI: 10.20542/afij-2022-2-23-31
---------------	------------------	--

DOI: 10.20542/afij-2022-2-23-31

УДК: 338.2(438)

Поступила в редакцию 23.02.2022.

После доработки 29.03.2022.

Принята к публикации 20.07.2022.

В статье анализируется уровень цифровизации польской экономики, проводится сравнительный анализ с другими странами. Авторы определяют роль и место Польши в контексте Четвертой промышленной революции, а также степень участия польских предприятий в этом процессе. Анализ процесса цифровизации польской экономики строится на основе отчетов международных консалтинговых компаний и данных статистической службы Польши. Авторы приходят к выводу, что польские компании недостаточно используют возможности, предоставляемые им Четвертой промышленной революцией. Многие из них не имеют даже предпосылок для проведения автоматизации и роботизации производства, поскольку не вышли на завершающий этап предыдущей промышленной революции. Польским предприятиям важно преуспеть не только в потреблении цифровых решений, но главное, в их создании. Уровень цифровизации польской экономики достаточно низок по сравнению с ведущими экономиками мира. Такое положение будет сложно изменить, так как лидеры в этой области постоянно продвигаются вперед. Существенной проблемой на пути цифровизации польской экономики является отсутствие доверия со стороны руководства польских корпораций к новым технологиям. Сильной стороной является наличие инженерных кадров, программистов и базовых элементов ИКТ-инфраструктуры. Но успех в построении цифровой экономики в первую очередь будет зависеть от действий правительства и решений, принимаемых местными корпорациями.

Ключевые слова: Польша, Четвертая промышленная революция, экономика 4.0, экономика знаний, цифровая трансформация, рейтинг цифровизации, уровень цифровизации экономики.

PECULIARITIES OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE POLISH ECONOMY

Received 23.02.2022. Revised 29.03.2022. Accepted 20.07.2022.

Andrzej A. HABARTA (a.habarta@inno.mgimo.ru), ORCID: 0000-0003-4236-3777,
Institute for International Studies, MGIMO University, 76, prospect Vernadskogo, Moscow
117454, Russian Federation,
Institute of Europe, RAS, 11-3, Mokhovaya Str., Moscow 125009, Russian Federation.

Elizaveta A. VINOGRADOVA (elisa.vinogradova@mail.ru), ORCID: 0000-0003-2813-0571,
MGIMO University, Odintsovo Branch, 3, Novo-Sportivnaya Str., Odintsovo, Moscow Region
143007, Russian Federation.

The article analyzes the level of digitalization of the Polish economy and makes a comparison between it and that of other countries. The authors determine the role and place of Poland in the context of the ongoing Fourth Industrial Revolution, as well as the degree of participation of Polish enterprises in this process. The analysis of the digitalization process in Poland's economy is based on the reports of international consulting companies and data from the Polish statistical service. The authors come to the conclusion that local companies do not make sufficient use of the opportunities that the Fourth Industrial Revolution offers them. Many of them do not have even the prerequisites for the automation and robotization of production, because they have not reached the final stage of the previous industrial revolution. It is important for Polish enterprises to succeed not only in consuming digital solutions, but most importantly in creating them. The level of digitalization of the Polish economy is fairly low compared to the world's leading economies. It will be quite difficult to change this situation, since the leaders in this field are not standing still, but moving forward. A significant problem on the way to digitalization of the Polish economy is the lack of trust in new technologies on the part of the Polish corporate leadership. The strength of the Polish economy is in the presence of domestic engineers, programmers and the basic elements of ICT infrastructure. But success in building the digital economy will primarily depend on government actions and decisions made by local corporations.

Keywords: Poland, Fourth Industrial Revolution, Economy 4.0, knowledge economy, digital transformation, digitalization rating, level of digitalization of the economy.

About the authors: Andrzej A. HABARTA, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, World Economy Dept., Senior Research Fellow, Center for European Studies, Leading Researcher of the Central and Eastern European Studies Department.
Elizaveta A. VINOGRADOVA, Lecturer, School of Governance and Politics, Section of the English Department No. 6.

Четвертая промышленная революция означает переход мирового хозяйства на более высокий уровень развития благодаря внедрению в экономическую жизнь прорывных технологий и способов производства. Принято считать, что мировая хозяйственная система впервые столкнулась с такого рода революционными изменениями в способах производства в конце XVIII в. в результате изобретения парового двигателя и широкой механизации производства (Первая промышленная революция). Спустя столетие, в конце XIX в. с появлением электричества и конвейерного производства мир вступил в эпоху Второй промышленной революции. Третья – ИТ-революция – была обусловлена развитием в конце XX в. микроэлектроники, компьютеризации и автоматизации.

Происходящая в настоящее время Четвертая промышленная революция связана с широкомасштабным внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровых систем в экономические процессы. Это позволяет создать интерактивную сеть продуктов, машин и рабочей силы, что способствует увеличению количества звеньев в цепочке создания стоимости, а также усиливает конкуренцию. Первоначально такие изменения обозначались термином "Индустрия 4.0". Сейчас, когда ИКТ-технологии

проникают во все новые сферы хозяйственной деятельности, в обиход вошло понятие “Экономика 4.0”.

Наблюдаемая в настоящее время цифровая трансформация – это не только Интернет вещей (*Internet of Things, IoT*), искусственный интеллект (*Artificial Intelligence, AI*), “большие данные” (*Big Data*), но также создание новых бизнес-моделей, изменения в функционировании государственного сектора, преобразования в социальной и культурной сферах, ведущие к становлению цифрового общества. Все это напрямую влияет на конкурентоспособность как отдельных экономик, так и целых регионов мира. В научной литературе вошел в обиход соответствующий термин – “цифровая конкурентоспособность”.

Уровень цифровизации того или иного национального хозяйства определяется, с одной стороны, спросом на инновации со стороны всех экономических агентов, а с другой, предложением инновационных решений и уровнем их коммерциализации. Оба фактора связаны между собой технологическим потенциалом экономики и эффективностью институтов, влияющих на проведение научных исследований и на предпринимательство. Целью данной работы является определение уровня цифровизации польской экономики, а также степени участия польских предприятий в Четвертой промышленной революции.

В периоды предыдущих промышленных революций поляки были больше заняты экзистенциальными вопросами – решением внутри- и внешнеполитических проблем, борьбой за независимость. Сегодня ситуация для Польши более благоприятная. Страна обладает многочисленными и хорошо образованными техническими и управленческими кадрами, что позволяет польским компаниям активно участвовать в построении цифровой экономики.

Чтобы понять, какие возможности открывает четвертая промышленная революция для Польши, сначала необходимо определить, какое место она занимает в происходящей сейчас глобальной технологической гонке. Эксперты Международного экономического форума относят Польшу к группе стран, которые находятся в процессе перехода от стадии экономики, движимой эффективностью, к стадии экономики, движимой инновациями¹. Для успешной реализации такого перехода при одновременном сохранении высокого уровня жизни и доходов населения необходимо, чтобы местные производители могли конкурировать с иностранными корпорациями в деле внедрения инновационных решений. Достичь этого можно только при активной поддержке со стороны государства.

Краеугольный камень создания инноваций – финансирование научно-исследовательской и внедренческой деятельности. Сейчас Польша тратит на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) относительно немного (1.2% ВВП) по сравнению с такими инновационными лидерами мира, как Южная Корея (4.5%), Германия (3.1%) и США (2.8%). Похожая ситуация наблюдается, если проанализировать расходы на НИОКР в пересчете на одного исследователя².

В отличие от национальных хозяйств, находящихся на стадии развития экономики, движимой эффективностью, где государство стремится создавать все необходимые условия для адаптации новых технологий и инноваций, в экономиках, ориентированных на инновации, роль государства заключается прежде всего в содействии созданию и коммерциализации новых знаний.

Для Польши такое содействие крайне важно. Хотя уровень частных расходов на НИОКР в 2010-е годы вырос в 3.5 раза до 0.67% ВВП, по этому показателю страна остается далеко позади мировых лидеров [1, р. 279]. В условиях сохранения проблем с финансированием научных исследований со стороны частных инвесторов государство может способствовать

¹ The Global Competitiveness Report 2017–2018. World Economic Forum. 2018. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018/> (accessed 01.02.2022).

² Расчеты выполнялись по данным индикаторов Всемирного банка. См.: The World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed 01.02.2022).

снижению риска при осуществлении инвестиций в коммерциализацию научных исследований, в которых неохотно участвует частный капитал, путем привлечения бюджетных средств к их финансированию.

Следует отметить, что в 2012–2018 гг. в Польше произошло почти двукратное увеличение числа исследователей. Тем не менее научные ресурсы Польши по отношению к численности ее населения невелики, если сравнивать ее с ведущими странами в области инноваций – США, Германией, Южной Кореей.

Согласно данным Европейского инвестиционного банка ³, Польша занимает достаточно скромное – ниже среднеевропейского – место в мировом рейтинге цифровизации, особенно в таких областях, как производство, строительство, услуги и инфраструктура. При этом использование в Польше робототехники местными предприятиями соответствует среднему уровню по ЕС. В других же отраслях, таких как 3D-печать, Интернет вещей, “большие данные”, искусственный интеллект, виртуальная реальность, платформы и беспилотники, страна находится ниже среднеевропейского уровня [2].

Возможны различные подходы к оценке уровня цифровизации экономики. Аналитический центр “Институт Собеского” [3] предлагает использовать несколько индексов: индекс сетевой готовности (*Network Readiness Index, NRI*), индекс восприятия коррупции (*Corruption Perception Index, CPI*), индекс лучшей жизни ОЭСР (*OECD Better Life Index, BLI*).

Индекс сетевой готовности (NRI) измеряет способность национальной экономики использовать достижения в сфере ИКТ-технологий. Он является ключевым при анализе цифровой трансформации. В 2021 г. среди стран с высоким уровнем доходов Польша поднялась с 36-го на 33-е место ⁴. Сильными сторонами польской экономики можно считать доступность сетей 4G, доступ к интернету в школах, проработанное законодательство в области электронной коммерции. В то же время, согласно индексу *NRI*, Польша отстает от ведущих цифровых экономик по пропускной способности интернет-соединений, навыкам населения в области ИКТ, уровню инвестиций со стороны государства в новые технологии и их продвижению.

Согласно **индексу восприятия коррупции (CPI)**⁵, в последние годы ситуация в Польше ухудшилась. По сравнению с 2015 г. страна переместилась на 13 позиций вниз списка и в 2021 г. заняла 42-е место. Рост коррупции – это плохой сигнал для развития и внедрения инноваций в экономике, так как она препятствует росту конкурентоспособности и снижает потребность во внедрении новых решений. Инновации и новые технологии появляются в открытой, прозрачной и конкурентной среде. Коррупция разрушает такую среду, поскольку замещает лучшие решения худшими.

При расчете **Индекса лучшей жизни ОЭСР (BLI)** рассматриваются 11 областей, составляющих так называемую лучшую жизнь. Польша достигала результатов выше среднего только в двух сферах: безопасность и образование. В остальных девяти областях – здоровье, доход, работа, общество, гражданские права, социальная поддержка, удовлетворенность жизнью, качество окружающей среды и жилья, баланс между работой и личной жизнью – зафиксировано отставание от средних показателей ЕС. По сравнению с предыдущими периодами значение индекса изменилось незначительно. В 2021 г. Польша демонстрировала показатели выше среднего в только двух категориях: личная безопасность и образование. 92% граждан в возрасте от 25 до 64 лет имеют высшее образование, что является одним из лучших результатов в странах ОЭСР⁶. В таких областях как здоровье, доход и богатство,

³ *Digitalisation in Europe 2020–2021. Evidence from the EIB Investment Survey*. European Investment Bank. 2021. Available at: https://www.eib.org/attachments/efs/digitalisation_in_europe_2020_2021_en.pdf (accessed 01.02.2022).

⁴ *Poland. Network Readiness Index*. 2021. Available at: <https://networkreadinessindex.org/country/poland/> (accessed 01.02.2020).

⁵ *Corruption Perceptions Index*. 2021. Transparency International. Available at: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (accessed 01.02.2022).

⁶ *OECD Better Life Index*. 2021. Available at: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/poland-ru/> (accessed 01.02.2020).

социальная связь, гражданская активность, субъективное благополучие, работа и заработок, качество окружающей среды, баланс между работой и личной жизнью и жилье по индексу *BLI* Польша стоит ниже среднего уровня по странам ОЭСР. Также наблюдается существенный разрыв в среднем располагаемом доходе: у польских домохозяйств он составляет 19.8 тыс. долл. против среднего по ОЭСР 33.6 долл. [2]

Положительным моментом является то, что качество образования в Польше оценивается выше, чем в среднем по странам ОЭСР. В рамках теста *PISA-2018*, который оценивает навыки чтения, математики и анализа в области естественных наук, польские студенты набрали 511 баллов, в то время как средний показатель среди развитых стран составлял 489 [4, р. 12]. Тот факт, что показатели Польши ниже средних в девяти рассматриваемых областях, говорит о том, что ее экономика недостаточно инновационная.

Цифровизация необходима предприятиям для повышения производительности труда и эффективности. Установлено, что компании, осуществляющие цифровую трансформацию, более склонны увеличивать расходы на развитие технологий, процессов и услуг, также выделяют больше финансовых ресурсов на оптимизацию энергопотребления и борьбу с изменением климата. Все это делает их более конкурентоспособными, расширяет возможности экспорта своих товаров и услуг за рубеж.

Основными источниками данных о процессе цифровизации в Польше являются отчеты международных консалтинговых компаний, поставщиков промышленных технологий, а также государственных учреждений. Такие отчеты достаточно сложно сравнивать друг с другом из-за разного набора используемых в них критериев, методологий и выборок респондентов при опросах.

Одним из краеугольных камней Четвертой промышленной революции является формирование и анализ огромного объема различной информации – “больших данные”. Их аналитика основывается на автоматическом сборе и обработке данных, получаемых при помощи технических устройств, либо непосредственно от людей. Она позволяет компаниям лучше управлять ресурсами, планировать производство, управлять жизненным циклом выпускаемых продуктов, углублять сотрудничество с поставщиками, лучше реагировать на потребности клиентов.

Исследование *PricewaterhouseCoopers (PwC)* в Польше показало, что только 18% респондентов умеют анализировать “большие данные” современными продвинутыми способами. Более половины респондентов указали, что их организации испытывают существенные сложности при выполнении задач в этой области, а 9% компаний заявили об отсутствии возможностей для анализа “больших данных”⁷.

Опрос, проведенный по заказу компании *Siemens* в 2017 г., выявил еще более тревожные тенденции в польской экономике. Лишь 11.6% респондентов указали, что их компании работают с “большими данными” [5]. Опрос выявил, что 61% компаний не планируют в ближайшем будущем внедрять у себя инструменты анализа “больших данных”. Даже если осуществляется сбор данных, их обработка и анализ осуществляются вручную. Согласно данным за 2015 г., автоматизированный сбор информации осуществлялся только 36% польских компаний, 16% собирал и хранил их в бумажной форме, 59% компаний осуществлял ввод данных в систему вручную [1, р. 290].

Другим столпом промышленной революции 4.0 является Интернет вещей, под которым понимаются различные технологии, позволяющие подключать к интернету самые различные устройства и получать к ним удаленный доступ. Список таких устройств простирается от бытовой техники (часы, телефоны) до машин и оборудования на промышленных предприятиях. Интернет вещей может применяться в любой отрасли, например в автомобильной, медицинской и горнодобывающей. Благодаря этой технологии можно

⁷ *Przemysł 4.0 czyli wyzwania współczesnej produkcji*. PwC. 2017. [Industry 4.0: the Challenges of Modern Manufacturing. PwC. 2017. (In Pol.)] Available at: <https://przemysl-40.pl/wp-content/uploads/2017-Przemysl40-czyli-wyzwania-wspo%C5%82czesnej-produkcji.pdf> (accessed 01.02.2022).

прогнозировать будущие поломки и неисправности оборудования с целью своевременного предотвращения их. Интернет вещей позволяет анализировать потребление энергии и других ресурсов, обеспечивая его оптимизацию.

Исследования показывают, что большинству руководителей польских предприятий Интернет вещей в целом еще мало известен, хотя среди топ-менеджеров понимание его значения растет. В 2015–2016 гг. количество респондентов, не понимающих концепцию Интернета вещей, снизилось с 44% до 19% [6]. Но при этом только 13% польских МСП заявляли об использовании Интернета вещей, тогда как 65% не планируют его имплементировать в свою деятельность в ближайшем будущем [5].

Четвертая промышленная революция также связана с автоматизацией производства и внедрением роботов. Это означает, что в будущем все больше производственных процессов будет выполняться машинами без участия человека. В Польше 49% опрошенных МСП используют автоматизацию производства при помощи отдельных машин, 27% компаний применяют автоматизацию производства с помощью взаимодействующих между собой устройств. Только 14.3% компаний провели полную автоматизацию и роботизацию всей производственной линии. При этом 62% респондентов не имеют планов полной роботизации своих производственных циклов [5]. Это говорит о том, что польские компании все еще находятся на этапе Третьей промышленной революции, характеризующейся простой автоматизацией производства.

Анализируя характер функций, выполняемых на производственных линиях, и степень использования роботов для их выполнения, можно сделать вывод, что уровень роботизации польской экономики остается низким. Более чем в половине предприятий используется большое количество физического труда, а роботы для выполнения такого рода задач применяются менее чем в 5% компаний.

Точные производственные операции выполняются более чем в 60% компаний, но только 7% из них используют роботов для их проведения. О выполнении опасных работ заявляют почти 49% компаний, но только 4.4% используют роботов для этих целей. Около 11% предприятий используют роботов для выполнения повторяющихся задач [5]. По мнению экспертов *McKinsey*, в Польше остается широкое поле для автоматизации труда [7]. По их оценкам, к 2030 г. с использованием новых технологий, прежде всего искусственного интеллекта, в стране может быть автоматизированы операции, требующие около 50% производственных часов и сейчас требующих около 7.3 млн рабочих мест.

Интересно, что вышеприведенный вывод не стыкуется с данными опроса *PwC* относительно восприятия польскими компаниями идеи "Индустрии 4.0". Респонденты *PwC* высоко оценивают уровень цифровизации своих компаний⁸. Видимо, это означает, что в условиях стремительно развивающейся Четвертой промышленной революции у польских топ-менеджеров отсутствует комплексное представление о новейших мировых разработках в области цифровой экономики, кроме того, для них характерно искаженное восприятие ситуации в своих компаниях.

Проведение цифровой трансформации сопряжено не только с высокими финансовыми затратами, но и необходимостью широкомасштабной переподготовки кадров. Согласно данным Евростата, в 2020 г. только 18% польских предприятий предоставили возможность своим сотрудникам пройти курсы повышения квалификации в области ИКТ. Важно улучшать этот показатель для повышения качества рабочей силы и инновационного потенциала экономики.

Значимым препятствием на пути цифровизации экономики являются опасения со стороны экономических агентов за безопасность своих данных. На фоне растущего числа хакерских атак в мире предприниматели все активнее стараются защититься от кражи или порчи своей служебной, особенно конфиденциальной информации. Защита цифровых данных является крупнейшим вызовом, стоящим перед ИКТ-отраслью. В этом

⁸ Przemysł 4.0 czyli wyzwania współczesnej produkcji. Op. cit.

контексте стоит упомянуть, что в рейтинге 500 крупнейших компаний мира в области кибербезопасности нет ни одной польской.

Для успешного осуществления цифровой трансформации необходима развитая ИКТ-инфраструктура. Согласно отчету Европейского инвестиционного банка, почти 50% польских компаний сталкиваются с ее слабостью. В Польше пока наблюдается отрицательная корреляция между заявленной скоростью передачи данных в сетях, используемых домохозяйствами, и проблемами в области цифровой инфраструктуры. Возможно, с развитием и увеличением доступности сетей 5G скорость передачи данных вырастет, что будет способствовать цифровизации польских компаний.

Существенной проблемой на пути цифровизации польской экономики является отсутствие доверия со стороны руководства польских корпораций к новым технологиям. По данным национальной статистики, только 24.4% польских компаний используют в своей деятельности технологию “облачных” вычислений (*cloud computing*) [8]. Правда, ситуация постепенно меняется в лучшую сторону. Кроме того, в компаниях увеличивается штат сотрудников, занимающихся вопросами кибербезопасности. Это также одна из самых популярных специальностей в польских ВУЗах.

Национальное экспертное сообщество и СМИ весьма скептически оценивают текущий уровень цифровизации польской экономики. В прессе можно встретить утверждения, что государство тратит миллионы на реализацию множества проектов по продвижению цифровизации, но результат их плачевен. Эксперты считают, что в последние годы “ввиду зарывания денег в землю Польша смогла лишь незначительно улучшить свой результат в рейтингах цифровизации” [9]. При более грамотном использовании государственных ресурсов и наличии у исполнителей необходимых компетенций можно было бы создать гораздо более продвинутые информационные системы. Представители ИКТ-сферы еще более критичны. Они указывают, что цифровая экономика в стране имеет очаговый характер, в результате чего “множество мелких участников вынуждено функционировать в океане цифровой некомпетентности” [9].

Государство уже потратило более 10 млрд злотых на создание цифровой среды в госорганах, по это пока не способствует достижению поставленных целей. Согласно мнению экспертов, основная проблема заключается в неэффективности законодательной базы, где одни положения зачастую противоречат другим. В связи с этим цифровизация услуг органов государственной власти пробуксовывает. Другим препятствием является неподготовленность госслужащих к работе в цифровом мире. Большинство из них сопротивляется переходу к новым способам работы, предпочитая старую проверенную систему бумажного документооборота.

Также необходимо упомянуть польский менталитет. В стране давно сложился “культ бумаги и печати на документах”, который дает чиновникам реальную власть над гражданами. Это подтверждается анализом технических заданий, которые формировали органы государственной власти к разработчикам цифровых услуг. Вопреки заявленной цели сделать проще жизнь простых обывателей, госорганы при разработке цифровых программ в первую очередь руководствуются своими собственными мотивами, думают о своем удобстве и комфорте, а только потом о гражданах, для которых они работают [9].

Другой польской особенностью является то, что госорганы постоянно не укладываются в рамки выделенных им бюджетов и запаздывают с реализацией проектов цифровизации. Хуже всего то, что созданные цифровые продукты часто остаются невостребованными обществом, скорее всего из-за незнания об их существовании.

К своим основным достижениям в области цифровизации правительство причисляет разработку и запуск электронной платформы по оказанию государственных услуг (*e-PUAP*), запущенной с большой помпой в середине 2008 г. Проект должен был стать визитной карточкой правительства в области цифровизации. Со временем, однако, оказалось, что платформой пользуется очень небольшое количество зарегистрированных в ней пользователей. При этом в разные периоды государство тратило на ее содержание от 4 до 20 млн злотых в год.

Обследование выявило две причины непопулярности платформы *e-PUAP*. Во-первых, мало кто знал об ее существовании, а среди тех, кто знал, только единицы смогли ею пользоваться из-за сложного процесса аутентификации. Вызывал сомнения также уровень защиты персональных данных. Поэтому большинство польских граждан предпочитает решать свои вопросы по старинке, лично направляясь в нужный им госорган.

Запуск *e-PUAP* был сопряжен с грандиозным коррупционным скандалом. В апреле 2012 г. Европейская комиссия приостановила свое финансирование ИТ-проектов в Польше в объеме 148 млн евро ввиду подозрений о наличии в них коррупционной составляющей. После того, как подозрения подтвердились, была приостановлена и реализация проекта *e-PUAP*, а предназначенные для него финансовые средства в размере 3.7 млрд злотых оказались заморожены. Обсуждалась идея вообще отказаться от него, но это было чревато необходимостью возврата в бюджет ЕС выделенных на его реализацию средств. Поэтому проект запустили заново, причем его вторую версию разрабатывали практически с нуля.

Платформа *e-PUAP-2* была запущена в 2015 г. Она выглядела и работала лучше прежней, поскольку был решен вопрос аутентификации пользователей. На платформе появились многие полезные для пользователей функции, например возможность оформить Европейскую карту медицинского страхования, что сильно упростило жизнь Национальному фонду здравоохранения Польши. Правда, вскоре выяснилось, что в функционировании новой платформы имеются серьезные изъяны. Оказалось, что отправленные через нее гражданами заявления в госорганы там никто не читает. Во многих региональных органах власти не было зафиксировано ни одного захода в систему со стороны чиновников. Особо стоит отметить ситуацию в судебной системе. Оказалось, что ни один суд в Польше не использует в своей деятельности платформу *e-PUAP*. Похожая ситуация наблюдается и с другими флагманскими проектами правительства в области цифровизации деятельности госорганов.

* * *

Очевидно, что в долгосрочной перспективе развитие Польши будет зависеть от инкорпорации в национальное хозяйство достижений цифровой экономики (знаний и инноваций), а не от текущих конкурентных преимуществ, прежде всего относительно дешевой по европейским меркам рабочей силы. Стране важно максимально стимулировать инновационную активность национальных предприятий и повышать их осведомленность о возможностях создания конкурентных преимуществ на основе знаний.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что местные компании недостаточно используют возможности, предоставляемые им Четвертой промышленной революцией. Более того, многие из них не имеют даже предпосылок для проведения автоматизации и роботизации производства, поскольку не вышли на завершающий этап предыдущей промышленной революции. Польским предприятиям важно преуспеть не только в потреблении цифровых решений, но и, главное, в их создании. Иначе экономика страны может лишиться имеющихся сейчас конкурентных преимуществ и попасть в «ловушку среднего дохода».

Подводя итог, можно констатировать, что уровень цифровизации польской экономики находится на достаточно низком уровне по сравнению с ведущими экономиками мира. Такое положение будет достаточно сложно изменить, так как лидеры в этой области не стоят на месте, а продвигаются вперед. Сильной стороной польской экономики является наличие отечественных инженеров, программистов и базовых элементов ИКТ-инфраструктуры. Растущее с каждым годом количество студентов на направлениях, связанных с информационными технологиями, вселяет оптимизм. Но в целом успех в построении цифровой экономики в первую очередь будет зависеть от действий правительства и решений, принимаемых местными корпорациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Kuźnar A. Cyfryzacja polskiej gospodarki i wykorzystanie innowacji informatycznych oraz big data przez polskie przedsiębiorstwa. Polska Raport o konkurencyjności 2019. *Konkurencyjność międzynarodowa w kontekście rozwoju przemysłu 4.0*. Kowalski A., Weresa M., red. Warszawa, Oficyna Wydawnicza SGH, 2019. 326 p. [Kuźnar A. Digitalization of the Polish Economy and the Use of IT Innovations and Big Data by Polish Enterprises. Poland Competitiveness Report 2019. *International Competitiveness in the Context of Development of Industry 4.0*. Kowalski A., Weresa M., eds. Warszawa, Oficyna Wydawnicza SGH, 2019. 326 p. (In Pol.)]
2. Michałowski B. Cyfryzacja Polskiej Gospodarki. Przeszkody i Kierunki Dalszego Rozwoju. Instytut Sobieskiego. 11.08.2021. [Michałowski B. Digitalization of the Polish Economy. Obstacles and Directions for Further Growth. Sobieski Institute. 11.08.2021. (In Pol.)] Available at: [https://sobieski.org.pl/cyfryzacja-polskiej-gospodarki-przeszkody-i-kierunki-dalszego-rozwoju/#:~:text=Raport%20Europejskiego%20Banku%20Inwestycyjnego%20\(EBI\),znaczc%C4%85co%20mniej%20narz%C4%99dzi%20cyfrowych%20w](https://sobieski.org.pl/cyfryzacja-polskiej-gospodarki-przeszkody-i-kierunki-dalszego-rozwoju/#:~:text=Raport%20Europejskiego%20Banku%20Inwestycyjnego%20(EBI),znaczc%C4%85co%20mniej%20narz%C4%99dzi%20cyfrowych%20w) (accessed 02.02.2022).
3. Michałowski B. Polska (prawdziwie) cyfrowa. 12 rekomendacji na lata 2019–2023. Instytut Sobieskiego. 2019. 62 p. [Michałowski B. Poland (Truly) Digital. 12 Recommendations for 2019–2023. Sobieski Institute. 2019. 62 p. (In Pol.)]
4. Sitek M., red. Program Międzynarodowej Oceny Umiejętności Uczniów. Wyniki badania PISA 2018 w Polsce. Warszawa, Instytut Badań Edukacyjnych, 2019. 10 p. [Sitek M., ed. Program for International Student Assessment. Results of the PISA Survey 2018 in Poland. Warsaw, Institute for Educational Research, 2019. 10 p. (In Pol.)]
5. Smart Industry Polska 2017. Adaptacja innowacji w działalności mikro oraz małych i średnich przedsiębiorstw produkcyjnych w Polsce. Raport z badań. Warszawa, Ministerstwo Rozwoju, Siemens, 2017. 82 p. [Smart Industry Poland 2017. Adaptation of Innovation in the Activities of Micro-, Small- and Medium-Sized Manufacturing Enterprises in Poland. Research Report. Warsaw, Ministry of Development of the Republic of Poland, Siemens, 2017. 82 p. (In Pol.)] Available at: <https://publikacje.siemens-info.com/webreader/00131-000758-raport-%20smart-industry-polska-2017/index.html> (accessed 01.02.2022).
6. Przemysł 4.0. Rewolucja już tu jest. Co o niej wiesz? Astor Whitepaper. 2016. [Industry 4.0. The Revolution is Here. What do You Know about it? Astor Whitepaper. 2016. (In Pol.)] Available at: https://www.astor.com.pl/images/Industry_4-0_Przemysl_4-0/ASTOR_przemysl4_whitepaper.pdf (accessed 01.02.2022).
7. Ramię w ramię z robotem. Jak wykorzystać potencjał automatyzacji w Polsce. McKinsey. 2018. 39 p. [Shoulder to Shoulder with Robots. Using the Potential for Automation in Poland. McKinsey. 2018. 39 p. (In Pol.)] Available at: https://www.mckinsey.com/pl/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Polska/Raporty/Ramie%20w%20ramie%20z%20robotem/Rami-w-rami-z-robotem_Raport-McKinsey.pdf (accessed 01.02.2022).
8. Społeczeństwo informacyjne w Polsce w 2020 roku. Analizy statystyczne. Główny Urząd Statystyczny. Warszawa, Szczecin, 2020. 192 p. [Information Society in Poland in 2020. Statistical Analyses. Statistics Poland. Warsaw, Szczecin, 2020. 192 p. (In Pol.)] Available at: <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/nauka-i-technika-spoleczenstwo-informacyjne/spoleczenstwo-informacyjne/spoleczenstwo-informacyjne-w-polsce-w-2020-roku,1,14.html> (accessed 06.02.2022).
9. Ćwieluch J. Cyfryzacja po polsku. Polityka, 27.11.2018. [Ćwieluch J. Digitization in the Polish Way. Polityka, 27.11.2018. (In Pol.)] Available at: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/spoleczenstwo/1772618,1,cyfryzacja-po-polsku.read> (accessed 01.02.2022).

ГОСУДАРСТВО В ЦИФРОВОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ОТ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА К ЦИФРОВЫМ ЭКОСИСТЕМАМ

© УДОВЕНКО И.П., 2022

УДОВЕНКО Илья Петрович, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Российская Федерация, 117997 Москва, Профсоюзная улица, 23 (UdovenkoIP@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-7477-2562

Удовенко И.П. Государство в цифровом преобразовании управленческих процессов: от электронного документооборота к цифровым экосистемам. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 2, сс. 32-42. DOI: 10.20542/afij-2022-2-32-42

DOI: 10.20542/afij-2022-2-32-42

УДК: 338.2:316.42

Поступила в редакцию 04.07.2022.

После доработки 14.07.2022.

Принята к публикации 20.07.2022.

В статье с использованием институционального подхода исследуются изменения, возникающие в сфере административно-государственного управления при внедрении информационно-коммуникационных технологий. На практических примерах рассматриваются преобразования способов взаимодействия государственных институций с гражданами и организациями, а также новые появляющиеся возможности при оказании государственных и социально значимых услуг. Автор анализирует как ретроспективу формирования централизованных государственных информационных систем в странах, достигших цифровой зрелости, становление электронных, цифровых и “умных” правительств, так и наметившиеся тенденции следующего витка цифровой трансформации – развития межгосударственных цифровых экосистем и региональных цифровых сред мегаполисов и городских агломераций.

В частности, в статье исследуются предпринятые правительством США в начале XXI в. шаги по налаживанию электронного взаимодействия между государственными органами и созданию системы для предоставления социально значимых услуг, исключающей личное обращение граждан и организаций. Далее выявляются технологии, позволившие впоследствии перейти к использованию управленческой информации в полностью цифровом формате и в других странах. Существенным новшеством, определившим, по мнению автора, дальнейший вектор трансформации административных процессов, стала интеграция платежных и государственных информационных систем. Подобное технологическое решение, реализованное посредством более тесного партнерства государственных и корпоративных структур в сочетании с распространением индивидуальных мобильных цифровых устройств – смартфонов и планшетов, стало основой для разработки единых цифровых платформ, призванных оптимизировать как предоставление, так и получение практически всех востребованных гражданами услуг.

В статье также рассматривается роль государственных информационных систем в становлении экономики данных и выделяются возникающие модели государственного

регулирования в этой сфере. В качестве актуальных тенденций цифровизации в государственном секторе анализируются: обретение регуляторами цифровых экосистем способности предоставлять цифровые сервисы для экстерриториальных сообществ, масштабирование цифровой инфраструктуры на территориях с высокой концентрацией населения при реализации проектов экономического развития и внедрение цифровых технологий в социальной сфере.

Ключевые слова: государственное управление, цифровая трансформация, цифровое правительство, “умный город”, государственная информационная система, открытые данные, цифровая экосистема, экономика данных, социальные услуги.

PUBLIC GOVERNANCE IN DIGITAL TRANSFORMATION: FROM ELECTRONIC DOCUMENT EXCHANGE TO DIGITAL ECOSYSTEMS

Received 04.07.2022. Revised 14.07.2022. Accepted 20.07.2022.

Il'ya P. UDOVENKO (UdovenkoIP@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-7477-2562, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

This article explores the changes arising from the introduction of information and communication technologies in public administration using an institutional approach. Practical examples are used to consider transformations in the way government institutions interact with citizens and organizations, as well as new emerging opportunities in the provision of public and socially important services. The author analyses both the retrospective formation of centralised government information systems in countries that have reached digital maturity, the formation of electronic, digital and smart governments, and the emerging trends of the next round of digital transformation - the development of interstate digital ecosystems and regional digital environments of megacities and urban agglomerations.

In particular, the article examines the steps taken by the US government in the early 21st century to establish electronic interaction between government agencies and to create a system for delivering public services that excludes personal contact by citizens and companies. It then identifies technologies that have subsequently enabled other countries to make the transition to fully digital governmental information. A significant innovation that, in the author's opinion, determined the further vector of transformation of administrative processes was the integration of payment and government information systems. Such a technological solution, implemented through a closer partnership between government and corporate entities, combined with the spread of individual mobile digital devices – smartphones and tablets – has become the basis for the development of unified digital platforms designed to optimize both the provision and receipt of virtually all socially important services.

The article also examines the role of government information systems in the development of the data economy and highlights emerging models of government regulation in this area. The following trends of digitalization in the public sector are analysed as relevant: regulators of digital ecosystems acquiring the ability to provide digital services to extraterritorial communities, scaling digital infrastructure in territories with high population concentration when implementing economic development projects and introducing digital technologies in the social sphere.

Keywords: public administration, digital transformation, digital government, smart city, public administration information system, open data, digital ecosystem, data economy, social services.

About the author: Il'ya P. Udovenko – Cand. Sci (Pedagog.), Senior Researcher, Department of Complex Socio-Economic Research, Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies.

Стратегии модернизации государственного управления посредством применения информационно-коммуникационных технологий разрабатываются уже более 20 лет. За этот относительно небольшой период внедрение цифровых решений в практику государственных органов стало обязательным атрибутом внутренней политики всех развитых и многих развивающихся стран. Если в начале эры “цифрового управления” (*digital governance*) подобные новации воспринимались как возможность использовать результаты научно-технического прогресса для повышения эффективности государственного администрирования [1], то в последние годы в некоторых странах “цифровое правительство” (*digital government*) представляется основой для построения цифровой экономики и цифрового общества [2].

С начала XXI в. национальным проектам цифровой трансформации в сфере государственного управления стала оказываться методическая поддержка со стороны международных организаций. Так, в 2002 г. впервые был опубликован сравнительный анализ развития “электронных правительств” стран – членов Организации Объединенных Наций¹. С 2003 г. начал ежегодно рассчитываться Индекс электронных правительств ООН (*E-Government Development Index, EGD*), в котором применяется методика измерения эффективности правительств по предоставлению государственных услуг в сети интернет на основе количественных показателей. Структуры ООН публикуют специализированные обзоры, обобщающие достигнутые результаты и препятствия для внедрения цифровых технологий в сфере государственного администрирования².

В “дорожных картах”, разрабатываемых Всемирным банком для отдельных государств, на базе опыта других, достигших “цифровой зрелости” (*digital maturity*)³ стран, предлагаются принципы реформирования систем государственного управления. В перечень таких принципов входят:

- 1) “цифровое по умолчанию” – разработка регламентов государственных процедур с учетом того, что они будут реализовываться в цифровом виде;
- 2) “цифровое от начала до конца” – реинжиниринг административных процессов при предоставлении государственных услуг с целью перевода их полностью в цифровой вид;
- 3) “правительство как платформа” – интеграция сервисов и приложений негосударственных организаций в цепочке предоставления государственных услуг;
- 4) “платформонезависимость” – использование различных цифровых приложений для взаимодействия государственных органов и учреждений с гражданами и организациями, в том числе установленных на мобильные устройства пользователей⁴.

Ключевым индикатором, предлагаемым Всемирным банком для оценки “цифровой зрелости” правительств, является увеличение скорости и объема передаваемых данных, их открытость, формирование клиентоориентированности – переход от субъектно-объектного к горизонтально ориентированному взаимодействию государства и граждан [3], а также датацентричности – созданию максимально полного цифрового профиля граждан и организаций.

Основным признаком, свидетельствующим о достижении “цифровой зрелости”, выступает разработка национальными правительствами информационных систем, позволяющих повышать эффективность управления в различных отраслях экономики и социальной сферы: с одной стороны, снижать издержки и наращивать добавленную

¹ *Benchmarking E-government: A Global Perspective*. Available at: https://www.ogcio.gov.hk/tc/news/publications/doc/1998_digital21.pdf (accessed 07.07.2022).

² *E-Government Survey 2020. Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development*. Available at: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf) (accessed 07.07.2022).

³ *5 Levels of Digital Government Maturity*. Available at: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/5-levels-of-digital-government-maturity> (accessed 07.07.2022).

⁴ *Digital Government 2020. Prospects for Russia*. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/ar/562371467117654718/pdf/105318-WP-PUBLIC-Digital-Government-2020.pdf> (accessed 07.07.2022).

стоимость при производстве товаров и услуг, а с другой – оптимизировать социальные расходы.

Масштабы и разнообразие применения цифровых технологий приводят некоторых исследователей к выводу о трансформации всей организационной структуры государственного управления [4]. Иллюстрацией кардинальных преобразований, как правило, выступает деперсонификация государственных служащих и применение автоматизированных программ-ботов при предоставлении государственных услуг в электронной форме, разработка и реализация многоуровневых решений, принимаемых на основе рационально организованной системы управления данными (*data-driven administration*), создание хранилищ больших объемов информации (*data lakes*). Подобные инновации детерминируют различные социальные и экономические изменения, однако комплексная методика оценки эффективности их внедрения и применения в государственном управлении пока не разработана [5].

Одним из препятствий для разработки такой методики является сложность в определении всех затрат, которые несут государственные бюджеты при реализации национальных стратегий цифровой трансформации. Не всегда очевидны и оптимизационные эффекты от внедрения цифровых технологий. Даже в странах, достигших “цифровой зрелости”, принятие ключевых управленческих и политических решений сохраняется за людьми, наделенными соответствующими полномочиями, а не передается “искусственному интеллекту”. Более того, в органах государственной власти данных стран создаются дополнительные разветвленные бюрократические структуры управления процессом цифровой трансформации, осуществляющие разработку, утверждение и контроль процедур, реализуемых в государственных информационных системах.

Наличие неисследованного поля в теории “цифрового управления” вызывает скепсис в отношении точности понятий “государственная цифровизация”, “цифровая трансформация государственного управления” и позволяет исследователям задаваться актуальным вопросом: что именно меняется в государственном управлении при цифровой трансформации? [6] Ответ на этот вопрос и является целью настоящей статьи.

РЕТРОСПЕКТИВА СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Впервые программа цифровой трансформации государственных процессов управления была опубликована в Гонконге 1998 г.⁵, но все же началом практической реализации подобных инициатив можно считать запуск в 2000 г. в США государственного портала *FirstGov.gov* (переименован в 2007 г. в *USA.gov*). Деятельность первого “электронного правительства” в мире регламентировал нормативный акт, принятый в Соединенных Штатах в 2002 г.⁶

Государственный портал США в сети интернет, как и государственные порталы других стран, выступил в качестве электронной “доски объявлений”, содержащей контактную информацию о государственных службах, режимах их работы и необходимых для представления в них документов. Таким способом решалась задача привлечения к данному portalу внимания людей, ищущих актуальную информацию об условиях проведения обязательных государственных процедур. Впоследствии данные процедуры получили обобщенное наименование – государственные услуги. В первую очередь в эту категорию попала уплата налогов и оформление документов: гражданского и заграничного паспортов, водительских прав, свидетельств о заключении или расторжении брака, рождении или смерти, а также лицензий и документов миграционного учета.

⁵ Digital 21. Hong Kong Special Administrative Region Information Technology Strategy. Available at: https://www.ogcio.gov.hk/tc/news/publications/doc/1998_digital21.pdf (accessed 07.07.2022).

⁶ E-Government Act of 2002. Available at: <https://www.archives.gov/about/laws/egov-act-section-207.html> (accessed 07.07.2022).

Формализация регламентов оказания государственных услуг становилась основой для выстраивания системы электронного документооборота межведомственного взаимодействия. Переход на безбумажный документооборот между госорганами позволял автоматизировать управление жизненным циклом документов от их создания, согласования, анализа готовности и рассмотрения до формирования электронного архива и уничтожения.

Постепенное налаживание взаимодействия по электронным каналам связи между государственными ведомствами стало основой для перехода к предоставлению госуслуг, исключавшему личное обращение контрагентов – граждан и организаций. Эту стадию можно считать первичной цифровизацией государственного администрирования, так как в цифровом виде документы находились лишь в процессе их передачи по электронным каналам связи, а на вводе и выводе управленческая информация по-прежнему предоставлялась в бумажном или аналоговом формате (в виде графических изображений).

Внедрение в государственные информационные системы (ГИС) технологий ввода цифровых данных позволило госучреждениям использовать их без дополнительных операций. Оптимизации содействовало создание опции личных идентифицированных (подтвержденных) кабинетов пользователей на порталах государственных услуг, в которых физические и юридические лица заполняли интерактивные формы документов, состоящие из специальных областей. Таким образом началось генерирование документов в цифровом виде. Заявители, в первую очередь налогоплательщики и получатели социальных услуг, постепенно сами стали формировать основную часть данных о себе в государственных информационных системах. Переход к взаимодействию с госорганами по электронным каналам связи стимулировал компьютеризацию широких слоев домохозяйств, сферы малого и среднего бизнеса [7].

Иллюстрацией масштабных возможностей, появившихся у правительства США уже в конце первого десятилетия XXI в. в результате цифровизации, может служить реализация плана восстановления экономики после рецессии 2008 г. – *American Recovery and Reinvestment Act (ARRA)*. Целью данного плана являлось поддержание платежеспособного спроса посредством увеличения государственных расходов. Одним из мероприятий *ARRA* стала выплата единовременного платежа (*Economic Recovery Payment, ERP*). Претендовать на *ERP* в размере 250 долл. США могли физические лица, подававшие ранее налоговую отчетность и являющиеся бенефициарами государственной поддержки. Помощь оказывалась на заявительной основе тем, кто уже имел подтвержденный статус нуждаемости и соответствовал дополнительным критериям по срокам участия в программах социальной поддержки, а также не совершал нарушений уголовного законодательства.

ERP получили 55.2 млн человек, а расхождение между фактическими и запланированными расходами не превысило 3% (выплачено 13.8 млрд долл. из запланированных 14.2 млрд). Скорость реализации *ERP* в релевантном и синхронном режиме с другими мерами *ARRA* свидетельствует о том, что в 2008 г. агентства правительства США осуществляли масштабный межведомственный обмен данными в машиночитаемом формате и имели налаженную коммуникацию со значительной частью получателей мер социальной поддержки посредством портала государственных услуг. Цифровые технологии позволили оперативно спланировать государственные расходы и доходы, то есть придать перераспределению в экономике в кризисный момент более управляемый характер.

Во втором десятилетии XXI в. цифровизация сектора государственного администрирования, проводимая на принципах, разработанных в США и взятых на вооружение в развитых странах, становится одним из главных инструментов социально-экономической политики многих развивающихся стран. Аналитика данных, получаемых государственными органами в ходе цифрового взаимодействия с гражданами и организациями, выступала основой для принятия решений о введении более дифференцированных условий налогообложения и адресных мер социальной поддержки.

Государственное администрирование, основанное на практической реализации принципа “правительство как платформа”, имело существенное функциональное отличие от системы обмена управленческой информацией посредством электронного документооборота [8]. Внедрение новых технологий управления данными и реинжиниринг внутренних регламентов государственных органов для обеспечения их горизонтальной интеграции привели к утрате ведомственных границ и появлению единых государственных платформ, индивидуально коммуницирующих со своими контрагентами при возникновении изменений. Если раньше при обращении в разные государственные структуры гражданам и организациям было необходимо каждый раз предоставлять основные сведения, то с появлением “государства-платформы” требовалось однократно подать в режиме “одного окна” неизменные данные, после чего начиналась их агрегация во всей системе государственного управления [9]. Такой прогресс стал результатом проведения фундаментальных исследований, инициируемых правительствами экономически развитых стран, и масштабных реформ, связанных с внедрением разработанных технологий в практику государственного управления.

Начиная со второго десятилетия XXI в., во многих странах постепенно был установлен запрет на строительство органами государственной власти собственных центров обработки данных (ЦОД). Централизация информационных ресурсов основывалась на внедрении сервисной модели получения информационно-телекоммуникационных услуг и “облачных” технологий (*cloud technologies*) [10]. Параллельно созданию необходимой технической инфраструктуры, проводились исследования, направленные на повышение эффективности работы с данными. В том числе в области интеграции данных из нескольких источников разного качества, поддержки достоверности данных, интерпретации результатов анализа для принятия решения о целесообразности сохранения данных, практического применения принципов формирования метаданных (описания данных) и других направлений⁷.

Накопление у государственных органов значительного объема данных в цифровом виде о гражданах и организациях выступило предпосылкой для создания инфраструктуры рынка данных. Правительства сначала развитых, а затем и развивающихся стран начали разрабатывать и открывать специальные бесплатные ресурсы открытых данных, представленных в машиночитаемом цифровом формате (*Application Programming Interface, API*), и охватывающих широкий спектр тем – от погоды, демографии, здравоохранения, образования, жилья до сельского хозяйства. При этом органы, осуществляющие статистический учет, и уполномоченные посреднические структуры стали предоставлять услуги по подготовке конкретизированных пакетов государственных данных для заинтересованных заказчиков.

В настоящее время в мире функционируют более 200 порталов открытых данных, раскрываемых правительствами разных стран. По мере развития информационной инфраструктуры международные организации работают над повышением ее качества⁸. В США публикация открытых данных с использованием стандартизированных машиночитаемых форматов входит в обязанность федеральных агентств. Метаданные включаются в специальный каталог *Data.gov*⁹. Кроме того, на данном портале создано онлайн-хранилище передовых методов и стандартов для внедрения практики открытых данных в деятельность правительства.

Существенным новшеством во втором десятилетии XXI в. стала интеграция платежных систем и порталов государственных услуг¹⁰. Данное технологическое решение сначала позволило гражданам и организациям оплачивать обязательные платежи и сборы, а через некоторое время – получать пособия, субсидии и налоговые вычеты в электронном виде.

⁷ *Preparing for the Future of Artificial Intelligence*. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/whitehouse_files/microsites/ostp/NSTC/preparing_for_the_future_of_ai.pdf (accessed 07.07.2022).

⁸ *Open Data Maturity. Report 2020*. Available at: https://data.europa.eu/sites/default/files/edp_landscaping_insight_report_n6_2020.pdf (accessed 07.07.2022).

⁹ *Open Government*. Available at: <https://www.data.gov/open-gov/> (accessed 07.07.2022).

¹⁰ *Public Financial Management and the Digitalization of Payments*. Available at: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/public-financial-management-and-digitalization-payments.pdf> (accessed 07.07.2022).

Подобное технологическое решение в сочетании с распространением индивидуальных мобильных цифровых устройств (смартфонов и планшетов) стало основой для разработки в дальнейшем в разных странах государственных приложений с расширенным набором функций – супераппов (*super app*). В настоящее время в этой сфере существенно продвинулись Индия и Китай. Цифровые приложения, объединяющие возможности нескольких приложений, становятся универсальным центром доступа пользователей к онлайн-сервисам, предоставленным государственными структурами и частным сектором. Также существует практика разработки супераппов не только для граждан, но и для государственных служащих, призванных повысить эффективность выполнения ими своих функций¹¹.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ И ЦИФРОВАЯ СРЕДА МЕГАПОЛИСОВ

На современном этапе развития государственных информационных систем применение цифровых технологий “искусственного интеллекта” (*artificial intelligence*) и “больших данных” (*big data*) придает им “датацентричную” архитектуру, при которой качество и объем агрегируемых данных представляют все возрастающую ценность. Восприятие больших данных как “новой нефти” для государственных служащих перестает быть метафорой. В странах с высоким уровнем цифровизации уже стало аксиомой, что получение всех бесплатных цифровых услуг, в том числе государственных, граждане и организации оплачивают своими данными. Но если коммерческие цифровые платформы и экосистемы достигают эффективности благодаря экономии от масштаба, то государство извлекает преимущества из возможности стать уникальным поставщиком данных для разработки бизнес-моделей во всех ключевых отраслях экономики.

Можно выделить три наметившиеся модели государственного участия в экономике данных. Так, в странах англосаксонского мира применяется подход, согласно которому данные находятся под государственно-частным контролем. В Евросоюзе действует Генеральный регламент о защите данных (*General Data Protection Regulation, GDPR*¹²), предусматривающий обязанность государства обеспечивать право собственности человека на данные о себе самом, но правовые механизмы обеспечения данного вида владения очень сложны для практической реализации. В Китайской Народной Республике в 2021 г. законодательно было закреплено, что данные – это национальное достояние¹³. При наличии разных подходов необходимость обработки нарастающего потока данных, связанных с людьми, которые живут в больших городах и активно участвуют в трансграничном взаимодействии, способствует укоренению двух общих тенденций, касающихся государственного управления. Первая из них – обретение ГИС технологической совместимости для работы с несколькими платформами не только внутри стран, но и между ними. А вторая – концентрация ресурсов для внедрения цифровых технологий на уровне крупных городов и городских агломераций.

Так, в странах, достигших “цифровой зрелости”, стандартизация данных рассматривается как фактор, способствующий расширению возможностей для межгосударственной экономической интеграции, посредством улучшения операционной совместимости государственных информационных систем¹⁴. Признаком таких новаций для граждан и организаций становится возможность получения трансграничных услуг в проактивном режиме. Например, на территории стран Скандинавии назначение и выплата пособий с момента рождения ребенка осуществляется без подачи запроса. Условием автоматического получения пособия, размер которого рассчитывается на основе

¹¹ Минцифры хочет создать суперапп для чиновников за 487.7 млн рублей. [The Ministry of Figures Wants to Create a Super Application for Officials for 487.7 Million Rubles. (In Russ.)] Available at: <https://habr.com/ru/news/t/585490/> (accessed 07.07.2022).

¹² General Data Protection Regulation. Available at: <https://gdpr-info.eu/> (accessed 07.07.2022).

¹³ Personal Information Protection Law of the People's Republic of China – Effective Nov. 1, 2021. Available at: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/> (accessed 07.07.2022).

¹⁴ GovData360. Available at: <https://govdata360.worldbank.org/> (accessed 07.07.2022).

комплекса критериев, является гражданство родителей и рождение ребенка в одной из стран, входящих в соответствующее соглашение.

“Бесшовная” интеграция государственных сервисов с глобальными социальными сетями позволяет государственным службам проводить мониторинг контрагентов в сети интернет. В Нидерландах, крупнейшем международном торговом хабе, остро стоит проблема мошенничества, связанного с возмещением налога на добавленную стоимость. Таможенное управление данной страны одним из первых внедрило предиктивную аналитику социальных сетей, основанную на исторических данных, благодаря чему налоговые инспекторы начали фокусироваться только на случаях с высоким риском правонарушения.

Кроссплатформенность – способность программного обеспечения ГИС работать с разными платформами, становится не только необходимым условием эффективности выполнения правительствами своих функций, но и основой для развития сервисов, способствующих продвижению продуктов и услуг экономическими агентами. В этом отношении иллюстративен опыт агрегации данных государственной платформой KHP из сети сервисов, расположенных за границами страны (*Blockchain-based Service Network, BSN*). Данная ГИС позволяет анализировать движение товаров китайских производителей и оценивать их конкурентоспособность¹⁵.

Развитие современных государственных информационных систем приводит к тому, что государственные структуры агрегируют данные идентифицируемых ими людей, не являющихся их гражданами и находящимися за пределами границ их юрисдикции. Например, в разных странах создаются специальные цифровые сервисы для предпринимателей и инвесторов, которые позволяют осуществлять экономическую деятельность без физического присутствия, в статусе “электронного резидента” (*e-Residency*) [11]. Данный статус предоставляет право удаленно вести экономическую деятельность: регистрировать компании, оплачивать налоги, подписывать договоры, участвовать в прохождении бизнес-процессов и государственных процедурах. Развитие подобных государственных сервисов обеспечивает рост экономической активности и налоговых поступлений и предполагает включение в государственные регистры населения, как граждан, так и лиц-резидентов, не имеющих гражданства, но участвующих в экономической деятельности той или иной страны.

Подстраивание национального законодательства происходит также вследствие регионализации повестки цифровой трансформации в целом. Как в развитых, так и в развивающихся странах, принимаются специальные правовые режимы, предусматривающие создание так называемых регуляторных песочниц (*regulatory sandboxes*) – экспериментальных зон разработки инноваций [12]. Необходимость “отключения” тех или иных положений общегосударственного законодательства, как правило, на территориях крупных городов, возникает в связи с тем, что внедрение новых цифровых технологий зачастую входит в противоречие с ранее принятыми на общенациональном уровне правовыми нормами о неприкосновенности личной жизни и персональных данных.

Появление крупной ниши рынка цифровой трансформации управленческих процессов на локальном уровне отражается в международной системе рейтингов и индексов, формирующей ориентиры для движения капитала. Так, Индекс электронных правительств ООН в 2018 г. был впервые составлен и в версии для городов. За несколько лет появилась группа рейтингов, оценивающих уровень “цифровой зрелости” именно городской инфраструктуры: *fDi’s European Cities and Regions of the Future*, *Cities Global Ranking of Startup Ecosystem*, *Global Innovation Index* и др. Изменение приоритетов разработки и внедрения ГИС подчинено очевидной экономической логике: крупнейшими генераторами и потребителями данных являются мегаполисы и городские агломерации.

¹⁵ BSN 区块链的服务网络. [Blockchain-based Service Network (In Chin.)] Available at: <https://www.bsnbase.com/p/main/serviceCooperation?type=BSNEnergize> (accessed 07.07.2022).

Наличие технологических компетенций по разработке и реализации проектов “умный город” (*smart city*) у нескольких глобальных игроков формирует полицентричную картину цифрового мира. Наряду с американским *Cisco* в технологическом соревновании принимают участие также корпорации, контролируемые регуляторами североамериканской и китайской цифровых экосистем – *Huawei* и *Ericsson*. Разрабатываемые и внедряемые ими технологии Интернета вещей (*internet of things*) и нового поколения связи – *NET-2030* позволяют многократно увеличить объем и повысить качество собираемых данных¹⁶. Чемпионами в области применения данных технологий являются Сингапур и Хельсинки. Борьба корпораций происходит за рынки генерации данных развивающихся мегаполисов – Дели, Астаны и других.

Экономика данных для стран, имеющих приоритет цифрового развития, становится высококонкурентной сферой соперничества государств, успех или поражение в которой напрямую влияет на состояние их экономики [13]. Более половины всех венчурных инвестиций в цифровую инфраструктуру приходится на города, входящие в топ-10 рейтингов цифровизации, а 90% общего объема концентрируется в городах, входящих в топ-50¹⁷. Экономические стимулы цифровизации на локальном уровне усиливаются за счет финансирования цифровых проектов из муниципальных и городских бюджетов.

Правительства как развитых, так и развивающихся стран стремятся создавать условия для удовлетворения возрастающего спроса на данные для оптимизации бизнес-моделей. Например, цифровизация сферы здравоохранения крупных мегаполисов обеспечивает генерацию данных, позволяющих привлечь фармацевтические компании, которые получают возможность прогнозировать спрос и оптимизировать логистику поставок лекарств и товаров медицинского назначения [14]. А фискальные данные с электронных касс, поступающие в налоговые органы, могут быть использованы в скоринговых системах финансовых организаций, рассчитывающих кредитный статус заемщика. Государственные органы вынуждены выступать в качестве посредника, выполняя функцию анонимизации данных в цепочке их передачи между коммерческими компаниями. Данные о месте нахождения граждан, получаемые от операторов сотовой связи, через соответствующие муниципальные службы в безостановочном режиме перенаправляются в транспортные, жилищно-коммунальные и иные компании¹⁸.

Развитие цифровых технологий в области периферийных вычислений (*edge computing*) придает импульс государственно-частному партнерству для развития локальной цифровой инфраструктуры. Современные цифровые решения позволяют осуществлять перераспределение объемов вычислительных процессов с “облачных” (*cloud computing services*) на микро ЦОД (*edge clusters*), располагаемые в максимальной близости от большинства пользователей. Наиболее востребованной для таких технологий является сфера “интеллектуальных” транспортных систем, при этом данные технологии позволяют не только оптимизировать трафик, но и повышать комфортность городской среды. Например, в Сингапуре человек с ограничением мобильности может приложить к специальному считывателю светофора свою смарт-карту и получить дополнительное время для перехода на другую сторону улицы.

Внедрение сети микро ЦОД в сочетании с созданием “цифровых двойников” (*digital twins*) строений и общественных пространств позволяет найти решение для так называемой проблемы “последней мили” – недостаточности каналов, соединяющих клиентское оборудование с узлом доступа оператора связи. Решение этой проблемы позволит более широко применять беспилотные транспортные средства, в том числе, способные перемещаться внутри зданий [15].

¹⁶ *Internet of Things: the New Government to Business Platform – Review of Opportunities, Practices, and Challenges (English)*. Available at: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/610081509689089303/internet-of-things-the-new-government-to-business-platform-a-review-of-opportunities-practices-and-challenges> (accessed 07.07.2022).

¹⁷ *Martin Prosperity Institute Venture Capital Goes Urban: Tracking Venture Capital Investment and Startup Activity across U.S. Zip Code*. Available at: <http://www-2.rotman.utoronto.ca/mpi/content/venture-capital-goes-urban/> (accessed 07.07.2022).

¹⁸ *A New Normal: Resilience of a Digital Economy*. Available at: <https://www.cnbc.com/advertorial/a-new-normal-resilience-of-a-digital-economy/> (accessed 07.07.2022).

Формирующаяся среда “умных городов” дает возможность как для повышения качества и удобства общественно значимых благ, например, почты, так и для реализации потенциала многих уже разработанных вспомогательных технологий медицинских и социальных услуг (*assistive technologies*). Среди них: системы голосового интерфейса, мобильных датчиков или носимых устройств (*voice interface systems, mobile sensors or wearable devices*), инструментов лечения хронических заболеваний и самопомощи (*chronic disease management, self-help tools*) и других. Актуальным представляется пример роботизированных средств мобильности (*help patients move*) – самоходных инвалидных колясок. Подключение таких устройств к микро ЦОД, транслирующим детализированную информацию о местности, на порядок повысит их отказоустойчивость. Не менее важным преимуществом сервисов, работающих на основе периферийных вычислений, выступает снижение риска утечки данных из-за ограничения круга их обращения. Данное свойство этих технологий может послужить стимулом для повышения качества социально значимых услуг и доверия граждан к инновациям, реализуемым в социальной сфере.

* * *

Большинству стран и городов планеты еще только предстоит пройти путь цифрового преобразования управленческих процессов в государственной сфере.

На сегодняшний день можно выделить два этапа этого пути. Первый этап на общенациональном уровне включает в себя стадию формирования системы электронного документооборота для межведомственного взаимодействия и предоставления государственных услуг, а затем – стадию создания единой государственной информационной системы сбора, хранения, обработки и использования данных. Второй этап предполагает появление трансграничных цифровых экосистем, контролируемых регуляторами, оказывающими государственные услуги для представителей экстерриториальных сообществ. Параллельно развиваются системы управления цифровой инфраструктурой, создаваемой преимущественно в городской среде, благодаря которой может быть повышено качество социально значимых услуг.

Отвечая на вопрос, поставленный нами в начале статьи, отметим основные изменения в государственном управлении при цифровой трансформации управленческих процессов. Во-первых, происходит переход к администрированию, основанному преимущественно на данных, находящихся в цифровом виде. Во-вторых, формируются централизованный источник цифровых данных и экосистема для их использования гражданами и организациями, в том числе для стимулирования экономической деятельности. В-третьих, появляются правовое регулирование и контроль оборота данных.

В значительной степени, по мере внедрения цифровых технологий, трансформации подвергается дизайн государственных услуг, предоставляемых в электронном виде, частично – инструменты анализа и прогнозирования количественных показателей. Процессы же формирования национальных приоритетов и стратегического государственного планирования, как неотъемлемые составляющие государственного управления, остаются неизменными.

Быстрому масштабированию и распространению цифровых практик в сфере государственного администрирования способствуют как методическое сопровождение со стороны международных организаций, так и появление конкурентной среды в этой сфере среди крупных транснациональных корпораций. При этом выстраивание внутри государственных аппаратов разных стран структур управления цифровой трансформацией, диверсифицирует практику применения государственных информационных систем в зависимости от политического целеполагания.

Достижение странами рубежа “цифровой зрелости” неизбежно предполагает ответ на принципиальный вопрос: кто является бенефициаром преимуществ, извлекаемых из данных государственных информационных систем? Варианты ответа на этот вопрос и

эффективность соответствующей институциональной политики постепенно формируют единство в многообразии современного цифрового мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Torfing J., Andersen L.B., Greve C., Klausen K.K. *Public Governance Paradigms. Competing and Co-Existing Policy, Administrative and Institutional Change Series*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing Limited, 2020. 240 p. DOI: 10.4337/9781788971225
2. Abu-Shanab E.A., Osmani M. E-Government as a Tool for Improving Entrepreneurship. *International Journal of Electronic Government Research*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 36-46. DOI: 10.4018 / IJEGR.2019010103
3. Mergel I., Kattel R., Lember V., McBride K. Citizen-Oriented Digital Transformation in the Public Sector. *Proceedings of the 19th Annual International Conference on Digital Government Research: Governance in the Data Age: dg.o 2018*. New York, ACM Press, 2018, pp. 1-3. DOI:10.1145/3209281.3209294
4. Потапова Е.Г., Потеева П.М., Шклярчук М.С., отв. ред. *Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить*. Москва, РАНХиГС, 2021. 184 с. [Potapova E.G., Poteev P.M., Shklyaruk M.S., eds. *Strategy of Digital Transformation: Write to Execute*. Moscow, RANKhiGS, 2021. 184 p. (In Russ.)]
5. Dobrolyubova E., Klochkova E., Alexandrov O. Digitalization and Effective Government: What Is the Cause and What Is the Effect? *Communications in Computer and Information Science*, 2019, vol. 1038, pp. 55-67. DOI: 10.1007/978-3-030-37858-5_5
6. Janowski T. Digital Government Evolution: from Transformation to Contextualization. *Government Information Quarterly*, 2015, vol. 32, no. 3, pp. 221-236. DOI: 10.1016/j.giq.2015.07.001
7. Hanna N. A Role for the State in the Digital Age. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2018, vol. 7, no. 5, pp. 2-16. DOI: 10.1186/s13731-018-0086-3
8. O'Reilly T. Government as a Platform. *Innovations: Technology, Governance, Globalization*, 2011, vol. 6, no. 1, pp. 13-40.
9. Садовая Е.С., Цапенко И.П., Гришин И.В., отв. ред. *Социальное государство в зеркале общественных трансформаций*. Москва, ИМЭМО РАН, 2020. 211 с. [Sadovaya E.S., Tsapenko I.P., Grishin I.V., eds. *The Welfare State in the Mirror of Social Transformations*. Moscow, IMEMO RAN, 2020. 211 p. (In Russ.)] DOI:10.20542/978-5-9535-0584-0
10. Almarabeh T., Majdalawi Y., Mohammad H. Cloud Computing of E-Government. *Communications and Network*, 2016, vol. 8, no. 1, pp. 1-8. DOI: 10.4236/cn.2016.81001
11. Prause G. E-Residency: a Business Platform for Industry 4.0? *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 216-227. DOI: 10.9770/jesi.2016.3.3(1)
12. Alaassar A., Mention A.-L., Aas T. Exploring How Social Interactions Influence Regulators and Innovators: The Case of Regulatory Sandboxes. *Technological Forecasting and Social Change*, November 2020, vol. 160. 16 p. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.120257
13. Liu L. The Rise of Data Politics: Digital China and the World. *Studies in Comparative International Development*, 2021, vol. 56, pp. 45-67. DOI: 10.1007/s12116-021-09319-8
14. Разумова Т.О., Садовая Е.С., Чубарова Т.В. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 3, сс. 24-34. [Razumova T.O., Sadovaya E.S., Chubarova T.V. The New Social Landscape of the Digital Age: Lessons from the Pandemic. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2020, no. 3, pp. 24-34. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afij-2020-3-24-34
15. Bhat J.R., Alqahtani S.A. 6G Ecosystem: Current Status and Future Perspective. *IEEE Access*, 2021, vol. 9, pp. 43134-43167. DOI: 10.1109/ACCESS.2021.3054833

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© ПОНАМАРЕВА А.М., 2022

ПОНАМАРЕВА Анастасия Михайловна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований.
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук", Российская Федерация, 117418 Москва, Нахимовский проспект, 51/21 (amp1982@mail.ru),
ORCID: 0000-0001-6585-4558

Понамарева А.М. Церковный раскол в Республике Северная Македония: внешнеполитическое измерение. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 2, сс. 43-62. DOI: 10.20542/afij-2022-2-43-62

DOI: 10.20542/afij-2022-2-43-62
УДК: 327(497)

Поступила в редакцию 19.12.2021.
После доработки 04.07.2022.
Принята к публикации 20.07.2022.

При поддержке: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00662.

Неожиданное примирение Сербской православной церкви с македонскими "раскольниками", состоявшееся в мае 2022 г., обуславливает актуальность приводимого в статье ретроспективного анализа данного продлившегося более полувека церковного конфликта в Республике Северная Македония. С использованием историко-генетического метода раскрывается подоплека и прослеживается динамика конфликта, развернувшегося между Сербской православной церковью и Македонской православной церковью – Охридской архиепископией. Опираясь на реалистский подход к исследованию международных отношений и гипотезу о сохранении тесной связи церкви и государства на Балканах, автор выделяет ключевые стороны конфликта, к которым помимо Сербии и Республики Северная Македония относит Болгарию, Грецию, Константинопольский патриархат, а также изучает эволюцию избранных этими сторонами стратегий поведения. При этом в фокусе исследования находится не теологическое измерение рассматриваемого сюжета, но его внешнеполитические импликации. История церковного раскола рассматривается в более широком контексте решения политическими элитами Республики Северная Македония задачи интеграции в евроатлантические структуры, показаны возможности использования церковного фактора в реализации геостратегических целей. Утверждается, что причины, подтолкнувшие церковных иерархов Сербской православной церкви к достижению договоренностей с "македонскими раскольниками", лежали в плоскости внешнеполитической, а обсуждение статуса Охридской архиепископии было одним из элементов борьбы за влияние на Балканах как региональных, так и внерегиональных игроков. Решением поддержать автокефалию Македонской православной церкви – Охридской архиепископии Сербская православная церковь продемонстрировала признание специфической славяно-македонской национальной идентичности, которая ставится под сомнение в официальных исторических нарративах Греции и Болгарии, и как минимум на балканском треке папистские устремления Константинопольского патриархата были ограничены. В конечном итоге прагматичная позиция Сербской

православной церкви не позволила превратить Македонскую православную церковь – Охридскую архиепископию в инструмент реализации интересов поддерживаемого западными странами Фанара и лишила конфликтного потенциала ту тему, что могла способствовать политическому размежеванию Сербии и Республики Северная Македония. Тем не менее, в прогностической части заключения констатируется высокая вероятность возобновления “церковных войн”, но уже с новым, не объединенным православием, составом участников, а именно представителями албанской и македонской общин.

Ключевые слова: Македонская православная церковь – Охридская архиепископия, Сербская православная церковь, церковный раскол, автокефалия, европейская интеграция, евроатлантические структуры, Болгария, Греция, Константинопольский патриархат.

CHURCH SPLIT IN THE REPUBLIC OF NORTH MACEDONIA: THE FOREIGN POLICY DIMENSION

Received 19.12.2022. Revised 04.07.2022. Accepted 20.07.2022.

Anastasia M. PONAMAREVA (amp1982@mail.ru), ORCID: 0000-0001-6585-4558,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 51/21,
Nakhimovsky Prosp., Moscow 117418, Russian Federation.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR within the scope of the research project No. 19-011-00662.

The unexpected reconciliation of the Serbian Orthodox Church with the Macedonian ‘schismatics’, which took place in May 2022, determines the relevance of the retrospective analysis given in the article of this church conflict that has lasted more than half a century in the Republic of North Macedonia. Using the historical-genetic method, the underlying reason is revealed and the dynamics of the conflict that unfolded between the Serbian Orthodox Church and the Macedonian Orthodox Church – Archdiocese of Ohrid – is traced. With the use of the realistic approach to international relations and the hypothesis of maintaining a close connection between the church and state in the Balkans, the author identifies the key parties to the conflict, which, in addition to Serbia and the Republic of North Macedonia, include Bulgaria, Greece, the Patriarchate of Constantinople, and describes the evolution of the strategies chosen by these parties to conduct. At the same time, the focus of the study is not the theological dimension of the subject in question, but its foreign policy implications. The history of the church schism is considered in the broader context of the political elites of the Republic of North Macedonia finding the solution to the task of integration into Euro-Atlantic structures, the possibilities of using the church factor in the reaching of geostrategic goals are shown. It is stated that the reasons that pushed the hierarchs of the Serbian Orthodox Church to reach agreements with the Macedonian ‘schismatics’ lie in the dimension of foreign policy, and the discussion of the status of the Ohrid Archdiocese was one of the elements of the struggle for influence in the Balkans, both regional and non-regional players. By its decision to support the autocephaly of the Macedonian Orthodox Church – Archdiocese of Ohrid, the Serbian Orthodox Church has demonstrated the recognition of a specific Slavic-Macedonian national identity, which is questioned in the official historical narratives of Greece and Bulgaria, and, at least on the Balkan track, the papist aspirations of the Patriarchate of Constantinople were limited. Ultimately, the pragmatic position of the Serbian Orthodox Church did not allow the Macedonian Orthodox Church – Archdiocese of Ohrid to be turned into an instrument for realizing the interests of the Phanar supported by Western countries and took away the conflict potential from the topic that could contribute to the political demarcation of Serbia and the Republic of North Macedonia. Nevertheless, in the prognostic part of the conclusion, a high probability of ‘church wars’ resuming is stated, but with a new, not united by Orthodoxy, list of participants, namely containing representatives of the Albanian and Macedonian communities.

Keywords: *Macedonian Orthodox Church – Archdiocese of Ohrid, Serbian Orthodox Church, church schism, autocephaly, European integration, Euro-Atlantic structures, Bulgaria, Greece, Patriarchate of Constantinople.*

About the author: *Anastasia M. PONAMAREVA, Cand. Sci. (Sociology), Senior Researcher, Center for Interdisciplinary Studies.*

Томос об автокефалии Православной церкви Украины (ПЦУ), врученный 6 января 2019 г. Константинопольским патриархом Варфоломеем предстоятелю новой структуры митрополиту Епифанию (Думенко), открыл своеобразный ящик Пандоры для других юрисдикций. В частности, о своем праве на получение автокефалии от Сербской православной церкви (СПЦ) с удвоенным пылом заговорили иерархи тогда еще не признанной “мировым православием” Македонской православной церкви (МПЦ).

Напомним, что до 1967 г. – когда решением III церковно-народного Собора в г. Охрид МПЦ была учреждена в качестве автокефальной – она находилась в юрисдикции СПЦ. Последняя автокефалию МПЦ не признала, и в 2005 г. Архиерейский собор даже отлучил от церковного общения верующих, принадлежащих к самопровозглашенной организации. Однако в мае 2022 г. МПЦ была принята в евхаристическое общение Константинопольским патриархатом, а затем и Сербской церковью.

Завершение длительного периода пребывания МПЦ в расколе представляется хорошим поводом провести ретроспективный анализ имевшего место церковного конфликта, выделив его причины, ключевые стороны и описав эволюцию избранных этими сторонами стратегий проведения. При этом автор предлагает сосредоточить внимание не на теологическом измерении рассматриваемого сюжета (чему посвящено немало работ профильных экспертов в данной области), но на его внешнеполитических импликациях. Любая идея в “царстве социального”, как справедливо отмечал Эмиль Дюркгейм, “есть реальность”, а потому практические политические последствия таких, казалось бы, исключительно ценностных дискуссий, как споры о национальной автокефалии, заслуживают детального рассмотрения специалистов-международников [1].

СВЕТСКИЙ И ЦЕРКОВНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ТОЧКИ СОПРЯЖЕНИЯ

Православие, как, впрочем, и другие христианские конфессии – католицизм, различные направления протестантизма, – играло значительную роль в становлении современных европейских государств. При этом взаимодействие религиозных и политических институтов осуществлялось на фоне противоборства двух церквей – Западной и Восточной – развернувшегося после “Великой Схизмы” 1054 г. Изначальный разрыв между поместными церквями Рима и Константинополя усугубился поддержкой, оказанной другими восточными патриархатами и молодыми церквями, входившими в орбиту влияния Византии, патриарху Константинопольскому. Если за Западной церковью осталось наименование “католическая” (Римско-католическая), то Восточная, с течением времени, назвалась православной (Греко-православной), что предполагало сохранение христианского вероучения “неповрежденным”. Большая часть греческих, южнославянских и восточнославянских земель сохранила принадлежность Константинополю, в то время как Западная и Центральная Европа стали оплотом Рима. Последняя попытка объединения церквей была предпринята на Ферраро-Флорентийском соборе в 1438–1439 гг. Но православные епископы отклонили Унию, утверждающую верховенство папского престола над всем христианским миром. После окончательного уничтожения Византии турками в 1453 г. православный мир оказался разделен на две части: церкви, входившие в Константинопольский патриархат, попали в зависимость от османского правительства; зажата между “латинской митрой” и “исламским тюбаном” Русь стала преемницей Византии. Руководствуясь как геополитическими, так и богословскими соображениями, последняя провозгласила Патриаршество, а Москва начала позиционироваться в качестве “Третьего Рима”.

Суверенитету политий в религиозных вопросах и разжиганию церковного национализма способствовало национальное государство, санкционированное Вестфальским мирным договором 1648 г. Лидеры, стоящие у власти, достаточно быстро осознали, что автокефальная церковь, независимо от ее канонического статуса, может быть мощным инструментом внутренней гомогенизации и дифференциации от соседних народов [2, р. 8]. Возникновение новых национальных государств в Восточной и Юго-Восточной Европе в XIX и XX вв. вызвало волну распространения автокефалий в православном мире. Экуменические интенции отступили на второй план перед практическими задачами сохранения власти, удержания превосходства во внешней политике.

Применительно к столетиями раздираемым многочисленными этническими конфликтами Балканам можно констатировать, что устойчивая сцепка между локальными сообществами и локальной церковью начала складываться там с появлением первых поместных православных церквей [3, pp. 342-349]. То, что в эпоху “домодерна” строилось на пересечении веры и этнической принадлежности, а в эпоху модерна – на взаимопроникновении религии и национализма [4, pp. 287], вылилось в формирование особой “связи между церковью и нацией” [5, р. 84].

Как предположил греческий исследователь Василиос Макридес, национализации православных церквей способствовала та легкость, с которой их домодерновые ориентации, структуры и практики вписывались в современные рамки национализма. Более того, эта своего рода культурная апроприация происходила таким образом, что сам процесс национализации воспринимался как эндогенный и естественный. Даже мессианский нарратив Восточной Римской империи превратился в схожие миссионерские идеологии у разных православных народов [3, pp. 329-330, 343-344].

Сразу оговоримся, что тезис о теснейшей сцепке церкви и нации ввиду продиктованной советской идеологией секуляризации восточных славян в XX в., которая так и не была полностью преодолена в начале XXI в., не эксплицируется на национальные сообщества Восточной Европы (Украину, Белоруссию, Россию). Наиболее ярким подтверждением невозможности унифицировать балканские и восточнославянские сюжеты служит характер актуализации древней христианской идеи “симфонии” церковно-государственных отношений в разных странах [15, с. 40]. В то время как в Сербии и Черногории в силу исторических причин авторитет патриарха может превосходить авторитет светского политического лидера, в России ситуация обстоит иначе. Таким образом степень соучастия церкви в процессах нациестроительства разнится даже в рамках православного мира. Формально же в современной Европе и вовсе декларируются равноудаленность представителей власти от всех конфессий, принципиально внерелигиозный характер принимаемых решений, что не отменяет фактор политизации религии.

Учитывая то, что национализм может быть выражен и в светской, и в религиозной форме, а отношения между этими формами варьируются в диапазоне от органичного взаимодополнения до полного противоречия, неудивительно, что внутри православного сообщества сосуществуют и конкурируют несколько видов национализма [3, р. 329].

Православное духовенство на Балканах изначально было включено в политическую игру по воспроизводству национальных нарративов, настаивающих на древности и исторических правах определенного народа на занимаемые им земли. Сообразно текущей конъюнктуре представители различных поместных церквей вносили свою лепту в воссоздание мифов о славе, падении и страданиях под чужеземным игом; испытаниях, героических жертвах и возрождении, которые эксплуатировались светскими элитами в форме “политической религии”.

Понимание потенциала воздействия “своего” духовенства на геополитический выбор населения захваченных территорий в полной мере проявилось в религиозной борьбе сербов и болгар за Македонию. После создания Болгарского экзархата (предшественника современной Болгарской православной церкви) сербское правительство лоббировало как по политическим, так и по церковным каналам назначение Константинополем сербских

епископов на территории современной Северной Македонии. Во время Балканских войн, Первой и Второй мировых войн сербское духовенство было мишенью болгарских оккупационных войск.

С другой стороны, всякий раз, когда болгарская армия отступала из этих районов, представители болгарского духовенства оказывались вынуждены либо давать присягу на верность сербско-югославскому государству, либо бежать в Болгарию [6, pp. 47-50].

И тогда, и сегодня единоверцы из всех вовлеченных в конфликт стран были готовы поставить свои националистические устремления выше предполагаемого православного единства.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА КОНФЛИКТА

Церковный кризис в Республике Северная Македония был во многом обусловлен неоднократными – за многовековую историю – переходами Охридской архиепископии из одной юрисдикции в другую вследствие изменения государственных границ на Балканах.

Созданная в рамках Константинопольского патриархата, в X в., с провозглашением автокефалии Болгарской церкви, она стала болгарской. В начале XI в., после упразднения болгарской автокефалии византийцами, она была возвращена под омофор Константинопольского патриарха. В XIII в., по мнению ряда специалистов, эта церковная область подчинялась болгарской Тырновской патриархии.

В последующий период Охридская церковная область оставалась в ранге архиепископии, но де-факто была самостоятельной, при этом Константинопольская патриархия рассматривала ее в качестве неотъемлемой части. В 1767 г. часть митрополитов Охридской архиепископии, подчиняясь политическому давлению, подписала в Константинополе акт о признании юрисдикции Константинопольского патриарха. Таким образом, Охридская архиепископия была полностью подчинена Фанару, связи между ее бывшими епархиями ослабли, а Охрид утратил значение церковного центра.

В 1913 г. Охридская кафедра перешла в состав Сербской православной церкви, затем, в 1915 г. – Болгарской православной церкви, в 1919 г. – Сербской, в 1941 г. – Болгарской, и, наконец, с 1945 г. утвердилась в составе Сербской¹. С 1945 г. вопрос о выходе Македонской церкви из Сербского патриархата неоднократно поднимался на проходивших в Скопье церковных соборах, но по причине категорического несогласия сербских иерархов с таким развитием ситуации решение его намеренно затягивалось.

В конце 1950-х гг. стороны достигли своеобразного компромисса. На церковном соборе МПЦ 1958 г. была провозглашена автономия (не автокефалия) МПЦ, а на состоявшемся в 1959 г. Архиерейском соборе СПЦ эта автономия получила фактическое признание, поскольку участники Собора констатировали самостоятельность МПЦ и управление ею по собственному уставу. Этот период относительного бесконфликтного сосуществования продлился вплоть до 1966 г., когда МПЦ вновь потребовала автокефалии от Сербского патриархата, а последний вновь это требование отклонил, пообещав отлучить потенциальных раскольников от церковного общения.

Угрозы не подействовали, и в 1967 г. Охридский собор македонского духовенства и мирян без благословения и соответствующего решения кириархальной – Сербской – церкви объявил свою церковь автокефальной².

¹ Македонская Православная Церковь признала Болгарскую своей Церковью-Матерью. *Благовест-инфо*, 30.11.2017. [The Macedonian Orthodox Church Recognized the Bulgarian Church as its Mother Church. *Blagovest-info*, 30.11.2017. (In Russ.)] Available at: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=75973> (accessed 20.05.2022).

² История Православной Церкви в Македонии: основные вехи. Официальный сайт Русской Православной Церкви. 01.07.2005. [History of the Orthodox Church in Macedonia: Key Milestones. Official website of the Russian Orthodox Church, 01.07.2005. (In Russ.)] Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/27203.html> (accessed 20.05.2022).

Не будет преувеличением сказать, что в основе такой воинственной позиции МПЦ лежал совершенно оправданный расчет как на поддержку Коммунистической партии Македонии, так и на содействие бессменного главы федеративной Югославии – маршала Тито. Партийные чиновники Македонии видели в автокефалии МПЦ еще один способ добиться повышения статуса республики в федерации. В свою очередь “последний югославский националист” Тито выстраивал Социалистическую Федеративную Республику Югославия (СФРЮ) по советской модели: сдерживая амбиции государствообразующих народов (сербов и хорватов) и поощряя укрепление других – меньших по численности – титульных наций. Отметим, что в СФРЮ македонцы коммунистическими властями были официально признаны отдельным этносом, обладающим собственными историей и языком. Сербская православная церковь воспринималась Тито как препятствие на пути формирования нового общества, соответственно, раскол церкви в полной мере отвечал его видению нациестроительства.

Важно подчеркнуть, что хотя Македонская православная церковь после провозглашения собственной автокефалии не получила признания ни одной из пятнадцати поместных православных церквей, она имела канонически поставленную иерархию, потенциал и институциональную структуру для воспроизводства собственного духовенства. Все это в совокупности сделало раскол невероятно прочным³.

Неудивительно, что в 1991 г. после получения независимости Республикой Македония руководство молодого государства продолжило линию на укрепление позиций пусть неканонической, но “своей” церкви.

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ МПЦ ПОСЛЕ РАСПАДА СФРЮ

В январе 1990 г. XIV съезд Союза коммунистов Югославии положил конец существованию этой организации как общенациональной политической силы. С крушением югославского коммунистического метанарратива “братства и единства” исчезла платформа обеспечения национальной гомогенизации столь разнородного в этническом и конфессиональном планах государства. Это явилось одним из факторов скатывания СФРЮ к точке невозврата, когда разрушение страны стало неизбежным. Коллапс СФРЮ по прошествии всего лишь десятилетия после смерти Тито был во многом предопределен характером проводившейся при нем этнической политики, в рамках которой работа по внедрению идеологии “югославизма” парадоксальным образом способствовала укреплению латентного культурного национализма не являющихся государствообразующими в силу своей меньшей численности народов.

С ростом центробежных тенденций в СФРЮ усиливалась активность Сербской православной церкви в плане отстаивания ее права на юрисдикцию над Македонской православной церковью. И параллельно этому в период после 1990 г. МПЦ стала играть все более важную роль в жизни республики.

По данным исследования, проведенного Консорциумом институтов бывшей Югославии в середине 1990-х годов о своей принадлежности к МПЦ заявляли около 86% македонцев и 51% полагали себя “глубоко религиозными” [7, pp. 225-226]. Согласно официальным источникам, в 1991 г. в МПЦ входило 1 355 816 членов, что составляло 66% от общего числа граждан Республики Македонии [8, p. 245]. С учетом доли албанцев-мусульман в населении республики (около 30%) статистика отражает достаточно высокий уровень поддержки гражданами МПЦ, что позволяет рассматривать ее в качестве самостоятельного и значимого актора разворачивавшегося на Балканах процесса построения новых государств.

³ Македонский церковный раскол. *ЕлицыМедиа*, 12.08.2019. [The Macedonian Church Schism. *ElitsyMedia*, 12.08.2019. (In Russ.)) Available at: <https://media.elitsy.ru/istorii/makedonskij-cerkovnyj-raskol/> (accessed 20.05.2022).

При этом не следует забывать, что МПЦ, а также иные религиозные общины и группы изначально, на первом этапе нациестроительства были отделены от государства и признаны равными перед законом. Статья 19 первой Конституции суверенного и независимого македонского государства, принятой 17 ноября 1991 г., гарантировала всем гражданам “свободу вероисповедания”, “свободное и публичное, индивидуальное и совместно с другими выражение религиозных убеждений”. Продвигать свое видение правильного мироустройства, в том числе заряженные политическим содержанием идеи, МПЦ, а также иные религиозные группы и общины могли за счет использования права на свободное учреждение церковных школ и других социальных и благотворительных учреждений в соответствии с предусмотренной законом процедурой⁴.

Македонская православная церковь (наряду с Исламским религиозным сообществом Северной Македонии, католической церковью, евангелической методистской церковью и еврейской общиной), в поправках к Конституции РМ была отнесена к тем религиозным группам, которые автоматически получают налоговые и другие льготы. Для получения аналогичных юридических прав и статуса иные религиозные группы должны подать заявку на государственное признание и прохождение регистрации в судебных органах⁵.

Помимо пяти религиозных организаций, перечисленных в поправках к Конституции, правительство признает еще 38. В настоящее время в Республике Северная Македония действуют 18 церквей, 10 религиозных организаций и 12 религиозных групп⁶. После регистрации церковь, религиозная община или религиозная группа помимо освобождения от налогов получают право подать заявление о реституции собственности, национализированной в коммунистическую эпоху (при условии, что группа или сообщество существовали в тот период). Незарегистрированные группы могут проводить религиозные службы или иные собрания и обращаться в свою веру, но они не имеют права на открытие школ или получение пожертвований, которые не облагаются налогом для дарителя⁷.

В период распада Югославии политические элиты республик увидели в открытом, подчеркнутом сотрудничестве с религиозными институтами значимый ресурс символической власти. В январе 1991 г., когда Македония вступила в период президентских выборов, в число потенциальных кандидатов на пост главы государства был включен митрополит Велесский и Повардарский Михаил (Методий Гогов). Митрополит Михаил, впоследствии архиепископ МПЦ, публично выразил благодарность за выдвижение, однако отклонил предложение, объяснив свое решение нежеланием заменить долг перед церковью карьерой государственного чиновника.

Маркером значимости МПЦ в жизни нового государства можно считать приглашение митрополита Гавриила (Георги Милошева) на заседание парламента Македонии 20 марта 1991 г., когда был подписан мандат первого правительства РМ. Впервые в истории Македонии служитель церкви присутствовал на выборах нового правительства, и сразу после парламентского голосования премьер-министр Никола Ключев публично поцеловал руку иерарха МПЦ. С тех пор высшие представители церковной иерархии продолжают посещать важные государственные мероприятия.

Крепкий неформальный альянс МПЦ и государственной власти нашел отражение в показательном присутствии политиков на религиозных службах во время православных торжеств. После 1990 г. для президента и премьер-министра Республики Македония

⁴ Конституция Македонии. Библиотека конституций Пашкова Романа. [The Constitution of the Republic of Macedonia. Biblioteka konstitutsii Pashkova Romana (In Russ.)] Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=113> (accessed 20.05.2022).

⁵ В зависимости от численности сообщества и степени его внутренней организации они могут быть зарегистрированы в качестве “церкви”, “религиозной организации” или “религиозной группы”. Закон рассматривает указанные три категории как эквивалентные в плане обладания равными юридическими правами, преимуществами и обязанностями.

⁶ North Macedonia 2020 International Religious Freedom Report. United States Department of State. Office of International Religious Freedom. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/05/240282-NORTH-MACEDONIA-2020-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed 20.05.2022).

⁷ North Macedonia 2020 International Religious Freedom Report. Op. cit., p. 7.

стало традицией посещать праздничную литургию на Рождество и Пасху. Что характерно, подобная практика имела место и во время президентства Бориса Трайковского (1999–2004), который, хотя и был членом методистской церкви, присутствовал на праздновании Рождества и Пасхи в соборе Святого Климента Охридского в Скопье [9, р. 427].

СЕРБСКО-МАКЕДОНСКИЙ УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Спор между МПЦ и СПЦ относительно признания автокефалии МПЦ имеет глубокие исторические корни, однако кровавый распад СФРЮ добавил новые краски в церковный кризис. Проследим основные этапы данного конфликта с момента обретения Македонией независимости и до признания Сербской церковью македонских “раскольников”.

В 1994 г. Синод СПЦ предъявил МПЦ ультиматум, потребовав “вернуться к каноническому порядку” и “войти в церковные каноны”. За ультиматумом последовало назначение СПЦ епископа Пахомия (Томислава Гачича) “администратором приходов в Македонии”. Пахомий начал свою деятельность с угроз подвергнуть уголовному преследованию иерархов МПЦ. Соответствующие заявления в полной мере отвечали тому состоянию политической напряженности, что присутствовало в сербско-македонских отношениях в первой половине 1990-х годов и периодически выливалось в беспорядки на сербско-македонской границе. Тем не менее в ответ на угрозы сербской стороны Ассамблея духовенства и мирян МПЦ продемонстрировала исключительное единство, провозгласив 1 ноября 1994 г. автокефалию МПЦ. Было указано, что Церковь сохраняет догматы, каноны и единство богослужения в Восточной православной церкви.

Выступая против вмешательства во внутренние дела МПЦ, митрополит Михаил подчеркнул древнее происхождение Охридской архиепископии и политическую подоплеку конфликта СПЦ и МПЦ, указав: “Наши православные верующие должны помнить: сербская, греческая и болгарская церкви в отношении Македонии действуют не как церкви, а как защитники идеалов Великой Сербии, Великой Греции и Великой Болгарии” [9, р. 428].

С 1998 г. между иерархами СПЦ и македонскими архиереями начались переговоры, направленные на преодоление раскола. К 2001 г. совместная работа привела к появлению общего проекта договора о восстановлении церковного единства. 17 мая того же года в Нише комиссии детализировали проект договора и довели его до формы, казалось бы, приемлемой для всех православных церквей. Заключение Нишского соглашения, устанавливающего религиозное единство между СПЦ и МПЦ, фактически означало возврат к идее автономии МПЦ. Предполагалось учреждение Охридской архиепископии, признание широкой церковной автономии епархий на территории Македонии и право на избрание главы Охридской архиепископии с его утверждением патриархом Сербским. Свою подпись под документом поставили пятеро из семи македонских иерархов, но в результате общественного давления 6 июня 2002 г. проект Нишского соглашения был единогласно отклонен Синодом МПЦ.

Срыв почти достигнутого между Сербской патриархией и духовенством Македонии соглашения белградские эксперты объясняют вмешательством политического руководства РМ, подзуживаемого “вашингтонским обкомом”⁸. Белград по-прежнему воспринимается на Западе как проводник интересов России на Балканах, соответственно, предпринимаются меры по недопущению значительного усиления влияния Сербии в регионе. Если бы, а именно это подразумевали условия Нишского соглашения, православная церковь в Македонии получила бы полную автономию при сохранении первенства и патроната СПЦ, позиции Сербии на Балканах укрепились бы.

⁸ Эксперт: Запад уговорил патриарха Варфоломея признать македонскую церковь. *Regnum*, 13.05.2022. [Expert: The West persuaded Patriarch Bartholomew to recognize the Macedonian Church. *Regnum*, 13.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://regnum.ru/news/society/3590169.html> (accessed 20.05.2022).

Именно опираясь на решения Нишского соглашения, в 2003 г. Архиерейский собор СПЦ учредил Охридскую архиепископию и назначил ее главой одного из подписантов с македонской стороны, митрополита Велесского и Повардарского Иоанна (Вранишковского). Македонская сторона сочла это действие созданием параллельной церковной структуры на ее канонической территории, и Синод МПЦ снял с должности митрополита Иоанна. Позиция политического руководства была обозначена четко: президент РМ Борис Трайковский напрямую связал потерю автокефалии МПЦ с потерей статуса государства.

12 ноября 2009 г. Синод МПЦ изменил Устав церкви, в результате чего МПЦ добавила к своему названию словосочетание “Охридская архиепископия” (ОА). По заключению Синода изменение наименования было проведено в полном соответствии с “многовековой традицией православных церквей, названия которых содержат исторические и соответствующие атрибуты каждой поместной церкви”.

Поскольку фигура Вранишковского воплощала в себе антитезу многолетним усилиям Скопье по укреплению национальной идентичности за счет создания отдельной, обособленной церкви, в период с 2002 по 2015 гг. он неоднократно подвергался судебному преследованию со стороны македонских властей и был вынужден отбыть несколько сроков в тюремном заключении⁹.

Показательно, как описываются “гонения” на священнослужителя СПЦ в издании Данилова мужского монастыря “Иоанн, архиепископ Охридский и митрополит Скопский. Свободен в неволе” 2012 г., рекомендованного к публикации издательским советом Русской православной церкви. В предисловии редактора, диакона Георгия Максимова указывается: «...тюремный приговор был вынесен за “разжигание религиозной ненависти” (так македонский суд оценил обличение раскола в одной из проповедей архиепископа), второй и третий – за якобы допущенные окружением архиепископа Иоанна финансовые нарушения в то время, когда он был Велесским митрополитом Македонской Православной Церкви» [10, с. 4]. Уже само издание книги, которая сложилась из обобщения Г. Максимовым писем, направленных владыкой Иоанном сестрам из монастыря Святителя Иоанна Златоуста, в период отбывания им первого тюремного заключения в 2005 г., наглядно иллюстрирует позицию, которую на тот момент занимала Русская православная церковь по вопросу автокефалии МПЦ – ОА от СПЦ. Красной нитью через весь текст проходила идея, максимально четко обозначенная уже в аннотации: «Македония – это страна, где гонения на Православие – официальная государственная политика. ... Бывшая Югославская Республика являет собой печальный пример эксперимента над народом: националисты, считающие, что “у отдельного народа должна быть собственная Церковь”, не остановились перед вторжением в духовную сферу, организовав в 1967 году церковный раскол» [10, с. 1].

В конечном итоге последнее дело архиепископа Иоанна было закрыто при активном посредничестве российской стороны, и 8 февраля 2015 г. по приглашению патриарха Московского Кирилла и благословению патриарха Сербского Ириния он прибыл в Россию на лечение¹⁰.

Подчеркнем, что хотя в церковном споре МПЦ и СПЦ РПЦ обычно выступала на стороне последней, это не означало отсутствия диалога между македонскими иерархами и представителями российских государственных структур. Так, в октябре 2015 г. глава Македонской церкви архиепископ Охридский и Македонский Стефан (Веляновский) наградил орденами российских дипломатов – советника-посланника российского посольства Константина Берсенева и Олега Щербака, исполнявшего обязанности

⁹ North Macedonia 2020 International Religious Freedom Report. Op. cit., p. 7.

¹⁰ Освобожден из тюремного заключения архиепископ Охридский Иоанн (Вранишковский). Заявление Службы коммуникации ОБЦС и Информационной службы Сербской Церкви. Официальный сайт Русской Православной Церкви. 03.02.2015. [Archbishop John (Vranishkovski) of Ohrid Was Released from Prison. Statement by the DECR Communications Service and the Information Service of the Serbian Orthodox Church. Official website of the Russian Orthodox Church. 03.02.2015. (In Russ.)] Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3980105.html> (accessed 20.05.2022).

посла РФ в республике до лета 2018 г. и жестко критиковавшего проевропейский и пронатовский курс страны¹¹. Д.О. Головин и С.А. Склярлов справедливо отмечают: “В своей внешней политике на балканском направлении Россия традиционно рассматривала отношения Северной Македонии и НАТО через влияние этих отношений на положение Сербии – своего ключевого союзника в регионе. Безусловно, вступление Северной Македонии в НАТО позволило Альянсу существенно увеличить политическое давление на Сербию, теперь почти со всех сторон окруженную странами-членами НАТО с тем, чтобы окончательно урегулировать косовский конфликт в соответствии с интересами западных стран и ограничить или вовсе ликвидировать влияние России на Балканском полуострове” [11, с. 81]. С учетом этих очевидных вызовов и угроз параллельная работа российского внешнеполитического ведомства и РПЦ с контрагентами, транслирующими диаметрально противоположные идеи, понятна и политически оправдана.

Отметим, что до 2022 г. СПЦ не имела специальной епархии в Республике Северная Македония. Отсутствие официального признания между церквями приводило к тому, что сербские православные священники въезжали в республику в качестве гражданских лиц и совершали религиозные обряды в частных домах, что при некотором желании можно было считать правонарушением. Представители ОА СПЦ неоднократно заявляли, что они и члены их семей подвергались нападкам в СМИ и физическому насилию со стороны лиц, считающихся близкими к МПЦ – ОА. Весьма характерным выглядит инцидент 2020 г., когда сотрудник кладбища в Скопье отказал семье в просьбе дать священнику из ПОА СПЦ совершить отпевание и вместо этого вызвал священника из МПЦ. Попытки журналистов добиться объяснения произошедшему натолкнулись лишь на оскорбления со стороны служителей МПЦ¹².

Таким образом, македонская сторона последовательно придерживалась идеи о недопустимости перехвата “аудитории” МПЦ православной церковью, отмежевание от которой выступало частью обретения возникшей на обломках СФРЮ республикой своего национального суверенитета. При этом демонстрировалась устойчивость перед давлением извне. В частности, было проигнорировано вынесенное в ноябре 2017 г. ЕСПЧ решение, согласно которому, отказавшись зарегистрировать ОА СПЦ (фигурирующую в сообщениях македонских СМИ как “Церковь лишенного сана епископа Иоанна Вранишковского”) в качестве отдельной религиозной группы, правительство РМ нарушило право на свободу религии, совести и собраний. ЕСПЧ также зафиксировал факт нарушения Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, которая включает обязательство действовать нейтрально и непредвзято по отношению к религиозным группам. Хотя государство в 2019 г. компенсировало ОА СПЦ 9 500 евро (11 700 долл.), возместив убытки за отторгнутую собственность и судебные издержки, тогда же организации было отказано в регистрации.

БОЛГАРИЯ – ЗВОНОК “ДРУГУ”

За происходящим в Македонии неизменно с большим вниманием следили в Софии, и именно Болгария первой признала независимость Республики Македония под ее конституционным именем. Однако на протяжении столетий болгары отказывались видеть в македонцах отдельный народ, полагая их частью народа болгарского. Показательно, что власти Болгарии увязывают вступление Македонии в Евросоюз с отказом Скопье от термина “македонский язык” и признанием его одним из диалектов болгарского, а македонцев – частью болгарского этноса.

Доминирующему в Болгарии историческому нарративу в полной мере отвечало направленное в ноябре 2017 г. Синоду Болгарской православной церкви (БПЦ) обращение от Синода МПЦ – ОА с настоятельной просьбой восстановить “евхаристическое единство с возобновленной Охридской архиепископией в лице Македонской православной церкви”.

¹¹ Украинский путь – не для Македонии. *Независимая газета*, 16.10.2018. [The Ukrainian Way Is Not for Macedonia. *Nezavisimaya gazeta*, 16.10.2018. (In Russ.)] Available at: https://www.ng.ru/ng_religii/2018-10-16/13_452_way.html (accessed 20.05.2022).

¹² *North Macedonia 2020 International Religious Freedom Report*. Op. cit., p. 5.

При этом указывалось, что “Македонская Православная Церковь признает Болгарскую Православную Церковь Церковью-Матерью, которая первой приняла и признала ее автокефалию, сообщила о ней и печется о ее потребностях, предстоит ей и защищает ее интересы перед Вселенским патриархатом и другими поместными Церквами”¹³. Болгарский Синод в ответ на это обращение постановил: “В том случае, если МПЦ признает БПЦ-БП своей Церковью-Матерью, БПЦ-БП, осознавая свой священный долг, берется оказать полное содействие, ходатайствуя и выступая перед поместными Православными Церквами, предпринять все необходимое для установления канонического статуса МПЦ”¹⁴.

Подчеркнем, что дорогу проникновению болгарской “мягкой силы” во многие сферы жизни страны-соседа открыло подписанное незадолго до обращения МПЦ к БЦП, 1 августа 2017 г., двустороннее Соглашение о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Болгария продолжила блокировать начало переговоров о вступлении РСМ в ЕС, требуя признания особого статуса болгарского меньшинства и болгарского языка в стране, но некоторые позитивные сдвиги во взаимодействии двух стран все же наметились. Помимо упрощения таможенных процедур, развития региональной инфраструктуры и трансграничных проектов, дополнительным бонусом соглашения стала та поддержка, которую Болгария начала оказывать Македонии в отдельных, не связанных с двусторонними этнолингвистическими противоречиями, международных вопросах¹⁵.

Таким образом, первоначальная реакция Синода БПЦ (действовавшего в согласии с политическим руководством) на обращение МПЦ – ОА была положительной, поскольку предложенная схема – признание БПЦ Церковью-Матерью для Македонии – отвечала стремлению Софии расширить влияние в соседней стране и утвердиться в роли посредника на Балканах. На этих условиях можно было и посодействовать достижению МПЦ автокефалии, хотя сразу же возникала проблема нейминга: болгары негативно относятся к названию “Македонская”, но еще меньше их устраивает определение “Охридская архиепископия”, с учетом того, что последняя в свое время была автокефальной церковью для болгарского царства.

Однако лояльность БПЦ не устроила сразу три церкви. Во-первых, резко против выступили сербы, заявив о вмешательстве в свою каноническую территорию. Во-вторых, признание за БПЦ статуса Церкви-Матери для МПЦ – ОА не устроило Вселенский патриархат: на Фанаре в такой роли видели только Константинополь, поскольку именно он за последние три века предоставил автокефалии балканским народам. В-третьих, Элладской церкви не понравилось использование слова “Македонская” в официальном названии. Этого хватило, чтобы вопрос о получении МПЦ – ОА автокефалии под покровительством БПЦ был отложен на неопределенное время.

В мае 2018 г. было опубликовано заявление высокопреосвященнейшего Наума, митрополита Русенского с объяснением отказа Болгарии поддержать автокефалию МПЦ – ОА. Обозначалось стремление избежать раскола в православном мире по этому вопросу, поскольку обещанная помощь Болгарии “вызвала негативную реакцию со стороны сербов, греков и Константинопольской церкви” [12].

На этом фоне отношения между БПЦ и МПЦ – ОА ожидаемо осложнило празднование Македонской православной церковью 1000-летия Охридской архиепископии 28 и 29 мая 2018 г. непосредственно в Охриде. Священный Синод болгарской церкви объявил, что не будет направлять делегацию для участия в торжествах. В свою очередь македонские

¹³ Македонская Православная Церковь готова признать Церковью-Матерью Болгарскую. *Илья Бей. LiveJournal*, 20.11.2017. [The Macedonian Orthodox Church Is Ready to Recognize the Patriarchate of Bulgaria as Its Mother Church. *Il'ya Bei. LiveJournal*, 20.11.2017. (In Russ.)] Available at: <https://ilyabey.livejournal.com/80966.html> (accessed 20.05.2022).

¹⁴ Македонская Православная Церковь признала Болгарскую своей Церковью-Матерью. *Благовест-инфо*, 30.11.2017. [The Macedonian Orthodox Church Recognized the Bulgarian Church as Its Mother Church. *Blagovest-info*, 30.11.2017. (In Russ.)] Available at: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=75973> (accessed 20.05.2022).

¹⁵ Тодоровский Д. “JUGO-прошлое или EU-будущее”? Как Сербия и Болгария соперничают за влияние в Македонии. *Балканист*, 07.07.2020. [Todorovski' D. 'JUGO-past or EU-future?' How Serbia and Bulgaria Are Competing for Influence in Macedonia. *Balkanist*, 07.07.2020. (In Russ.)] Available at: <https://balkanist.ru/jugo-proshloe-ili-eu-budushhee-kak-serbiya-i-bolgariya-sopernichayut-za-vliyanie-v-makedonii/?ysclid=16dw5pi25a979823247> (accessed 20.05.2022).

епископы заявили, что болгарские священники не должны участвовать в совместной молитве с македонским духовенством в честь дня святых Кирилла и Мефодия, создавших славянскую письменность¹⁶.

С учетом вышеозначенных обстоятельств, а также того факта, что спор Болгарии и Северной Македонии по поводу языка и национальной идентичности остается одним из главных “камней преткновения” в попытках европейской интеграции последней, к 2018 г. МПЦ – ОА утратила надежду на реальную помощь болгарской стороны в плане достижения автокефалии.

На современном этапе, когда проблема македонского церковного раскола оказалась решена без привлечения Болгарии, количество потенциальных “точек входа” для упрочения сотрудничества двух стран сократилось, и на первый план вновь выдвинулись споры вокруг положения болгарского национального меньшинства в стране, македонского языка и прочтения македонской истории. Брюссель, со своей стороны, вновь занял проболгарскую позицию, увязав дальнейшую македонскую интеграцию в ЕС с выполнением условий Софии, которые фактически подрывают право македонцев на сохранение своей национальной идентичности. 30 июня 2022 г. президент Франции Эммануэль Макрон предложил формулу урегулирования споров между республиками, предполагающую ряд уступок со стороны Скопье в вопросах языка и истории, признания особого статуса болгарского меньшинства. Правительственная партия Социал-демократический союз Северной Македонии уже выразила свое согласие с данным предложением¹⁷. Однако общественного консенсуса вокруг признания македонского языка “производным” от болгарского и отказа от принятой в Македонии концепции раннего формирования македонского этноса не сложилось. Против выступила ведущая оппозиционная партия Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство, а также широкие слои македонской общественности. В начале июля 2022 г. в РСМ начались уличные протесты, сопровождающиеся столкновениями на этнической почве между македонцами и албанцами¹⁸.

ГРЕЦИЯ И РИМ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

С момента провозглашения независимости Македонии в 1991 г. длился ее спор с Грецией, блокировавшей вступление страны в НАТО и Евросоюз из-за совпадения названия бывшей югославской республики с крупнейшим регионом Греции. Свыше 26 лет Афины упрекали Скопье в посягательстве на греческую национальную историю (попытки установить преемственность между империей Александра Великого и современной Македонией) и выражали обеспокоенность возможным македонским ирредентизмом. Под давлением США и их союзников по НАТО, стремящихся ускорить интеграцию западно-балканских государств в Североатлантический альянс и свести к минимуму российское влияние на полуостров, 17 июня 2018 г. в греческой деревне Псарадес к югу от озера Преспа главы внешнеполитических ведомств Македонии и Греции Никола Димитров и Никос Кодзиас в присутствии глав обоих государств, а также представителей ООН и Европейского союза подписали историческое соглашение о новом государственном названии Македонии [13, сс. 35-36]. В сентябре 2018 г. в РМ был проведен референдум о переименовании государства в Республику Северная Македония, а 8 февраля парламент Греции одобрил вступление соседнего государства в НАТО. Через четыре дня Республика Македония официально сменила название на

¹⁶ Премьер-министры Болгарии и Македонии почтили в Риме память Кирилла и Мефодия. *Русская Болгария*, 25.05.2018. [The Prime Ministers of Bulgaria and Macedonia Paid Tribute to Sts Cyril and Methodius in Rome. *Russkaya Bolgariya*, 25.05.2018. (In Russ.)] Available at: <https://rus.bg/obschestvo/obschestvo/23050-premer-ministry-bolgarii-i-makedonii-pochtili-v-rime-pamyat-kirilla-i-mefodiya> (accessed 20.05.2022).

¹⁷ СДСМ го прифати францускиот предлог. *Republika online*, 12.07.2022. [SDSM Accepted the French Proposal. *Republika online*, 12.07.2022. (In Macedonian)] Available at: <https://republika.mk/vesti/makedonija/sdsm-go-prifati-francuskiot-predlog/> (accessed 13.07.2022).

¹⁸ Novi neredi u Skoplju: Izbio sukob sa Albancima, dve osobe uperile pištolje u demonstrante. *СРБИН.ИНФО*, 06.07.2022. [New Riots in Skopje: A Clash Broke out with Albanians, Two People Pointed Guns at the Demonstrators. *СРБИН.ИНФО*, 06.07.2022. (In Serbian)] Available at: [Novi neredi u Skoplju: Izbio sukob sa Albancima, dve osobe uperile pištolje u demonstrante \(FOTO\) | SRBIN.info](https://srbin.info/novi-neredi-u-skoplju-izbio-sukob-sa-albancima-dve-osobe-uperile-pistolje-u-demonstrante-foto/) (accessed 13.07.2022).

Северную Македонию. 27 марта 2020 г. Северная Македония официально стала 30-м членом НАТО [14].

Заключение Преспанского соглашения, позволяющего Афинам признать бывшую югославскую республику Македония под ее новым названием – Северная Македония, стало возможным благодаря смене политических элит в македонском государстве [15]. В период пребывания у власти Внутренней македонской революционной организации – Демократической партии за македонское национальное единство вопросы национальной идентичности играли значительно более существенную роль в политическом курсе правительства. Новая правящая коалиция – Социал-демократический союз Македонии и Демократический союз за интеграцию – достаточно легко отказалась от прежних позиций ради устранения препятствий на пути интеграции в евроатлантические структуры. Симптоматичны формулировки, использованные в последовавшем за Преспанским соглашением 2018 г. референдуме “о названии государства”: “Поддерживаете ли вы членство в ЕС и НАТО, принимая соглашение между Республикой Македонией и Греческой Республикой?” Что характерно, референдум выявил неизменность общественного мнения по сравнению с первыми годами независимости и отсутствие консенсуса в отношении евроатлантической интеграции между управляющими и управляемыми. На самом деле его результаты не могли быть признаны, поскольку явка составила только 36 % избирателей (при необходимых 50), и даже она была обеспечена в первую очередь за счет мобилизации албанского сообщества¹⁹. Однако премьер-министр Зоран Заев инициировал принятие решения о переименовании страны в обход результатов плебисцита через парламент.

После переименования РМ в отношении МПЦ Элладская православная церковь заняла достаточно осторожную позицию, акцентируя внимание не столько на невозможности самой автокефалии, сколько на нежелательности использования средневекового названия “Охридская архиепископия” или эпитета “македонская” в названии церкви. Однако греки обозначали готовность принять название, которое использует патриарх Греческой православной церкви в Стамбуле Варфоломей – “Церковь Скопье”. Для православия, где первые пять патриархатов названы в честь столиц, а не стран – это вполне допустимо.

Вмешательство же Рима в решение вопроса об автокефалии МПЦ закономерно носило весьма ограниченный характер. Во-первых, католики составляют меньшинство в Македонии (1% населения)²⁰. Во-вторых, политический диалог с Сербской православной церковью крайне важен для Святого престола, что, кстати, находит отражение в непризнании Ватиканом односторонне провозглашенной независимости Косово. О необходимости дальнейшего углубления отношений регулярно заявлял глава МИД Ватикана Пол Ричард Галлахер²¹.

Конечно, не следует путать “углубление отношений” с экуменизмом. Взаимные уступки не имеют отношения к объединению, а лежат в плоскости церковной дипломатии. Наконец, не утрачивает своей болезненности вопрос участия хорватского католического духовенства в геноциде сербов и других народов в Независимом Государстве Хорватия. Как заявлял один из лидеров усташского режима Миле Будак: “Одну часть сербов мы уничтожим, другую выслем, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом, скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них”. Природа исторической памяти такова, что воспоминания об этом периоде стали шаблоном повествования для нарратива Белграда и Книна о сербохорватском конфликте 1991–1995 гг., и католическая церковь в этом повествовании оказалась близка к антигероям. В определенном смысле то, что не получилось в 40-е годы XX в., удалось сделать в 90-е: после операции “Буря” сербов на территории Хорватии фактически не осталось. В декабре 1998 г. президент Хорватии Франьо Туджман,

¹⁹ *Novi neredi u Skoplju: Izbio sukob sa Albancima, dve osobe uperile pištolje u demonstrante*. Op. cit.

²⁰ *Religions in Republic of Macedonia*. Pew-Templeton: Global Religious Futures Project. Pew Research Center. Available at: http://globalreligiousfutures.org/countries/republic-of-macedonia/#/?affiliations_religion_id=0&affiliations_year=2010®ion_name=All%20Countries&restrictions_year=2016 (accessed 20.05.2022).

²¹ В Ватикане заявили о глубокой заинтересованности в диалоге с Сербией. *ИА Красная Весна*, 19.10.2021. [The Vatican Declared a Deep Interest in Dialogue with Serbia. *IA Krasnaya Vesna*, 19.10.2021. (In Russ.)] Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/e8946996> (accessed 20.05.2022).

выступая на открытии военного училища в Загребе, заявил: "Сербский вопрос мы решили, не будет больше 12% сербов или 9% югославов, как раньше. А 3%, сколько их будет, больше не смогут угрожать хорватскому государству"²². Неслучайно римские понтифики еще ни разу не посещали Сербию, и, хотя возможность такого рода визита неоднократно обсуждалась, очевидно, что без признания сербских жертв он представляется крайне маловероятным.

DEUS EX MACHINA: "УВРАЧЕВАНИЕ" КОНФЛИКТА

Отказавшись от Нишского соглашения, МПЦ отвергла многообещающий шанс примирения не только с СПЦ, но и с остальным каноническим православием, решив остаться в расколе под предлогом защиты национальных интересов. Тем не менее в плоскости церковной дипломатии переговоры в этом направлении продолжались.

Однако воодушевленные действиями Вселенского патриарха Варфоломея на Украине, 5 января 2018 г. подписавшего томос о предоставлении Православной церкви Украины (ПЦУ) автокефалии, а также признанием ПЦУ автокефальной Православной церковью Эллады (Греции), Александрийским патриархатом (2018 г.), православной церковью Кипра (2019 г.), власти Северной Македонии сделали ставку на Константинополь.

Действительно, в апреле 2018 г. после встречи украинского и македонского президентов с патриархом Варфоломеем на Фанаре у многих сложилось впечатление, что украинская и македонская автокефалии пойдут комплектом²³. Применительно к МПЦ – ОА это было бы даже более логично, поскольку, в отличие от ПЦУ, она являлась религиозной организацией большинства македонцев. 30 мая 2018 г. премьер-министр РС Зоран Заев обратился к Священному Синоду вселенского патриархата и вселенскому патриарху Варфоломею с просьбой о включении МПЦ в канонический порядок церкви под именем Охридской архиепископии. Ответ был дан положительный.

Что характерно, отправив письма церковным предстоятелям от имени МПЦ, премьер-министр страны фактически подорвал ее статус и нарушил установленный Конституцией принцип отделения церкви от государства.

11 января 2019 г. иерарх Фанара Даниил (Зелинский), принимавший самое активное участие в предоставлении томаса ПЦУ, заявил, что "у каждого народа, желающего иметь свою православную церковь, должно быть право ее учреждать и просить ее признания другими православными церквями. В том числе, если речь идет о Македонии и Черногории"²⁴.

В 2020 г. Зоран Заев написал очередное письмо патриарху Варфоломею с просьбой об автокефалии МПЦ, в котором не содержалось ни одного церковного аргумента, зато присутствовало указание на важность независимости церкви для объединения нации. Столкнувшись с противодействием иерархов ЭПЦ, фанариоты сменили риторику и заговорили не об автокефалии, а об "уврачевании" церковного раскола.

Фактором, ускорившим процесс "уврачевания", стали действия патриарха Варфоломея, который 9 мая 2022 г. предпринял попытку повторить украинский сценарий, взяв под свое покровительство македонских раскольников. В отдельных публикациях отмечается, что тем самым он рассчитывал перехватить инициативу у иерархов СПЦ и МПЦ – ОА, уже выходявших на достижение договоренностей. В частности, церковный

²² Сидорчик А. Помни о "Буре". Как Хорватия окончательно решила "сербский вопрос". *Аргументы и факты*, 07.08.2015. [Sidorchik A. Remember 'the Storm'. How Croatia Finally Solved the 'Serbian Question'. *Argumenty i fakty*, 07.08.2015. (In Russ.)] Available at: https://aif.ru/society/history/pomni_o_bure_kak_horvatiya_okonchatelno_reshila_serbskiy_vopros (accessed 20.05.2022).

²³ Фанар принялся тиражировать украинский церковный сценарий. *РИА Новости*, 11.10.2020. [Phanar Began to Replicate the Ukrainian Church Script. 16.01.2020. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20201011/makedoniya-1579047208.html?ysclid=laugp-8bogz894845334> (accessed 20.05.2022).

²⁴ Цит. по: Тюренок М. Черногория: опыт православного политического сопротивления. *Царьград ТВ*, 09.01.2020. [Tyurenkov M. Montenegro: The Experience of Orthodox Political Resistance. *Tsargrad.TV*, 09.01.2020. (In Russ.)] Available at: https://tsargrad.tv/articles/chernogorija-opyt-pravoslavnogo-politicheskogo-soprotivleniya_233543?ysclid=laugq3fv7e286067808 (accessed 20.05.2022).

аналитик Драшко Дженович в комментарии ТАСС заявил: “Вселенский патриарх не участвовал в переговорах, но хотел показать свою важность, присвоить чужую честь. Сербский патриарх Порфирий и македонский архиепископ Стефан провели тайные переговоры и договорились, а вселенский патриарх узнал об этом и сделал заявление, чтобы показать, что он – фактор мира и внес вклад в этот процесс”²⁵.

При таких неясных обстоятельствах Синод Константинопольской церкви признал канонической православную церковь Северной Македонии под названием “Охридская архиепископия”. Особо подчеркивалось, что признанное название исключает возможность использования термина “македонский” в отношении религиозной организации, а ее юрисдикция будет распространяться только на территорию государства Северная Македония. Тем самым были сняты возможные претензии с греческой стороны²⁶.

Возникает вопрос, почему к признанию Охридской церкви в качестве канонической поместной церкви на территории Северной Македонии Константинопольский патриархат пришел только в мае 2022 г.?

Сербские эксперты обратили внимание на то, что тема македонского раскола стала буддироваться Фанаром одновременно с подачей заявки самопровозглашенного Косово в Совет Европы. Заявления Константинополя о признании МПЦ канонической и действия Приштины на международной арене были увязаны ими с кризисом в Восточной Европе и попытками Запада вынудить Белград к демонстрации общеевропейского единства²⁷. С самого начала специальной военной операции РФ на территории Украины Запад полагал ненормальной ситуацию, когда Сербия остается единственной среди членов и кандидатов в члены ЕС страной, не присоединившейся к санкциям против РФ.

Предположим, эта гипотеза – о Константинопольском патриархате как инструменте внешней политики Запада (а точнее, Вашингтона) – небезосновательна. Тогда действия Фанара были призваны нанести удар по православию на Балканах и под предлогом “улучшения” еще больше усилить раскол. Развернись вся ситуация по украинскому сценарию, мы бы наблюдали следующую последовательность действий: 1) полунасилованное “объединение” всех православных республик в одну структуру и снятие таким образом проблемы ПОА – СПЦ; 2) восстановление “македонской иерархии” за счет принятия главы “Македонской церкви” совместно с “духовенством” в общение с Константинопольским патриархатом в сущем сане; 3) проведение символически значимого совместного богослужения “восстановленной” македонской “иерархии” и представителей Фанара. Поэтапная реализация вышеозначенных ритуальных процедур увенчалась бы подписанием томоса об автокефальной церкви²⁸. Конечно, МПЦ было бы тяжелее, чем Киеву, принять юрисдикцию Константинополя, по причине того, что у Киева не было конфликтной истории с греками, но заключение Преспанского соглашения частично снимало возможные риски.

И это произошло бы, не займи СПЦ крайне прагматичную позицию.

16 мая 2002 г. Собор СПЦ принял автономию Македонской церкви и установил с ней каноническое общение. В официальном заявлении пресс-службы Сербской православной церкви обозначалось: “Путем установления единства на канонических

²⁵ Эксперт: македонская церковь вернулась в состав СПЦ под именем Охридской архиепископии. ТАСС, 16.05.2022. [Expert: The Macedonian Church Has Returned to the Serbian Orthodox Church Under the Name of the Archdiocese of Ohrid. TASS, 16.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/obschestvo/14638261?ysclid=16f6r1avo4817471551> (accessed 20.05.2022).

²⁶ Фаустова М. Сербская церковь признала македонских “раскольников”. Независимая газета, 16.05.2022. [Faustova M. Serbian Church Recognizes Macedonian ‘Schismatics’. Nezavisimaya gazeta, 16.05.2022. (In Russ.)] Available at: https://www.ng.ru/faith/2022-05-16/100_f16052022.html (accessed 20.05.2022).

²⁷ Борщев К. Эксперт о признании Македонской церкви: Константинополь – американский инструмент давления на Сербию. Балканист, 16.05.2022. [Borshchev K. Expert on the Recognition of the Macedonian Church: Constantinople is an American Instrument of Pressure on Serbia. Balkanist, 16.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://balkanist.ru/ekspert-o-priznanii-makedonskoj-tserkvi-konstantinopol-amerikanskij-instrument-davleniya-na-serbiyu/?ysclid=16f460lmik276493306> (accessed 20.05.2022).

²⁸ Напомним, что в заявлении Синода от 9 мая 2022 г. речь шла не об автокефалии, а лишь о “евхаристическом общении” с “иерархией, духовенством и мирянами” под предводительством архиепископа Стефана (Веляновского).

основаниях и в условиях действия канонического порядка на всей территории Сербской Православной Церкви диалог о будущем и возможном окончательном статусе епархий в Северной Македонии не только возможен, но и целесообразен, легитимен и реалистичен". Подчеркивалось, что «в диалоге об их (МПЦ – Авт.) будущем и возможном окончательном каноническом статусе Сербская Православная Церковь будет руководствоваться только и исключительно церковно-каноническими и церковно-пастырскими принципами, критериями и нормами, не заботясь о "реально-политических", "геополитических", "церковно-политических" и иных подобных факторах либо по односторонним инициативам и не подвергаясь чьему-либо влиянию или давлению. И, наконец, Собор не намерен ставить новую сестринскую церковь в зависимость от ограничительных положений относительно сферы ее юрисдикции на родине и в диаспоре, рекомендуя решать вопрос о ее официальном названии в прямом братском диалоге с Эллинской и другими поместными православными церквями»²⁹.

Показательно, что в заявлении Собора СПЦ от 16 мая не упоминался факт признания Фанаром ОА³⁰.

24 мая 2022 г. СПЦ признала автокефальность Македонской православной церкви – Охридской архиепископии. О том, что Архиерейский собор СПЦ единогласно и единодушно принял решение одобрить просьбу МПЦ о предоставлении ей автокефального статуса, объявил патриарх Сербский Порфирий (Перич) в храме Святого Климента Охридского в Скопье после совместной литургии с македонскими священнослужителями³¹. Отметим, что в рамках процесса преодоления раскола Сербской православной церкви была обещана собственная епархия на территории РСМ³².

5 июня 2002 г. в Белграде состоялось вручение томоса об автокефалии МПЦ – ОА в составе СПЦ. На церемонии вручения томоса архиепископ Стефан подчеркнул, что признание автокефалии МПЦ – ОА в составе СПЦ переоценить трудно, поскольку оно является актом "исторического" воссоединения церквей³³.

Таким образом "уврачевание" раскола состоялось, хоть и не на столь выгодных для СПЦ условиях по сравнению с Нишским соглашением 2002 г. С учетом текущей внешнеполитической конъюнктуры можно констатировать, что церковная дипломатия Сербии "потерпела победу", выбрав "меньшее из зол" в практически безвыходной ситуации. По прошествии 20 лет с момента срыва Нишского соглашения заметно изменился внешнеполитический контекст церковного кризиса: РСМ вошла в состав НАТО; Украина превратилась в пространство прокси-войны Запада с Россией, а Сербия, традиционно воспринимаемая на Западе как "пятая колонна" Москвы на Балканах, столкнулась с беспрецедентным давлением. Руководствуясь соображениями политической рациональности и адекватно оценив имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, СПЦ сознательно пошла на сужение сферы своего влияния в РСМ, что нашло понимание не у всех прихожан ОА СПЦ, на протяжении нескольких лет подвергавшихся дискриминации

²⁹ Собор СПЦ принял автономию Македонской церкви и установил с ней каноническое общение. ТАСС, 16.05.2022. [The Council of the Serbian Orthodox Church Accepted the Autonomy of the Macedonian Church and Established Canonical Communion with It. TASS, 16.05.2022. (In Russ.)] Available at: https://tass.ru/obschestvo/14635985?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 20.05.2022).

³⁰ Сербская Церковь уврачевала македонский раскол. Союз православных журналистов, 16.05.2022. [The Serbian Church Has Cured the Macedonian Schism. Soyuz pravoslavnykh zhurnalistov, 16.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://spzh.news/ru/news/88429-serbskaja-cerkovy-uvrachevala-makedonskij-raskol> (accessed 20.05.2022).

³¹ Сокольников И. Сербская православная церковь признала автокефальность македонской церкви. Парламентская газета, 24.05.2022. [Sokol'nikov I. The Serbian Orthodox Church has recognized the autocephaly of the Macedonian Church. *Parlamentskaya gazeta*, 24.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://www.pnp.ru/in-world/serbskaya-pravoslavnaya-cerkov-priznala-avtokefalnost-makedonskoj-cerkvi.html?ysclid=16f5plgjk340905927> (accessed 27.05.2021).

³² ДРАГОВИЋ Р. СРБИМА ЕПАРХИЈА У МАКЕДОНИЈИ? Идеје уочи дијалога о аутокефалности МПЦ. *Новости.rs*, 27.05.2022. [Dragovic R. A DIOCESE FOR SERBIA IN MACEDONIA? Ideas Ahead of the Dialogue on Autocephaly of the Macedonian Church. *Novosti.rs*, 27.05.2022. (In Serbian.)] Available at: <https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/1120507/srbima-eparhija-makedoniji-ideje-uoci-dijaloga-autokefalnosti-mpc> (accessed: 29.05.2022).

³³ Вселенский патриарх признал литургическое единство МПЦ – ОА. *ИА Красная Весна*, 10.06.2022. [The Ecumenical Patriarch Recognized the Liturgical Unity of the Macedonian Church. *IA Krasnaya Vesna*, 10.06.2022. (In Russ.)] Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/a5f9a997> (accessed 11.06.2022).

на религиозной почве. Некоторые эксперты заговорили о том, что Белград утратил последний рычаг воздействия на политические элиты Скопье³⁴, сочли автокефалию ОА подготовкой к признанию Косова³⁵, но представляется, что разжигание или угроза разжигания конфликтов на религиозной почве не является единственным доступным сербам инструментом внешней политики. Определенные надежды внушает появление сугубо западно-балканской интеграционной инициативы по региональному сотрудничеству, выдвинутой без посредничества ЕС и США, – программы, изначально называвшейся “Малым Шенгеном”, а с 2021 г. известной как “Открытые Балканы”. Она включает в себя Сербию, Северную Македонию и Албанию и набирает обороты при явном преобладании Белграда³⁶. С нашей точки зрения, опора на тот позитивный багаж межгосударственного взаимодействия, что был накоплен в рамках реализации данной инициативы, позволяет с большей легкостью приходить к консенсусу по вопросам, напрямую с ней не связанным, в том числе и лежащим в плоскости церковной дипломатии.

* * *

Немногие из только вступивших на путь национального становления государств отказались бы от возможности подключиться к такому дополнительному источнику легитимности, как собственная церковь. Но независимо от того, как была получена или завоевана ее автокефалия, каждая православная церковь должна соответствовать условию принадлежности к Единой, святой, соборной и апостольской церкви. Это непреложная часть пути превращения в автокефальную церковь в ее полном объеме. С точки зрения православной экклезиологии, которая всегда предполагает наличие общего церковного порядка (несмотря на его случайные нарушения), ожидается, что каждая поместная православная церковь будет поддерживать одни и те же канонические положения. Таким образом, по сравнению со светскими рамками международного права достижение независимости в рамках православного канонического порядка является гораздо более сложным процессом [6, р. 28].

В попытке подкрепить свои националистические притязания посредством (с экклезиологической точки зрения) спорного отождествления гражданского (политического) и церковного суверенитета элиты различных конфессий участвуют в разжигании церковного сепаратизма. Однако в то время как гражданские власти располагают всеми инструментами, чтобы отстаивать собственную политическую независимость перед международным сообществом, власти церковные ограничены в своем инструментарии, независимо от того, насколько сильно пытаются подражать своим светским коллегам. Бывший религиозный национализм может уступить место другим маркерам национальной идентичности и превратиться в светский [16, р. 65]. Светские национализмы могут сосуществовать со своими религиозными аналогами, опираясь при этом на их мифы, символы и традиции.

Применительно к македонскому церковному расколу мы видим, что судьба заявки МПЦ – ОА на автокефалию полностью зависела от предотвращения дальнейших канонических нарушений и возобновления переговоров с СПЦ. Но причины, подтолкнувшие церковных иерархов СПЦ к достижению договоренностей с “македонскими раскольниками”, лежали в плоскости внешнеполитической, а обсуждение статуса ОА было одним из элементов борьбы за влияние на Балканах как региональных, так и внерегиональных игроков.

³⁴ Илич Д. Почему Сербская Православная Церковь отказывается от своей юрисдикции в Македонии: Кому мы отдаем святыни? *СРБИН.Инфо*, 20.05.2022. [Ilic D. Why is the Serbian Orthodox Church Giving Up Its Jurisdiction in Macedonia: To Whom Are We Giving Up the Holy Shrines? *SRBIN.INFO*, 20.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://srbin.info/ru/pocetna/aktuelno/zasto-spc-ukida-svoju-na-dleznost-u-makedoniji-kome-poklanjamo-svetinje/?ysclid=l6fh4jmxmt857312461> (accessed 21.05.2022).

³⁵ Басенков В. Младжан Джорджевич: Автокефалия Охридской Церкви – подготовка к признанию Косово. *О Сербии по-русски*, 17.06.2022. [Basenkov V. Mladjan Djordjevic: The Autocephaly of the Ohrid Church Is a Preparation for Recognition of Kosovo. *O Serbii po-russki*, 17.06.2022. (In Russ.)] Available at: https://ruserbia.com/religions/mladzhan-dzhordzhevich-avtokefalija-ohridskoj-cerkvi-podgotovka-k-priznaniyu-kosovo/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 21.06.2022).

³⁶ Долгое ожидание за дверью. Пока тают надежды войти в ЕС, на Балканах строят свой союз. *TACC*, 21.10.2021. [The Long Wait Outside the Door. While Hopes of Entering the EU Vanish, the Balkans Are Building Their Union. *TASS*, 21.10.2021. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12706139> (accessed 20.05.2022).

События вокруг уврачевания македонского раскола подсветили политическое измерение долгие годы ведущейся в православии дискуссии о процедурных аспектах предоставления автокефалии тем церковным структурам, которые пожелают получить такой статус. С идеей о том, что автокефалию предоставляет та поместная церковь, в которую входит церковная структура (автономная церковь, митрополичий округ или просто совокупность епархий), добивающаяся автокефалии, категорически не согласен Константинопольский патриархат. Подобный порядок подрывает концепцию исключительного положения Фанара в православии, что упорно отстаивается фанариотами. Но за активностью того же Константинопольского патриархата стояли не только претензии на первенство в православном мире, положение “первого без равных”, но и давление со стороны заокеанских партнеров, для которых РСМ, как и Украина, всего лишь клетки на “великой шахматной доске” евразийского континента.

Однако решением поддержать автокефалию МПЦ – ОА СПЦ продемонстрировала признание специфической славяно-македонской национальной идентичности, которая ставится под сомнение в официальных исторических нарративах Греции и Болгарии (также вовлеченных в этот церковный кризис), и как минимум на балканском треке папистские устремления Константинопольского патриархата были ограничены. Неслучайно отдел внешних церковных связей Московского патриархата предпочел дать положительную оценку восстановлению канонического общения между Сербской и Македонской православной церковью, при том, что отдельные церковные служители на местах по инерции продолжили говорить об ослаблении позиций Сербской православной церкви в результате интриг Фанара, с которым Россия прервала общение в 2018 г.³⁷

Озвучив стремление руководствоваться только церковными соображениями, а не требованиями геополитики в “уврачевании” церковного раскола, СПЦ, на самом деле, решила задачу политического толка, не допустив закрепления за Константинопольским патриархатом статуса единственной структуры, что может даровать автокефалию.

В отличие от той версии “автокефалии”, что предлагалась Фааром – когда зарубежные приходы и монастыри передаются в управление фанариотам, а внутри государства могут образовываться некие ставропигии, которые напрямую ему подчиняющиеся – СПЦ позволила РСМ сохранить полноценную, не замкнутую в границах страны церковь. Было решено, что МПЦ – ОА не будет ограничена ни в своей деятельности внутри Северной Македонии, ни в окормлении македонских приходов за рубежом.

Наконец, Сербский патриархат дал понять, что примет любое название МПЦ, которое та примет по итогам своих собственных переговоров со всеми заинтересованными сторонами. Отметим, что на официальном сайте МПЦ она по-прежнему называет себя “Македонская православная церковь – Охридская архиепископия”³⁸.

Таким образом, с нашей точки зрения, прагматичная и взвешенная позиция СПЦ не позволила превратить МПЦ – ОА в инструмент реализации интересов поддерживаемого западными странами Константинопольского патриархата и лишила конфликтного заряда ту тему, что могла способствовать политическому размежеванию Сербии и РСМ.

С “уврачеванием” раскола между СПЦ и МПЦ – ОА проблема сербо-македонских религиозных противоречий, использовавшаяся внерегиональными игроками в их сложной геополитической борьбе на Балканах, себя практически исчерпала. Однако с учетом противоречий между албанцами и македонцам, ставших одним из самых сложных аспектов “нового македонского вопроса” после распада СФРЮ, вероятным представляется возобновление “церковных войн”, но уже с новыми участниками.

³⁷ В РПЦ поприветствовали признание Македонской церкви Сербской. *ИА Красная Весна*, 16.05.2022. [The Russian Orthodox Church Welcomed the Recognition of the Macedonian Church by the Serbian Church. *IA Krasnaya Vesna*, 16.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/ae41745a> (accessed 20.05.2022).

³⁸ Исцеление македонского раскола и украинская ситуация. *Союз православных журналистов*, 18.05.2022. [Healing the Macedonian Schism and the Ukrainian Situation. *Soyuz pravoslavnykh zhurnalistov*, 18.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://spzh.news/ru/zashhi-ta-very/88471-iscelenije-makedonskogo-raskola-i-ukrainskaja-situacija> (accessed 20.05.2022).

Охридское соглашение 2001 г., заключение которого стало возможным благодаря активной роли ЕС и посредничеству консультантов из США [17], трансформировало политическую систему республики, превратив некогда унитарное государство в децентрализованное, с четко проведенными разделительными линиями между двумя крупнейшими этническими группами³⁹. В приложении к соглашению содержались поправки к конституции, которые исключали пункт, определяющий страну как “национальное государство”⁴⁰.

Стимулирующие условия соблюдения соглашения, обозначенные ЕС и НАТО, предполагали для Македонии членство в обеих организациях. На тот момент общественная поддержка этих процессов в Македонии была чрезвычайно высокой; в опросах общественного мнения более 90% населения высказывались за вступление в ЕС, чуть менее значительные показатели дали опросы относительно вступления в НАТО. И каждый шаг на пути к присоединению к ЕС увязывался Брюсселем с прогрессом в межэтнических отношениях и с реформами управления и судебной власти [18]. В религиозном плане заложенное в Охридском соглашении четкое разделение на македонский и албанский этносы при акцентировании “мирного и гармонического развития гражданского общества с одновременным учетом этнической идентичности и интересов всех македонских граждан”⁴¹ привело к торжеству отстраненности над конфронтацией, а в политическом – обернулось формированием условий для воспроизводства системы, нуждающейся в постоянном контроле со стороны международных представителей для продолжения своего бесперебойного функционирования. Охридское соглашение значительно усилило влияние Европейского союза и НАТО на внутреннюю и внешнюю политику Скопье; в этом же контексте следует рассматривать Преспанское соглашение 2018 г.^{42,43}, благодаря которому стало возможным вступление республики в Североатлантический альянс [19].

Таким образом, с учетом степени проникновения западных структур в политическое пространство РСМ при возникновении у международных посредников необходимости в создании небольшого управляемого хаоса в стране – сделать это, разыграв “албанскую карту”, будет легко. В силу того, что МПЦ – ОА отведена роль одного из столпов национальной идентичности, любые попытки политизации имеющихся межконфессиональных противоречий албанцев и македонцев заслуживают самого пристального внимания. При наличии у крупных внерегиональных игроков соответствующего политического запроса процесс федерализации Македонии, запущенный в начале 2000-х годов, может закончиться распадом страны, бенефициарами которого помимо очевидной “Великой Албании” станут Болгария и Греция, имеющие собственные исторические претензии на территории соседа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Дюркгейм Э. Коллективный ритуал. *Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии*. Москва, Аспект Пресс, 1996 сс. 469-471. [Durkheim E. Collective Ritual. *A Textbook on the Sociology of Religion*. Moscow, Aspect Press, 1996, pp. 469-471. (In Russ.)]

³⁹ Условия Охридского соглашения предполагают, что полиэтничность страны должна отражаться в составе всех ее государственных институтов. В 2018 г. албанский язык был признан вторым государственным в РСМ. С 2020 г. албанцы имеют посты в руководстве парламента и МИД Северной Македонии, однако недовольство албанской общины уровнем представительства в государственных институтах сохраняется.

⁴⁰ *Ohrid Framework Agreement*. UN Peacemaker. 13.08.2001. Available at: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MK_010813_Framework%20Agreement%20%28Ohrid%20Agreement%29.pdf (accessed: 20.05.2022).

⁴¹ *Ohrid Framework Agreement*. Op. cit.

⁴² Final Agreement for the Settlement of the Differences as Described in the United Nations Security Council Resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the Termination of the Interim Accord of 1995, and the Establishment of Strategic Partnership between the Parties (2018). Available at: <https://www.un.org/pga/73/wp-content/uploads/sites/53/2019/02/14-February-Letter-dated-14-February-2019.pdf> (accessed 20.05.2022).

⁴³ В рамках заключенного в 2018 г. Преспанского соглашения, бывшая Югославская Республика Македония приняла на себя обязательство внести в Конституцию поправки, в соответствии с которыми она будет официально переименована в Республику Северная Македония. Греция, в свою очередь, подтвердила, что в случае успешной ратификации соглашения не будет препятствовать вступлению соседней страны в НАТО и началу переговоров о ее вхождении в ЕС.

2. Šljivić D., Živković N. Self-Ruled and Self-Consecrated Ecclesiastic Schism as a Nation-Building Instrument in the Orthodox Countries of South Eastern Europe. *Genealogy*, 2020, vol. 4, no. 2. DOI: 10.3390/genealogy4020052
3. Makrides V.N. Why Are Orthodox Churches Particularly Prone to Nationalization and Even to Nationalism? *St. Vladimir's Theological Quarterly*, 2013, vol. 57, no. 3-4, pp. 325-352.
4. Rogobete S. Morality and Tradition in Postcommunist Orthodox Lands: On the Universality of Human Rights, with Special Reference to Romania. *Religion, State and Society*, 2004, vol. 32, no. 3, pp. 275-297. DOI: 10.1080/0963749042000252223
5. Roudometof V. *Globalization and Orthodox Christianity: The Transformations of a Religious Tradition*. New York, Routledge, 2014. 228 p.
6. Borisov D. Road to the Restoration of the Archbishopric of Ohrid. *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*, 2007, vol. 37, iss. 4, pp. 33-52.
7. Blagojević M. *Religija i Crkva u transformacijama društva*. Beograd, Institut za filozofiju i društvenu teoriju "Filip Višnjić", 2005. [Blagojević M. *Religion and Church in the Transformations of Society*. Belgrade, The Institute for Philosophy and Social Theory, 2005. 415 p. (In Serbo-Croat.).]
8. Trajanovski A. *Vozobnovuvanje na ohridskata arhiepiskopija kako makedonska pravoslavna crkva i nejzinot šematizam*. Skopje, Institut za nacionalna istorija, 2008. [Trajanovski A. *The Restoration of the Ohrid Archbishopric as the Macedonian Orthodox Church and Its Original Schematism*. Skopje, The Institute of National History, 2008. 511 p. (In Serbo-Croat.).]
9. Cepreganov T., Angelovska-Panova M., Zajkovski D. The Macedonian Orthodox Church. *Eastern Christianity and Politics in the Twenty First Century*. Leustean L.N., ed. London, Routledge, 2014. 866 p. DOI: 10.4324/9781315819037
10. Иоанн, архиепископ Охридский и митрополит Скопский. *Свободен в неволе*. Москва, Даниловский благовестник, 2012. 192 с. [John, Archbishop of Ohrid and Metropolitan of Skopje. *Free in Captivity*. Moscow, Danilovskii blagovestnik, 2012. 192 p. (In Russ.)] Available at: <https://digitalcommons.georgefox.edu/ree/vol38/iss3/3>
11. Головин Д.О., Скляр С.А. Новый македонский вопрос: современный этап развития. *Международная аналитика*, 2020, т. 11, № 2, сс. 68-90. [Golovin D.O., Sklyarov S.A. The New Macedonian Question: the Current Stage of Development. *Journal of International Analytics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 68-90. (In Russ.)] DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-2-68-90
12. Murzaku I. Motherless Despite Three Mothers: The Plight of the Macedonian Orthodox Church for the Recognition of Autocephaly. *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*, 2018, vol. 38, iss. 3, Article 3, pp. 38-48.
13. Лежина Е.В. Церковь и религия в создании единой Европы (из истории формирования первых "европейских" христианских проектов). *Вестник Марийского государственного университета. Серия "Исторические науки. Юридические науки"*, 2018, т. 4, № 4, сс. 31-39. [Lezhnina E.V. Church and Religion in Creating a Unified Europe (From the History of the Formation of the First 'European' Christian Projects). *Vestnik of the Mari State University. Chapter 'History. Law'*, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 31-39. (In Russ.)] DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-4-31-39
14. Stojanovski S., Marolov D. Republic of Macedonia, the 30th Member of NATO? *International Journal of Sciences: Basic and Applied Research*, 2017, vol. 36, no. 8, pp. 281-294.
15. Салаватова А.В. Европейская интеграция как фактор македонской национальной идентичности. *Современная Европа*, 2021, № 1, сс. 209-218. [Salavatova A. European Integration as a Determinant Factor of Macedonian National Identity. *Contemporary Europe*, 2021, no. 1, pp. 209-218. (In Russ.)] DOI: <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021209218>
16. Hastings A. *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 248 p.
17. Balalovska K., Silj A., Zucconi M. Minority Politics in Southeast Europe: Crisis in Macedonia. *The Ethnobarometer Working Paper Series*. Rome, Ethnobarometer, 2002. 142 p.
18. Поскребышева Е.С. Охридские соглашения по Македонии в контексте этноконфессиональной политики Евросоюза. *Международные отношения. Политология. Регионоведение. Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*, 2013, т. 5, № 1, сс. 321-325. [Poskrebysheva E.S. The Ohrid Agreement in Macedonia's Ethnic and Religious Context of the EU Policy. *Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2013, vol. 5, no 1, pp. 321-325. (In Russ.)]
19. Квашнин Ю. Преспанское соглашение и перспективы урегулирования вопроса о названии Македонии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2018, № 5, сс. 47-53. [Kvashnin Yu. The Prespa Agreement and Prospects for Resolving the Macedonian Name Dispute. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2018, no. 5, pp. 47-53. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520184753>

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К КОНЦЕПЦИИ “МЯГКОЙ СИЛЫ”

© КОСЯКИНА А.С., 2022

КОСЯКИНА Анна Сергеевна, ведущий специалист-эксперт отдела информационного обеспечения Управления информационной политики.

Россотрудничество, Россия, Москва 125009, ул. Воздвиженка, 18/9
(a.kosyakina@rs.gov.ru), ORCID: 0000-0001-8732-9973

Косякина А.С. Российский подход к концепции “мягкой силы”. *Анализ и прогноз.* Журнал ИМЭМО РАН, 2022, № 2, сс. 63-75. DOI: 10.20542/afij-2022-2-63-75

DOI: 10.20542/afij-2022-2-63-75

УДК: 327.8(470)

Поступила в редакцию 14.09.2021.

После доработки 01.12.2021.

Принята к публикации 20.07.2022.

Данное исследование посвящено комплексному изучению политики “мягкой силы” Российской Федерации и ее эволюции. Автор дает краткий обзор научной литературы по указанной проблематике, обосновывает собственную точку зрения на феномен и практики “мягкой силы”, разводя смежные понятия “мягкая сила” и “публичная дипломатия”. Объясняются причины особого интереса центральных властей Российской Федерации к концепции в последние полтора-два десятилетия, что нашло свое выражение в доктринальных документах по вопросам внешней политики. Выделяются характерные особенности именно российского понимания стратегии и политики “мягкой силы” государства. В статье с использованием институционального подхода и организационной теории автор анализирует деятельность основных институтов “мягкой силы”, созданных и функционирующих в России, такие как Россотрудничество (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству), Фонд “Русский мир”, Фонд Горчакова (Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова). Среди прочего автор приходит к выводу о том, что отсутствие четкого формального распределения обязанностей между ведомствами ведет к межведомственной несогласованности и даже конкуренции и существенным образом снижает несомненный положительный эффект их работы. В статье также приводится анализ инструментов и ресурсов политики “мягкой силы” страны с точки зрения потенциала их результативности и влияния на формирование позитивного международного имиджа. Помимо характеристики традиционных инструментов, включающих в себя язык как средство межнационального общения, образование, культурно-историческое наследие, автор концентрирует свое внимание на таких новых инструментах “мягкой силы”, усилившихся или появившихся в связи с пандемией COVID-19, как гуманитарная помощь и “дипломатия вакцины”. Автор анализирует влияние, которое на “мягкую силу” России оказывают события, развернувшиеся на территории Украины, и приходит к выводу, что стране будет крайне сложно в ближайшие годы выстраивать привлекательный образ за рубежом.

Ключевые слова: “мягкая сила”, инструменты “мягкой силы”, Россия, COVID-19, культура, политика “мягкой силы”, международные отношения.

THE RUSSIAN APPROACH TO THE SOFT POWER CONCEPT

Received 14.09.2021. Revised 01.12.2021. Accepted 20.07.2022.

Anna S. KOSIAKINA (a.kosyakina@rs.gov.ru), ORCID: 0000-0001-8732-9973,
Rossotrudnichestvo, 18/9, Vozdvizhenka Str., Moscow 125009, Russian Federation.

The article is devoted to a comprehensive study of the Russian 'soft power' policy. The author gives her view on the 'soft power' phenomenon and practices and draws the line between related concepts of 'soft power' and 'public diplomacy', all while explaining the reasons for the special interest of the Russian central authorities in the concept for the last two decades, which is embodied in doctrinal documents on foreign affairs. Distinctive features of the country's understanding of 'soft power' and its politics are highlighted. The institutional approach and organizational theory are widely used in the article. With their help, the activities of the main 'soft power' institutions functioning in Russian Federation, such as Rossotrudnichestvo (The Federal Agency for the Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation), Russkiy Mir Foundation and the Gorchakov Fund are analyzed. The author comes to the conclusion that the lack of a clear formal distribution of responsibilities between departments leads to interdepartmental inconsistency and even competition and significantly reduces the undoubted positive effect of their work. Besides, the article pays special attention to the tools and resources of the Russian 'soft power' policy. Apart from traditional tools like language, education, cultural and historical heritage, such new ones that have intensified or appeared due to COVID-19 pandemic are as follows: humanitarian aid and 'vaccine diplomacy'. And finally, the author gives a forecast on Russian 'soft power' in connection with the events on the territory of Ukraine and comes to the conclusion that in the coming years it will be difficult to create an image of an attractive country abroad.

Keywords: 'soft power', Russia, COVID-19, culture, politics, international relations.

About the author:

Anna S. KOSIAKINA, Leading Specialist-Expert of the Information and Analytical Division,
Department of Information Policy and Informatization.

В настоящее время российская политика "мягкой силы" привлекает все большее внимание экспертов и ученых. Издан ряд трудов как на русском, так и на английском языках, посвященных данной и смежной проблематике, в частности, феномену и практикам так называемой публичной дипломатии.

Одной из таких работ является книга на английском языке доктора политических наук, профессора МГИМО МИД России М.М. Лебедевой 'Russian Public Diplomacy: From USSR to the Russian Federation', в которой рассматриваются эволюция подхода к публичной дипломатии России, начиная со времен СССР. Кроме того, в данном труде автор исследует изменения потребностей в публичной дипломатии и их отражение в официальных документах Российской Федерации, а также анализирует создание новых институтов, призванных вносить вклад в развитие "мягкой силы" страны [1].

Другой крупной работой, посвященной "мягкой силе" России, является монография доктора исторических наук, профессора Дипломатической академии МИД РФ М.А. Неймарка «Геополитика "мягкой силы": опыт России». Исследование посвящено особенностям, возможностям, а также перспективам "мягкой силы" России, которые рассматриваются преимущественно в контексте пандемии COVID-19, ставшей новым фактором трансформационных процессов в мире [2].

Наиболее комплексный анализ российской публичной дипломатии представлен в коллективной монографии под редакцией сотрудника Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, члена Экспертного совета Россотрудничества

А.А. Великой и доцента Института исследований России и Евразии Уппсальского Университета, преподавателя кафедры коммуникационных наук университета Т.Г. Саймонса *'Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice'*. В данном исследовании подробно рассматриваются различные аспекты и направления российской публичной дипломатии, анализируются интересы страны, тематические направления, методы публичной дипломатии для защиты и продвижения национальных интересов и ценностей в динамично меняющемся мире. Кроме того, существенное внимание уделяется оценке сильных и слабых сторон российской публичной дипломатии [3].

Отдельным аспектам “мягкой силы” РФ, в свою очередь, посвящены статьи ряда российских ученых. Среди них можно отметить М.И. Ведерникову, которая занимается вопросами “мягкой силы” и имиджа России в Европейском союзе [4; 5; 6]. В ее работах рассматривается как возможности “мягкой силы” России и ее главные составляющие, так и международные условия, влияющие на имидж нашей страны в государствах Европейского союза. Вопросу образования как инструменту “мягкой силы” РФ посвящены труды А.В. Торкунова [7], а также М.М. Лебедевой «Высшее образование как потенциал “мягкой силы” России» [8], в которых образование рассматривается в качестве важного инструмента российской “мягкой силы”.

Задача данного исследования – рассмотреть эволюцию российской политики “мягкой силы” и проанализировать работу ее ключевых институтов.

ИНТЕРЕС РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ К КОНЦЕПЦИИ “МЯГКОЙ СИЛЫ”

XXI в. характеризуется повышенным вниманием к привлекательности и позитивному имиджу страны как инструменту влияния на международной арене. Сегодня, в информационную эру, побеждает уже не тот, у кого сильнее армия, а тот, чья история убедительнее, чья история способна привлекать людей¹. В связи с этим все большую популярность обретает концепция “мягкой силы”, автор которой – американский политолог Джозеф Най, описал ее как “способность получать желаемые результаты за счет привлекательности, а не принуждения или финансовых ресурсов” [9].

После распада Советского Союза Россия оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе. В этих условиях вопросы “мягкой силы” были фактически исключены из повестки дня руководства страны. Несмотря на то, что в этот период в России продолжали функционировать созданные еще во времена СССР институты “мягкой силы”, работали они скорее по инерции, не получали должного финансирования и едва ли приносили какой-либо результат [10].

Всерьез о “мягкой силе” заговорили лишь в 2008 г. Одной из причин послужило намерение российских властей активизировать свою политику на постсоветском пространстве. Во многом началу дебатов о “мягкой силе” в России способствовала серия “цветных революций” в Грузии в 2003 г., Украине в 2004 г. и Киргизии в 2005 г. Высшее политическое руководство страны полагало, что возросшая привлекательность России в глазах политических элит и обществ республик бывшего Советского Союза содействует экономической, политической и социокультурной интеграции на постсоветском пространстве.

Более того, в указанный период возникла необходимость улучшить имидж России не только в странах СНГ, но и во всем мире. Дело в том, что после вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г., а также массовых протестов против предполагаемых фальсификаций на парламентских и президентских выборах 2011–2012 гг. в РФ, этот имидж существенно пострадал. В результате власти развернули массированную информационную кампанию, направленную на искоренение образа России как “агрессивной” и “недемократической” и стремились сделать страну более привлекательной

¹ Joseph Nye on the Future of Soft Power and Public Diplomacy. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=q75uTqz5XS4> (accessed 20.12.2020).

для международных партнеров [11, р. 349]. Особенно важно это было для отношений с Европейским союзом, который, с одной стороны, рассматривался в то время Россией в качестве одного из ключевых партнеров, а с другой, критиковал страну за нарушение прав человека, неэффективную борьбу с коррупцией, а также отсутствие прогресса в правовых и административных реформах [12, р. 314].

Сам термин “мягкая сила” официально появляется в российском политическом лексиконе начиная с 2012 г., когда в своей программной статье “Россия и меняющийся мир” тогдашний кандидат в президенты В.В. Путин заявил о необходимости использования инструментов “мягкой силы”. По мнению В.В. Путина, данный шаг сделал бы Россию привлекательным и надежным международным партнером, открытым для сотрудничества с зарубежными странами².

Выступая на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации 9 июля 2012 г., В.В. Путин признал тот факт, что Россия отстает от других крупных международных игроков, которые уже разработали и начали реализовывать свои стратегии “мягкой силы”. “...Традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой мягкой силы, безусловно, есть над чем подумать”³. Такого же мнения придерживался К.И. Косачев, занимавший в тот период должность директора Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества)⁴. Он неоднократно заявлял о том, что Россия сохранила свой жесткий силовой паритет с другими ключевыми международными игроками, но отстает от них в плане “мягкой силы”⁵.

После своего переизбрания на пост президента в 2012 г. В.В. Путин призвал подумать об использовании нетрадиционных внешнеполитических инструментов, включая инструменты “мягкой силы”. Помимо этого, потребность России в использовании ее потенциала была отражена в новой Концепции внешней политики РФ от февраля 2013 г. Именно тогда термин “мягкой силы” впервые обрел свое юридическое оформление и окончательно вошел в практику российской внешней политики⁶.

На наш взгляд, под “мягкой силой” следует понимать способность влиять на других на основе привлекательности, а не принуждения. При этом достичь желаемого результата можно лишь обладая одновременно тремя составляющими “мягкой силы”, предложенными Дж. Наем. Речь идет о привлекательной культуре, универсальных политических ценностях, внешней политике, которая другими государствами и обществами воспринимается как легитимная и обладает моральным авторитетом. Игнорирование хотя бы одного из аспектов не позволит стране достичь желаемых результатов от использования “мягкой силы”.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА

Процесс институционализации “мягкой силы” в России начался задолго до того, как сам термин вошел в официальный политический лексикон государства. Первым шагом стало создание в 2007 г. Указом Президента РФ Д.А. Медведева Фонда “Русский мир”, общественной

² Путин В.В. *Россия и меняющийся мир*. [Putin V.V. *Russia and the Changing World* (In Russ.)] Available at: <https://www.mn.ru/politics/78738> (accessed 01.12.2020).

³ Путин В.В. *Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности*. [Putin V.V. *Russia in the Changing World: Continuity of Priorities and New Opportunities* (In Russ.)] Available at: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1779/1364> (accessed 13.02.2021).

⁴ В настоящее время К.И. Косачев является заместителем председателя Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

⁵ Косачев К.И. В мире сложилась презумпция виновности России. *Коммерсантъ*, 03.09.2012. [Kosachev K.I. There is a Presumption of Russia's Guilt in the World. *Kommersant*, 03.09.2012. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2014308> (accessed 26.11.2020).

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. [The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation of February 12, 2013. (In Russ.)] Available at: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/?yclid=lav0ps155h514802314> (accessed 17.02.2021).

организации, учредителями которой выступили Министерство иностранных дел и Министерство образования и науки. Основными его задачами стали популяризация русского языка и культуры, поддержка экспорта российских образовательных услуг, содействие распространению объективной информации о современной России и формирование благоприятного по отношению к стране общественного мнения⁷. В настоящее время в рамках фонда регулярно организуются различные конференции, конкурсы и олимпиады, а также предоставляются гранты на реализацию проектов, целью которых является распространение русского языка и расширение культурно-гуманитарного сотрудничества с Российской Федерацией.

Чуть более чем через год в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1315 было создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Деятельность агентства и его загранучреждений направлена на реализацию государственной политики международного гуманитарного сотрудничества, содействие распространению за рубежом объективного представления о современной России. Агентство имеет представительства в 80 странах мира. На их базе регулярно проходятся различные мероприятия, нацеленные на популяризацию российской культуры. Речь идет о концертах российских фольклорных, музыкальных и танцевальных коллективов; выставках современных художников; тематических фотовыставках архивных материалов российских музеев; показах последних новинок отечественной кинематографии; спектаклях российских театров для взрослой и детской аудитории и т.д. Россотрудничество в отличие Фонда "Русский мир" имеет правительственный статус и подчиняется Министерству иностранных дел.

Помимо вышеназванных институтов существует ряд (преимущественно государственных) общественных организаций, которые также вносят свой вклад в формирование позитивного образа России. Ярким примером является Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова (Фонд Горчакова), основная миссия которого заключается в развитии сферы публичной дипломатии, содействии продвижению интеллектуального, культурного, научного и делового потенциала России за рубежом, формировании благоприятного для России общественного, политического и делового климата⁸.

В контексте российской "мягкой силы" необходимо также упомянуть Международный совет российских соотечественников, созданный в 2002 г. при содействии Правительства Москвы. Совет нацелен на консолидацию российской диаспоры и содействие формированию единого российского культурного, информационного и образовательного пространства в интересах укрепления общности российской диаспоры, усиления ее международных позиций⁹.

В деятельность по формированию положительного имиджа России вовлечена в том числе Общественная палата Российской Федерации. Путем наращивания активности во взаимодействии с соотечественниками, проживающими за рубежом, она стремится оказывать содействие развитию международного сотрудничества, распространению русского языка и формированию пророссийского культурно-политического лобби в различных государствах и регионах мира¹⁰.

Наконец, укреплению благоприятного образа страны на международной арене содействует международная неправительственная организация "Породненные города", которая нацелена на содействие двусторонним и многосторонним связям местных и

⁷ Фонд "Русский мир". [Russkiy Mir Foundation. (In Russ.)] Available at: <https://ruskiymir.ru/fund/> (accessed 17.02.2021).

⁸ Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. [The Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund (In Russ.)] Available at: <https://gorchakovfund.ru/portal/page/4c40a0df-e8c8-48d3-983f-a979f42188d1> (accessed 10.02.2021).

⁹ Международный совет российских соотечественников. [International Council of Russian Compatriots (In Russ.)] Available at: <http://msrs.ru/about-us> (accessed 17.02.2021).

¹⁰ Доклад Общественной палаты Российской Федерации 2019. [Report of the Civic Chamber of the Russian Federation 2019. (In Russ.)] Available at: <https://report2019.oprf.ru/4/index.html> (accessed 27.02.2021).

региональных властей с партнерами в других странах¹¹, а также ряд ведущих российских университетов (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный государственный университет "Высшая школа экономики", Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского и т.д.).

Институциональная сеть "мягкой силы" России достаточно развита. Однако создается впечатление, что инициативы институтов, вовлеченных в создание позитивного образа страны, носят недостаточно согласованный характер. В частности, отсутствует четкое распределение функций того или иного ведомства. Примером данной особенности является алгоритм поступления граждан иностранных государств на учебу по квотам в Россию. Для участия в конкурсе абитуриентам предлагается сначала отправить свои заявки в Россотрудничество и пройти там собеседование. Затем документы отправляются в Министерство науки и высшего образования. После результаты снова отправляются в Россотрудничество. Такая схема выглядит крайне запутанной и сильно усложняет работу по данному направлению.

Похожая ситуация касается и вопроса содействия международному развитию. В России гуманитарную помощь зарубежным странам оказывает ряд государственных ведомств и организаций. Речь идет об Министерстве по чрезвычайным ситуациям, Министерстве обороны, Министерстве здравоохранения, Россотрудничестве и т.д. Кроме того, в России существует как минимум три организации, работающих с соотечественниками за рубежом. К ним относятся: Россотрудничество, Международный совет российских соотечественников, а также Общественная палата Российской Федерации. В данном случае вряд ли необходимо передавать функции по данному направлению лишь одной организации, однако налаживание координации между ведомствами приведет к более ощутимым результатам.

РЕФОРМА РОССИЙСКОЙ "МЯГКОЙ СИЛЫ"

25 июня 2020 г. Указом Президента России В.В. Путина новым руководителем Россотрудничества был назначен известный журналист, государственный, политический и общественный деятель Е.А. Примаков. Назначение нового главы агентства стало началом перемен не только в работе Россотрудничества, но и пересмотру стратегии "мягкой силы" России в целом.

Е.А. Примаков давно критично высказывался по поводу российской "мягкой силы" и неоднократно заявлял о том, что в нынешнем своем виде она не производит впечатления эффективной.

В первую очередь, по его мнению, следует кардинально пересмотреть подход к проводимым в рамках Россотрудничества мероприятиям. Они должны быть нацелены на достижение конкретного результата, а не носить формальный характер. "Грубо говоря, цель – не проведение мероприятия, а достигнутый результат". Важно научиться завоевывать сердца и умы людей.

Критические замечания Е.А. Примаков высказывал и относительно эффективности расходования финансовых средств. Россия всегда тратила большие денежные средства на международные проекты в сфере публичной дипломатии, но эффективность расходования этих бюджетных средств вызывает вопросы. В частности, Е.А. Примаков говорил о необходимости более выборочно и продуманно подходить к формату проводимых мероприятий, отойти от универсальных "пакетных" решений и сосредоточить внимание на потребностях каждого региона или страны [13]. "На мой взгляд, в каком-нибудь условном Кабуле гораздо полезнее сделать программу по очистке питьевой воды, чем поставить памятник Александру Сергеевичу Пушкину", – пояснил он [14].

¹¹ Международная ассоциация "Породненные города". [International Association 'Related Cities' (In Russ.)] Available at: <http://goroda-po-bratim.ru/about> (accessed 27.02.2021).

Еще одной слабой стороной Россотрудничества, а конкретно его зарубежных представительств, является чрезмерный акцент на соотечественниках, проживающих за границей. Е.А. Примаков заявил о необходимости расширить аудиторию и уделять больше внимания работе с местным населением. Важно сделать все необходимое, чтобы иностранцы имели возможность ближе познакомиться с богатой культурой России и ее традициями. Эффективность работы зарубежных центров, по словам Е.А. Примакова, также должна измеряться совершенно иначе. Основным критерием следует сделать количество и качество привлеченных к работе неправительственных организаций.

В январе 2020 г. Е.А. Примаков в очередной раз заявил, что России необходимо реорганизовать и активизировать свою гуманитарную политику. В первую очередь, по его мнению, следует пересмотреть само понятие “гуманитарное” и приблизить его к тому, что под ним понимается в остальном мире. Иными словами, прекратить сводить термин “гуманитарный” исключительно к сфере знания о культуре, духовности, искусстве и образовании. В английском языке перечисленные понятия относятся к термину *humanities*. В свою очередь *humanitarian*, то есть “гуманитарное”, означает права человека, включая и его доступ к достояниям культуры. От этого должна и отталкиваться Россия. Таким образом, инструментарий гуманитарной политики требует значительного расширения [15].

По-иному должна строиться и работа пресс-службы. Сайт Россотрудничества должен быть интересным, а основной упор следует делать именно на иностранную аудиторию. Более того, необходимо улучшить качество контента в социальных сетях.

Наконец, Е.А. Примаков также заявил о необходимости придумать второе (неофициальное) название агентства. Данная инициатива связана с тем, что 17-буквенную аббревиатуру “Россотрудничество” большинству иностранцев непосильно произнести. В результате по итогам проведенного на сайте Россотрудничества конкурса, новым неофициальным названием агентства стало “Русский дом”.

Инициативы Е.А. Примакова представляются логичными и рациональными. Особенно это касается тезиса о чрезмерном упоре на работу с соотечественниками за рубежом. Безусловно, многомиллионная русскоязычная диаспора служит важной составляющей “мягкой силы”, однако без должного внимания местному населению вряд ли удастся создать позитивный международный образ страны и познакомить иностранную аудиторию с культурой и традициями России. В этой связи нам представляется разумной разработка программ, подобных “Новому поколению” (программа предоставляет возможность молодым людям со всего мира приехать в Россию и познакомиться с представителями их профессий). В интернете можно встретить критику касательно того, что со сменой руководства в работе организации фактически ничего не изменилось. Думается, что еще рано об этом говорить. Реорганизация работы любого ведомства – долгий и трудоемкий процесс, тем более в крайне сложных условиях пандемии и непростой геополитической ситуации, в которой оказалась Россия.

Еще одним нововведением российской политики “мягкой силы” является планируемое создание специального департамента по вопросам “мягкой силы” в составе Министерства иностранных дел России. Об этом МИД сообщил в сентябре 2021 г. Учреждение такого органа обусловлено тем, что в настоящее время в структуре МИД РФ отсутствует подразделение, которое централизованно выполняло бы функции в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Отмечалось, что новый департамент не будет дублировать функции Россотрудничества и других профильных органов. Его работа будет заключаться в разработке общей политики “мягкой силы” России, определении ее приоритетов, контроле над реализацией государственных программ в этой области, а также в оказании консультативной поддержки и практической помощи как профильным государственным учреждениям, так и неправительственным структурам¹².

¹² МИД создаст департамент, который займется “мягкой силой”. *РИА Новости*, 30.09.2021. [The Ministry of Foreign Affairs Creates the Department of ‘Soft Power’. *RIA Novosti*, 30.09.2021. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20210930/mid-1752497261.html> (accessed 10.11.2021).

Данная инициатива выглядит вполне разумной. Существенным недостатком российской политики “мягкой силы” является фактическое отсутствие системной работы по данному направлению. Можно говорить лишь об отдельных институтах, которые формируют так называемый организационный каркас “мягкой силы” страны. Создание соответствующего департамента в структуре МИД позволит разработать стратегию “мягкой силы”, конкретные практические рекомендации, а также детализировать функции ведомств, задействованных в создании позитивного имиджа России, и добиться четкой межведомственной координации.

ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИКИ “МЯГКОЙ СИЛЫ” РОССИИ

Для достижения своих внешнеполитических целей и повышения привлекательности страны на международной арене Россия использует различные инструменты “мягкой силы”. Особенно большое внимание уделяется образованию, которое в настоящее время по праву можно назвать одним из наиболее эффективных инструментов “мягкой силы”.

Речь в первую очередь идет о высоком качестве образования, которое способствует созданию более позитивного имиджа в глазах международной аудитории. В 2018 г. британская компания QS, специализирующаяся на анализе высших учебных заведений по всему миру, составила рейтинг топ 50 стран по системе высшего образования. Россия заняла в международном рейтинговом исследовании 15 место, что свидетельствует о достаточно высоком уровне российского образования. Акцент в рейтинге делался не на конкретных университетах, а на качестве образования в стране по нескольким критериям, включая его эффективность и доступность¹³.

Важной составляющей “мягкой силы” страны является также предоставление образовательных возможностей иностранным студентам. Последние наряду с изучением языка будут постепенно знакомиться с достижениями науки и культуры принимающей страны, а вернувшись на родину, станут эффективными передатчиками культуры той страны, в которой они обучались [16]. Международная студенческая мобильность продолжает расти очень быстрыми темпами, и несмотря на то, что лидерами по приему иностранных студентов являются США, Великобритания и Франция, России также имеет большие перспективы в этом направлении [17]. В 2020 г. правительство России по предложению Министерства науки и высшего образования увеличило квоты на обучение иностранных граждан в российских вузах за счет бюджета до 18 тыс. человек в 2021 г., до 23 тыс. – в 2022 г. и до 30 тыс. – в 2023 г.¹⁴ Реализация данного постановления потребует выделения дополнительных средств из бюджета в объеме 171 млн руб.

Стоит отметить, что российские университеты в последние годы заметно улучшают свои позиции в международных рейтингах высшего образования. По данным QS, с 2014 г. МГУ им. М.В. Ломоносова улучшил свои позиции на 46 пунктов, заняв в 2021 г. 74 место среди лучших университетов мира. Такие результаты были достигнуты в первую очередь за счет репутации в мировом академическом сообществе, а также благодаря активной работе по привлечению иностранных студентов. По данным другого авторитетного рейтинга *Times Higher Education*, Московский университет в 2021 г. занял 174 место среди более чем 1000 университетов мира¹⁵. В топ 300 представлены также Московский физико-технический институт и Высшая школа экономики.

Кроме того, Россия активно поддерживает инициативы по работе с ассоциацией выпускников. Страна стремится поддерживать связь с выпускниками российских вузов после их возвращения домой. Основная инициатива принадлежит некоммерческой

¹³ The Strongest Higher Education Systems by Country. QS. 28.06.2019. Available at: <https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings/qs/?year=2018> (accessed 24.02.2021).

¹⁴ Правительство установило квоты на образование для иностранцев. ТАСС, 21.12.2020. [The Government Establish Quotas for Foreign Students. TASS, 21.12.2020. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/obschestvo/10313679> (accessed 27.02.2021).

¹⁵ World University Rankings 2021. Times Higher Education. Available at: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/world-ranking#!/page/6/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (accessed 27.02.2021).

организации Всемирной ассоциации выпускников высших учебных заведений, которая объединяет иностранных выпускников, проходивших обучение в высших учебных заведениях Российской Федерации. Основными ее задачами являются объединение и координация действий ассоциаций иностранных выпускников, развитие контактов с выпускниками российских вузов, укрепление культурных связей, а также позиций русского языка за рубежом и повышение конкурентоспособности российских вузов как международных научно-образовательных центров. Сегодня ассоциации выпускников работают в 68 странах мира¹⁶. В 2018 г. Россотрудничество в лице тогдашнего руководителя агентства Э.В. Митрофановой подписало соглашение о сотрудничестве со Всемирной ассоциацией выпускников высших учебных заведений, направленное на совместную организацию и проведение мероприятий с целью развития гуманитарного, делового и научно-технического сотрудничества России с другими странами¹⁷.

Язык, который рассматривается как традиционный компонент государственности и символ идентичности и группового сознания, также активно используется Россией в качестве важнейшего ресурса “мягкой силы”. Русский язык – один из наиболее распространенных языков мира. На нем говорит около 258 млн человек в мире, что ставит его на 8 место среди самых популярных языков мира¹⁸. Кроме того, русский язык является лингва франка для пространства бывшего Советского Союза. Именно на нем между собой чаще всего говорят граждане постсоветских республик.

Наиболее активную работу по популяризации русского языка проводит Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Институт имеет многолетний опыт обучения русскому языку, занимается подготовкой педагогических кадров, разработкой методик обучения русскому как иностранному. В стенах учебного заведения проходят обучение как российские, так и иностранные граждане, а каждый четвертый студент-бакалавр и каждый третий магистр – иностранцы. С 1972 г. институт проводит международные олимпиады школьников по русскому языку, а начиная с 2002 г. организует международные олимпиады по русскому языку учащихся школ с русским языком обучения государств постсоветского пространства.

Институт им. А.С. Пушкина активно сотрудничает с такими отечественными структурами, как Россотрудничество и фонд “Русский мир”, а также поддерживает тесные связи с рядом международных организаций. В частности, с ЮНЕСКО, Европейской ассоциацией экзаменационных советов по иностранным языкам (ALTE) и Советом Европы¹⁹.

В 2013 г. Советом по русскому языку при Правительстве России, а также Министерством образования и науки Российской Федерации была инициирована Программа продвижения русского языка и образования на русском языке. В рамках данной инициативы был создан портал дистанционного обучения “Образование на русском”, который позволяет пользователям из любой точки мира получить доступ к сервисам изучения русского языка как иностранного и повышения квалификации педагогов-русистов. Институт им. А.С. Пушкина является координационным центром программы²⁰.

Вместе с тем с каждым годом все больше расширяется география проекта “Русский уголок”, инициированного Общественной палатой Российской Федерации совместно с Международным общественным фондом “Российский фонд мира” и направленного на сохранение и распространение русского языка за рубежом. В рамках проекта русским

¹⁶ Всемирная ассоциация выпускников. [The International Alumni Association. (In Russ.)] Available at: <http://www.alumnirussia.org> (accessed 26.02.2021).

¹⁷ Россотрудничество. [Rossotrudnichestvo] Available at: <https://rs.gov.ru/%20news/25424> (accessed 01.12.2020).

¹⁸ Statista. Available at: <https://www.statista.com/statistics/266808/the-most-spoken-languages-worldwide/> (accessed 02.03.2021).

¹⁹ Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. [Pushkin State Russian Language Institute (In Russ.)] Available at: <https://www.pushkin.institute/institut/> (accessed 15.02.2021).

²⁰ Программа продвижения русского языка и образования на русском языке. Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. [Russian Russian Language and Education Promotion Program. Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.)] Available at: <https://www.pushkin.institute/programma/> (accessed 15.02.2021).

школам, находящимся за пределами территории Российской Федерации, предоставляется доступ к мультимедийным интерактивным развивающим играм и обучающим пособиям с помощью которых можно изучать русский язык и литературу, а также другие школьные предметы на русском языке²¹.

Важной составляющей “мягкой силы” России является и ее культурно-историческое наследие. Литературные произведения таких авторов, как Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой. А.П. Чехов и других, переведены практически на все языки мира, а музыка таких выдающихся русских композиторов, как П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков, М.И. Глинка, по сей день мало кого оставляет равнодушным. Одной из визитных карточек страны также русский балет. Каждый хоть раз слышал о балетных труппах Большого театра в Москве и Мариинского в Санкт-Петербурге, а “Лебединое озеро” и “Щелкунчик” П.И. Чайковского, “Ромео и Джульетта” С.С. Прокофьева входят в топ пять лучших балетов мира [18, pp. 24-25].

Говоря об инструментах политики “мягкой силы” России, нельзя не упомянуть спортивную дипломатию. С ее помощью Россия также стремится повысить свой внешнеполитический имидж, создать благоприятный образ страны в мире, а также познакомить зарубежную аудиторию с российской культурой и традициями. В последние несколько лет страна стала хозяйкой таких международных спортивных мероприятий, как Универсиады в Казани в 2013 г., зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, чемпионата мира по хоккею 2016 г. и чемпионата мира по футболу 2018 г. [19, p. 20]

Стоит отметить, что один из ведущих аналитических центров Европы – испанский Королевский институт Элькано (*Real Instituto Elcano*) достаточно высоко оценивал потенциал российской “мягкой силы”. В 2020 г. страна заняла 7-е место по эффективности “мягкой силы” среди 140 стран мира²².

Кроме того, в 2016 г. Россия была включена в авторитетный рейтинг, составляемый командой экспертов PR-агентства *Portland* во главе с Дж. Макклори, *Soft Power 30* (существует с 2015 г.) и заняла там 27 место из 30. Данный факт был воспринят в России как успех. Однако динамика для России неутешительна. По результатам последнего исследования (2019 г.), Россия опустилась на 30-е место, показав худший с 2016 г. результат в рейтинге *Soft Power 30*. *Portland* объясняет ухудшение позиций страны сохраняющимся негативным восприятием России в мире.

На наш взгляд, культура, спорт, язык, образование являются неотъемлемыми атрибутами политики “мягкой силы” России. Во многом именно благодаря им страна занимает высокие места в международных рейтингах. Однако характерная для России чрезмерная заикленность на культуре и недостаточное внимание к двум другим составляющим “мягкой силы” (политическим ценностям и внешней политике) ведет к ухудшению позиций России в контексте мягкосилового воздействия и препятствует созданию максимально позитивного имиджа страны.

“МЯГКАЯ СИЛА” И ПАНДЕМИЯ COVID-19

Пандемия COVID-19, с которой в конце позапрошлого года столкнулся мир, не только кардинально изменила жизнь людей, но и внесла свои коррективы в политику “мягкой силы” государств. В связи с распространением новой коронавирусной инфекции резко сократилась студенческая академическая мобильность, были отменены международные спортивные мероприятия, конференции и т.д. Перед государствами встала необходимость переориентировать свое внимание на другие инструменты “мягкой силы”.

²¹ *Растет число зарубежных школ, желающих открыть “Русские уголки”*. Фонд “Русский мир”. 16.11.2016. [The Number of Foreign Schools which Want to Open “Russian Corners” Continues to Grow. ‘Russkiy Mir’ Foundation. 15.02.2016. (In Russ.)] Available at: <https://russkiymir.ru/news/216882/?ysclid=lav1lpjuxx223114144> (accessed 15.02.2021).

²² *The Elcano Global Presence Index*. 2020. Available at: <https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/ranking/iepg/global/2015/2013/ES,DE,CA,CN,JP,IT,NL,US,GB,FR,XBEU,KR,IN/US/0> (accessed 01.09.2021).

Одним из таких инструментов стала гуманитарная помощь, которую государства начали активно оказывать друг другу для борьбы с вирусом. Россия не осталась в стороне и за время пандемии предоставила помощь в форме поставок средств индивидуальной защиты, медицинского оборудования, медикаментов и т.д. более чем 32 странам в различных регионах мира²³.

Кроме того, большую роль в эпоху пандемии начала играть так называемая дипломатия вакцины. Участие в разработке программ по борьбе с пандемией и ликвидации ее негативных последствий стало важной составляющей повышения международного авторитета страны. Лаборатории многих стран приступили к исследованиям с целью разработки первой вакцины против коронавирусной инфекции. В России эту роль взял на себя Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи, и уже 11 августа 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил о регистрации первой в мире вакцины против COVID-19.

Тем не менее стоит отметить, что мировое сообщество неоднозначно отреагировало на эту новость. Если такие страны, как Индия, Бразилия и другие, проявили заинтересованность в российской вакцине, то страны Запада, напротив, заявили о своем недоверии к "Спутнику V", а затем и *Sputnik Light*. Разработчиков обвинили в небрежном обращении с данными клинических испытаний и сокрытии важной информации²⁴.

Однако в феврале 2021 г. авторитетный научный журнал *Lancet* опубликовал результаты третьей фазы клинических испытаний российской вакцины *Sputnik Light* и заявил, что его эффективность против заражения COVID-19 составила 91.6% [20]. Казалось бы, данные, опубликованные журналом *Lancet*, должны были способствовать большему доверию к российской вакцине, а сама вакцина против коронавирусной инфекции могла бы стать дополнительным инструментом "мягкой силы" страны. Тем не менее Россия, будучи первой страной, зарегистрировавшей вакцину от COVID-19, до сих пор так и не добилась официального одобрения "Спутника V" и *Sputnik Light* Всемирной организацией здравоохранения.

* * *

Концепт "мягкой силы" прочно закрепился в российском политическом дискурсе и стал его неотъемлемой частью. Страна смогла создать прочный институциональный механизм политики "мягкой силы", а также успешно использовать имеющийся у нее культурно-исторический потенциал. Все это сделало Россию одной из наиболее успешных стран в области политики "мягкой силы" и позволило занимать высокие места в авторитетных международных рейтингах. В последние годы, однако, страна заметно ухудшает свои позиции, а ее "мягкая сила" критикуется зарубежными и отечественными учеными и экспертами. Решить данную проблему, с одной стороны, может реформирование работы институтов "мягкой силы" страны. В настоящее время деятельность вовлеченных учреждений зачастую носит достаточно хаотичный характер. Отсутствие четкого разделения обязанностей между ведомствами минимизирует положительный эффект реализуемых ими программ и мероприятий. В этой связи инициатива создать в составе Министерства иностранных дел России департамент по вопросам "мягкой силы", который возьмет на себя функции стратегического планирования политики "мягкой силы" кажется вполне рациональной. При правильной организации работы удастся разработать более четкую систему координации работы учреждений, а также разграничить круг их ответственности.

²³ Как Россия помогает другим странам в борьбе с COVID. Кыргызтану тоже. *Sputnik*, 16.07.2020. [How Russia Helps Other Countries in the Fight against COVID. Kyrgyzstan as Well. *Sputnik*, 16.07.2020. (In Russ.)] Available at: <https://ru.sputnik.kg/20200716/russia-po-mosch-sng-borba-koronavirus-1049039428.html> (accessed 12.07.2022).

²⁴ Шакиров О., Петросян М., Соловьев Д. Гуманитарная помощь против коронавируса. Кому и как помогла Россия во время пандемии COVID-19? [Shakirov O., Petrosyan M., Solovyov D. Humanitarian Aid Against the Coronavirus. Who and How Did Russia Help During the COVID-19 Pandemic? (In Russ.)] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-pomosch-protiv-koronavirusa-komu-i-kak-pomogala-rossiya-vo-vremya-pandemii-covid-19> (accessed 10.03.2021).

Это поможет исключить дублирования функций и позволит извлечь максимальную выгоду из проводимых в рамках политики “мягкой силы” инициатив.

Говоря о “мягкой силе” России, нельзя игнорировать события, развернувшиеся 24 февраля 2022 г. на территории Украины. Российская специальная военная операция оказала негативное влияние на восприятии страны за рубежом, и в ближайшие годы страна очевидно столкнется с трудностями в попытке создать положительный и привлекательный международный имидж. Именно поэтому крайне важно не растерять наработанный потенциал и делать все возможное, чтобы строить работу в новых условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Lebedeva M.M. *Russian Public Diplomacy. From USSR to the Russian Federation*. London, Routledge, 2021. 78 p.
2. Неймарк М.А. *Геополитика “мягкой силы”: опыт России*. Москва, Дашков и К, 2021. 250 с. [Neymark M.A. *Geopolitics of ‘Soft Power’: Russia’s Experience*. Moscow, Dashkov and K, 2021. 250 p. (In Russ.)]
3. Velikaya A., Simons G., eds. *Russia’s Public Diplomacy. Evolution and Practice*. London, Palgrave Macmillan, 2020. 285 p.
4. Ведерникова М.И. Имидж России как фактор “мягкой силы” в международных отношениях (на примере имиджа России в ЕС). *Политика и общество*, 2018, № 1, сс. 35-43. [Vedernikova M.I. The Image of Russia as a Factor of ‘Soft Power’ in International Relations (On the Example of Russian Image in the EU). *Politics and Society*, 2018, no. 1, pp. 35-43. (In Russ.)] DOI: 10.7256/2454-0684.2018.1.22501
5. Ведерникова М.И. Гуманитарный образ России в Евросоюзе как пример использования “мягкой силы”. *Мировая политика*, 2016, № 1, сс. 55-60. [Vedernikova M.I. The Humanitarian Image of Russia in the European Union as an Example of the Use of ‘Soft Power’. *World Politics*, 2016, no. 1, pp. 55-60. (In Russ.)] DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-32
6. Ведерникова М.И. Объективные и субъективные факторы восприятия имиджа России в ЕС. *Вестник Российского университета дружбы народов, серия: Политология*, 2016, № 2, сс. 53-60. [Vedernikova M.I. Objective and Subjective Factors of Perception of Russia’s Image in the EU. *RUDN Review of International Relations, series: Politology*, 2016, no. 2, pp. 53-60. (In Russ.)] DOI: 10.22363/2313-1438-2016-2-53-60
7. Торкунов А.В. Образование как “мягкая сила” во внешней политике России. *Вестник МГИМО-Университета*, 2012, № 4, (25), сс. 85-93. [Torkunov A.V. Education as a ‘Soft Power’ in Russia’s Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*, 2012, no. 4 (25), pp. 85-93. (In Russ.)]
8. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал “мягкой силы” России. *Вестник МГИМО-Университета*, 2009, № 6, сс. 200-205. [Lebedeva M.M., Fort J. Higher Education as the Potential of Russia’s ‘Soft Power’. *MGIMO Review of International Relations*, 2009, no. 6, pp. 1-5. (In Russ.)] DOI: 10.24833/2071-8160-2009-6-9-200-205
9. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.
10. Наумов А.О. От Советского Союза к Российской Федерации: эволюция отечественной системы “мягкой силы” и публичной дипломатии. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, 2019, № 2, сс. 102-116. [Naumov A.O. From the Soviet Union to the Russian Federation: the Evolution of the Domestic “Soft Power” System and Public Diplomacy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2019, no. 2, pp. 102-116. (In Russ.)]
11. Karabeshkin L., Sergunin A. Understanding Russia’s Soft Power Strategy. *Political Studies Association*, 2015, vol. 35, no. 3-4, pp. 347-363. DOI: 10.1111/1467-9256.12109
12. Makarychev A., Sergunin A. The EU, Russia and Models of International Society in a Wider Europe. *Journal of Contemporary European Research*, vol. 9, no. 2, pp. 313-329. DOI: 10.30950/jcer.v9i2.506
13. Примаков Е.А. О “мягкой силе”, бренде президента и бессмысленной показухе. Российский совет по международным делам. 13.07.2020. [Primakov E. *About ‘Soft Power’, the President’s Brand and Window-Dressing*. Russian International Affairs Council. 13.07.2020. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-myagkoy-sile-brende-prezidenta-i-bessmyslennoy-pokazukhe/> (accessed 19.02.2021).
14. Примаков Е.А. “Мягкую силу” передают в другие руки. *Коммерсантъ*, 29.05.2020. [Primakov E. ‘Soft Power’ Is Being Transferred to Other Hands. *Kommersant*, 29.05.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4363346> (accessed 19.02.2021).
15. Примаков Е.А. Наша гуманитарная политика должна быть идеализирована. Российский совет по международным делам. 20.01.2020. [Primakov E. *Our Humanitarian Policy Should Be Idealized*. Russian International Affairs Council. 20.01.2020. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/nasha-gumanitarnaya-politika-dolzha-byt-ideologizirovana/> (accessed 19.02.2021).
16. Nye J. *Soft Power and Higher Education*. Available at: <https://library.educause.edu/-/media/files/library/2005/1/fp0502s-pdf.pdf> (accessed 18.08.2021).
17. Торкунов А.В. Образование как инструмент “мягкой силы” во внешней политике России. *Вестник МГИМО-Университета*, 2012, № 4, сс. 85-93. [Torkunov A.V. Education as a Tool of ‘Soft Power’ in Russia’s Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*, 2012, no. 4, pp. 85-93. (In Russ.)]

DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93

18. Slobodchikoff M.O. Roots of Russian Soft Power: Rethinking Russian National Identity. *Comparative Politics*, 2017, vol. 8, no. 2, pp. 24-25. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-19-36
19. Soares e Castro A. The 2018 FIFA World Cup: The Gains and Constraints of Russia's Soft Power of Attraction Through Football and Sports. *Public Diplomacy of Rising and Regional Powers*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 17-39.
20. Tukhvatulin A.I., Dolzhikova I.V., Shcheblyakov D.V., et al. An Open, Non-Randomised, Phase 1/2 Trial on the Safety, Tolerability, and Immunogenicity of Single-Dose Vaccine 'Sputnik Light' for Prevention of Coronavirus Infection in Healthy Adults. *The Lancet Regional Health. Europe*, 01.04.2021. Available at: [https://www.thelancet.com/journals/lanepi/article/PIIS2666-7762\(21\)00227-1/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanepi/article/PIIS2666-7762(21)00227-1/fulltext) (accessed 16.06.2021) DOI: 10.1016/j.lanepi.2021.100241

И ВНОВЬ – О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ КАПИТАЛЕ...

© РАШКОВСКИЙ Е.Б. (СОСТАВЛЕНИЕ), 2022

И вновь – о человеческом капитале... / Е.Б. Рашковский (составление). *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 2, сс. 76-82. DOI: 10.20542/afij-2022-2-76-82

DOI: 10.20542/afij-2022-2-76-82

УДК: 330.34.014.2

Обзор поступил в редакцию 19.01.2022.

После доработки 14.04.2022.

Принят к публикации 20.07.2022.

Статья представляет собой аналитический отчет об очередном заседании постоянно действующего межинститутского научного семинара Центра проблем развития и модернизации (ЦПРМ) ИМЭМО РАН “Современные проблемы развития”, посвященного общетеоретическим вопросам модернизации и развития, который состоялся 14 декабря 2021 г. Семинар проводил главный научный сотрудник ЦПРМ, д.и.н. Е.Б. Рашковский. С основным докладом “Роль человеческого капитала в системе факторов экономического роста развитых и развивающихся стран” выступил заведующий кафедрой международных экономических отношений Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор, д.э.н., член-корреспондент РАН В.А. Мельянцева. Участники семинара, сотрудники ИМЭМО РАН, а также ведущих российских научных и образовательных учреждений – Института востоковедения РАН, Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, МГИМО(У) МИД России и других, обсудили актуальную и мало разработанную применительно к условиям нынешнего мира проблематику роли человеческого капитала как основы всего комплекса постмодерн-развития. В ходе семинара была удостоверена не только важность экономико-математических подходов к этой проблематике, но и необходимость их введения в широкий контекст современного социогуманитарного знания. Более того, проблема государственной и общественной поддержки, сохранения и возрастания человеческого капитала была признана участниками семинара одной из приоритетных проблем современного развития как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Человеческий капитал признан одним из непреложных факторов, обеспечивающих как преемственность, так и перспективы всех комплексных процессов развития. Эрозия и/или утрата преемственности и грядущих возможностей человеческого капитала может грозить нынешнему миру тяжкими социально-экономическими, моральными и общекультурными последствиями. Обзор составлен Е.Б. Рашковским, д.и.н., г.н.с. Группы теоретических проблем модернизации Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН (euq.rashkov@gmail.com).

Ключевые слова: человеческий капитал, развитие, модернизация, демодернизация, постмодерн, экономико-математические методы, гуманитарное знание, ИМЭМО РАН, российская история, массовые миграции, государственность, культура.

HUMAN CAPITAL: DISCUSSING ONE MORE TIME

Received 19.01.2022. Revised 14.04.2022. Accepted 20.07.2022.

The article presents an analytical report concerning the latest session of a regular ongoing inter-institute scientific seminar ‘Modern Development Problems’ of IMEMO’s Center of Development

and Modernization Studies (CDMS), this one was dedicated to general theoretical questions in modernization and development and took place on December 14, 2021. The seminar was held by CDMS's principal researcher, Dr. Sci. (Hist.). Eugene B. RASHKOVSKY. Principal presentation called 'Human Capital's Role in Factor System of Economic Growth in Developed and Developing Countries' was given by the head of International Economic Relations Department of IAAS of MSU, Prof., Dr. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Vitaly A. MELYANTSEV. Those participating in the workshop – staff members of IMEMO along with Russia's leading scientific and educational institutions like Institute of Oriental Studies, Plekhanov Russian University of Economics, MGIMO and others – have discussed a relevant and overlooked in our times problem of human capital as a basis in postmodern development. During the seminar not only the importance of econometric approach to this problem was proved, but also a necessity of its introduction in a broader context of contemporary socio-humanistic knowledge. Furthermore, problems such as state and social support, preserving and increasing human capital were recognized as a priority in modern growth on national level, as well as regional and global ones. Human capital is acknowledged as one of essential factors ensuring both continuity and perspectives of every complex development processes. Erosion and/or loss of continuity and upcoming possibilities of human capital could threaten our world with severe socioeconomic, moral and cultural consequences. The review was prepared by Eugene B. RASHKOVSKY, Dr. Sci. (Hist.), Principal Researcher, Group of Theoretical Problems of Modernization, Center of Development and Modernization Studies (eug.rashkov@gmail.com).

Keywords: human capital, development, modernization, demodernization, postmodern, econometric methods, humanitarian knowledge, IMEMO, Russian history, mass migrations, statehood, culture.

14 декабря 2021 г. состоялось очередное заседание постоянно действующего семинара Центра проблем развития и модернизации (ЦПРМ) ИМЭМО РАН, посвященного проблематике модернизации и развития. Семинар проводится дважды в год и существует уже полтора десятка лет. Среди докладчиков и их оппонентов – ученые из России и из-за рубежа¹. В перспективе планируется более активное привлечение к сотрудничеству и ученых из российских регионов. Научным руководителем семинара является руководитель ЦПРМ д.и.н. Владимир Георгиевич Хорос. Модератором данного заседания выступил д.и.н., главный научный сотрудник ЦПРМ Евгений Борисович Рашковский.

В основу слушаний 14 декабря 2021 г. был положен доклад заведующего кафедрой международных экономических отношений Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, профессора, д.э.н., члена-корреспондента РАН Виталия Альбертовича Мельянцева "О роли человеческого капитала в системе факторов экономического роста развитых и развивающихся стран". В дискуссии по докладу выступили: д.э.н. А.В. Акимов (Институт востоковедения РАН), д.и.н. А.Г. Володин (ИМЭМО РАН), к.э.н. А.И. Ландабасо Ангуло (Российская академия народного хозяйства имени Г.В. Плеханова), д.и.н. Е.Б. Рашковский (ИМЭМО РАН), д.и.н. В.Г. Хорос (ИМЭМО РАН).

Переходя непосредственно к обзору семинара, хотелось бы в начале выделить его сквозную проблематику, а затем остановиться на конкретных выступлениях.

Человеческий капитал общества можно было бы определить как его творческий интеллектуально-духовный потенциал, воплощенный в конкретных его людях и в его конкретных человеческих группах и массивах, в его креативных практиках.

Человеческий капитал – не количественное, не стоимостное, но сугубо качественное измерение социоэкономической и культурой реальности, за которым стоят десятилетия

¹ Подробнее о межинститутском семинаре Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО см. на сайте Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений РАН: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=857&sem=485&pg=856&year=2021

и века собственно истории, истории экономики, научно-технической мысли и культуры. Речь идет не только о пресловутом “человеческом факторе”, но и о жизнедеятельности тех передовых социальных групп, которым свойственно не только сознательно закреплять многовековые наработки экономики, социальных отношений и культуры, но и вносить в эти наработки элементы тех творческих инноваций, без которых невозможно ни закрепление опытов прошлого, ни – тем более – движение вперед.

Если исходить из принципов понимания внутреннего облика этого драгоценного для любого из обществ и стран контингента людей, то бесполезно было бы обратиться к кругу идей “гуманистической психологии”, который – в опоре на европейскую экзистенциальную философию – был разработан американским психологом Абрахамом Харольдом Маслоу (1908–1960). Согласно масловской психологической “пирамиде потребностей”, с индивидуальной, равно как и общественной, креативностью связан тот немногочисленный в каждой нации человеческий контингент, который воссоединяет в себе сложный комплекс высших человеческих потребностей. Иерархию высших потребностей, или, по терминологии Маслоу, “потребностей саморазвития” (*self-actualization*) Маслоу представлял себе следующим образом:

- потребность в процессах познания,
- потребность в духовно-философских и эстетических исканиях,
- потребность в творческой самоотдаче как высшей среди человеческих потребностей [1]².

Разумеется, согласно Маслоу, эти высшие ярусы внутренней “пирамиды” человека (потребности саморазвития/самоотдачи) могут быть не линейно, но, скорее, диалектично связаны с потребностями более элементарного порядка (“потребностями нужды”): потребностями витального и социального выживания, самоограждения от реальных или мнимых страхов, внешнего признания окружающих и т.д. Но все это не снимает вопрос о качественном и безусловном своеобразии высших потребностей человека и человечества. Эта творческая самоотдача касается многих областей человеческой практики, будь то наука, технологии, философствование, религиозный опыт, искусство, общественное реформаторство. Ценность же масловской “пирамиды” отчасти и в том, что она подсказывает нам и идею внутренней, экзистенциальной взаимосвязи этих, казалось бы, несхожих форм творческого самопроявления человека.

* * *

После общего введения в проблематику дискуссии, позволю себе подробнее изложить некоторые мысли докладчика и его оппонентов.

Согласно подсчетам основного докладчика В.А. Мельянцева, доля инвестиций в человеческий капитал по миру в целом выросла с 1/10 от общей массы инвестиций в 1000–1800 гг. до 1/8 в 1800–1950 гг. и до 1/3 в 1950–2020 гг. Причем за последние семь десятков лет общая доля вложений в человеческий капитал составила 2/5 для высокоразвитых стран, а для стран развивающихся – 1/4. Вопрос же об источниках этих “человеческих инвестиций” (государство, бизнес, венчурные и благотворительные фонды, общественные организации, зарубежные вложения) остался открытым. Кроме того, не всегда, как указал докладчик, уясняется вопрос об эффективности этих самых “человеческих вложений” (*human inputs*), которые зависят не только от экономических, но и от множества иных факторов: географических, политических, социокультурных, институциональных³, юридических.

По мысли В.А. Мельянцева, интенсивность международных связей национальных экономик и компетентность и прозрачность экспортно-импортной политики

² Неслучайно российский философ К.М. Кантор (1922–2008) связывал эти высшие ярусы человеческого самоосуществления с Историей как таковой, но также, по необходимости, – и с историей массовой, с историей “социокультуры” [2].

³ Это в немалой степени касается и разнообразных институтов культуры, посредующих между интеллектуально-духовной активностью и обществом в целом [3].

властей играют немалую роль в эффективности и судьбах человеческого капитала конкретных стран. Так что институциональные структуры, общий культурный уровень, цивилизационные характеристики и область идейно-политических приоритетов и решений – все это имеет немаловажное значение в процессах развития. Или же – напротив – деградации. И все это сполна касается и судеб человеческого капитала.

Как тут не вспомнить великого Адама Смита, настаивавшего, что “богатство наций” определяется далеко не только характеристиками чисто материального порядка?

* * *

Сложно не только количественное отображение, но и попросту – понимание важной для нынешнего мира проблематики человеческого капитала. Любопытно обратиться к Индексу счастья, что был разработан ООН в 2012 г.⁴ Согласно *World Happiness Report* за 2021 г., Россия находится на 76 месте из 149, то есть ниже истерзанных братоубийственными войнами Сербии (48 место в индексе) или Боснии и Герцеговины (64), но зато впереди Таджикистана (78), КНР (84) и Бангладеш (101)⁵.

Но здесь – что ни цифра, что ни суждение – все вопрос на вопросе. Действительно, как сравнивать показатели “счастья” почти не ведающего о мире за пределами своей общины индейского горца из Анд с показателями носителя западно-христианской культуры, обреченного на вечную ревизию, на вечное переосмысление всех установлений жизни и мысли? Или же с нашей российской “достоевской” психологией, с нашими вечными (а подчас даже и оправданными) претензиями ко всему на свете?

Упоминание Достоевского в контексте разговора о человеческом капитале не случайно. Действительно, как, в каких противоречиях с мирами познания и творчества соотносятся состояния счастья и страдания? [4]. И какова в конкретных всемирно-исторических и страновых условиях “плата” за эти состояния в контекстах обступающих “социокультур”? И сами успехи творческой активности человека (если вспомнить труды отечественной школы популяционных генетиков – Н.К. Кольцова, Н.В. Тимофеева-Ресовского, Ф.Г. Добжанского, И.А. Раппопорта, В.П. Эфроимсона, Н.Н. Воронина) вовсе не плод одних лишь тепличных условий для творчества. Здесь, наряду с предпосылками биогенетического порядка, действуют и вызовы истории, и традиции культуры общения, и наличие хотя бы преследуемой и небольшой, но понимающей аудитории.

* * *

По мысли В.А. Мельянцева, сколь ни важны сугубо качественные цивилизационно-культурные подходы, от экономико-математического моделирования проблем человеческого капитала не уйти. Ибо не уйти от проблематики капиталовложений, инновационных преобразований, от общих задач демографической, технологической и экологической политики. Все это напрямую связано с судьбами Земли, где, по расчетам Организации Объединенных Наций, 15% населения недоедает, 13% – живут без чистой воды, 70% не имеют выхода в интернет, 17% – неграмотны и т.п. Таким образом, счет идет на миллиарды человеческих жизней⁶, на сотни тысяч людей, не вовлеченных в возможный контингент подлинного человеческого капитала.

⁴ Общий “рейтинг счастья” разрабатывается по шести страновым показателям: ВВП на душу населения; уровень социальной поддержки личности; средняя продолжительность жизни; свобода выбора человеком своих жизненных ориентиров; оценка личностью щедрости и великодушия окружающих; оценка ею уровня коррупции в стране.

⁵ Рейтинг стран мира по уровню счастья по версии Организации Объединенных Наций. 2021. [UNO World Happiness Rating. 2021. (In Russ.)] Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report> (accessed 02.01.2022).

⁶ Население Земли, 2021. [Global Population, 2021. (In Russ.)] Available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2022_global_population_growth.pdf (accessed 16.12.2021).

В ходе возникшей дискуссии участниками семинара был высказан ряд соображений.

А.В. Акимов, давший высокую оценку докладу, отметил, что за последние полтора десятка лет наши оценки и прогнозы по части мировых судеб человеческого капитала стали куда менее оптимистичными. Сам научно-технологический процесс, с его “прогрессами” робототехники и компьютеризации, поощряя какую-то часть творческой молодежи, все же обесценивает мастерство и труд множества работников средней и высшей квалификации. И таково множество “подводных камней” не только экономики и технологии, но и нынешней истории как таковой. Что и может готовить нам весьма суровые сюрпризы.

В своем отклике на доклад В.А. Мельянцева экономист и политолог-испанец А.И. Ландабасо Ангуло высказал мысль, что проблематика изучения человеческого капитала существенно перерастает рамки чисто экономического и экономико-математического моделирования. По сути дела, это глубочайшая и актуальнейшая проблема социо-гуманитарного порядка: проблема самого существования “феномена человека” в условиях нынешнего глобального мира⁷.

А.Г. Володин отметил, что поднятая В.А. Мельянцевым проблематика проливает свет на неразрывную связь индивидуально-человеческих и массовых процессов не только в истории науки, технологии и экономики, но и Большой Истории как таковой.

Присоединяясь к высокой оценке доклада и всего хода последующей дискуссии, В.Г. Хорос обратил внимание на важность цивилизационных наследий различных регионов и диаспор Земли в складывании человеческого капитала. Дело не только в трудовом этосе и традициях трудолюбия. Сюда относятся такие ценности, как отношение к знанию, уровень социальной дисциплины, семейные традиции, связка “учитель–ученик”, религиозные санкции труда и творчества.

Далее В.Г. Хорос коснулся двух непреложных факторов состояния человеческого капитала в разных регионах мира.

Первый из них – фактор дифференциации человеческого капитала. Она существовала всегда. Рабочий по своей компетенции едва ли сравним с инженером. Но сейчас дифференциация углубляется, и растет контраст между “высоколобыми” спецами по хай-теку – и массой представителей вполне рутинных рабочих функций, даже сидящих за компьютерами. С этим связана набирающая темп тенденция размывания среднего класса, “элитизация” труда, с одной стороны, и примитивизация – с другой. Что имеет далеко идущие социальные, политические и культурные последствия.

Фактор второй – присвоение человеческого капитала и его достижений. Джеймс Уатт и ему подобные не были хозяевами своих изобретений, хотя и были исключения типа Томаса Эдисона⁸. Плоды научно-технического прогресса оказываются в руках других – распорядителей собственности и власти. Ныне эта закономерность особенно очевидна и ведет к тревожным последствиям: попыткам узкой управленческой и денежной элиты в страновом и глобальном масштабе использовать достижения мысли и практики для радикального переформатирования всего комплекса общественной жизни – для тотального контроля над подавляющим большинством населения в своих целях и к собственной выгоде.

Е.Б. Рашковский остановился в этой связи на некоторых трагических чертах отечественной истории позапрошлого, прошлого и первых декад нынешнего столетия: на разрушительной роли казенного антиинтеллектуализма и “народопоклонства”

⁷ Свой развернутый отчет о нашей дискуссии А.И. Ландабасо Ангуло опубликовал в интернете день спустя (15.12.2021) [5].

⁸ Аналог из современной жизни – Илон Маск, сочетающий в своей деятельности черты научно-технического мыслителя и успешного бизнесмена. Российский пример на сей счет – погибший при загадочных обстоятельствах офтальмолог Святослав Николаевич Федоров (1927–2000).

(термин, введенный величайшим из наших философов – В.С. Соловьевым и означающий заискивание пред культурными низами и, стало быть, презрение к креативной части народа). Это характерно и для самодержавно-бюрократической реакции последних двух царствований, и для казенного “атео-материализма” (термин прот. Георгия Флоровского) советской эпохи⁹, и для постсоветской “силовой” олигархии.

Завершая дискуссию, В.А. Мельянцева отметил, что одно из центральных и многозначных противоречий нашей эпохи связано с несогласованностью равно важных для общества и истории (и, по существу, взаимосвязанных в современную эпоху) императивов экономической эффективности, общественного равенства и личной творческой свободы.

* * *

Подводя некоторые итоги сказанному, замечу, что по убеждению участников семинара (включая и докладчика, и дискутировавших), проблематика человеческого капитала в социо-экономических, технологических и общественных процессах едва ли поддается адекватному исчислению и моделированию. Тем не менее введение в общий строй исследований серьезных математических моделей и расчетов по части длительности жизни и доходов населения стран и регионов, показателей капиталовложений и компьютеризации, массовых миграций [7], показателей межрегиональных и глобальных связей, экологической ситуации, торговли, образования, питания, здравоохранения – все это образует в современную эпоху непреложный контекст не только для осмысления проблем человеческого капитала, но и шире – самого человеческого существования. Именно при таком широком взгляде становится понятной необходимость количественных и логико-математических исследований в науках социогуманитарного круга. Тем паче, что очерченные выше проблемы ни в коей мере не теряют своей междисциплинарной и глобальной гуманитарной специфики, требуя привлечения к дальнейшим разработкам трудов экономистов, политологов, географов, психологов, историков, науковедов, правоведов, философов, теологов и др.

Ибо современный научно-технический прогресс и развитие глобальных интеллектуальных связей определяет собой весь этот разветвленный комплекс понимания человеческих судеб и проблем.

Однако проблематика современного прогресса (и соответственно – технологических претензий на прогресс) налагает свой особый и тревожный отпечаток на весь этот комплекс. В последние десятилетия – как это отмечалось в ходе семинара – особо заметно вымывание из всего комплекса мировых экономических и технологических отношений огромных человеческих массивов, в том числе и людей средней, а зачастую – и выше средней квалификации. Но все это означает и оскудение культурной памяти, а с нею – и моральных стандартов общества.

Отсюда – и характерные антидемократические тенденции в сегодняшнем мире: возрастание властных и цинично-расточительных притязаний “верхов” и вящее отчуждение и духовная люмпенизация среди “низов”. Модернизация, особенно в поверхностных ее формах, подчас оборачивается демодернизацией/архаизацией огромных человеческих масс и общества в целом¹⁰.

В завершении аналитического отчета хотелось бы сказать, что несмотря на некоторые частные концептуальные расхождения среди выступавших на семинаре, сам он прошел в обстановке исключительной корректности и дружелюбия. Само понятие человеческого капитала (равно как и сложность его трактовок) оказалось в такой обстановке вещью актуальной, проявленной и оправданной.

⁹ Бесценный документальный сборник на сей счет – [6].

¹⁰ В отечественной литературе целый свод монографий на сей счет (Н.В. Мотрошиловой, А.П. Пелипенко, В.М. Хачатурян, И.Г. Яковенко и др.). Эта же проблема разрабатывалась и во многих статьях автора настоящей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Маслоу А.Х. *Мотивация и личность*. Санкт-Петербург, Евразия, 2001. 479 с. [Maslow A.H. *Motivation and Personality*. St. Petersburg, Eurasia, 2001. 479 p. (In Russ.)]
2. Кантор К.М. *Тринадцатый апостол (книга о Маяковском)*. Москва, Прогресс-Традиция, 2008. 368 с. [Kantor K.M. *Thirteenth Apostle: on Mayakovsky*. Moscow, Progress-Traditsia, 2008. 368 p. (In Russ.)]
3. Рашковская К.А., Рашковский Е.Б. Институты культуры в общественной и духовной динамике нашего времени. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 1, сс. 114-122. [Rashkovskaya K.A., Rashkovsky E.B. Institutions of Culture in Contemporary Social and Spiritual Dynamics. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 114-122. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-114-122
4. Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва, Советский писатель, 1963. 362 с. [Bakhtin M.M. *Problems of Dostoyevsky's Poetics*. Moscow, Sovetskii pisatel', 1963. 363 p. (In Russ.)]
5. Ландабасо Ангуло А.И. Человеческий капитал против мировой экономики? *Вести*, 15.12.2021. [Landabaso Angulo A.I. Human Capital against the World Economy? *Vesti*, 15.12.2021. (In Russ.)] Available at: <http://www.e-vesti.ru/ru/chelovecheskij-kapital-protiv-mirovoj-ekonomiki/> (accessed 16.12.2021).
6. Эльдарова И.К., Федюкин С.А., ред. В.И. Ленин, КПСС об интеллигенции. Москва, Политиздат, 1979. 295 с. [Eldarova I.K., Fedyukin S.A., eds. *V.I. Lenin, CPSU on Intelligentsia*. Moscow, Politizdat, 1979. 295 p. (In Russ.)]
7. Рашковский Б.Е., Рашковский Е.Б. Диаспоры в архитектонике меняющегося мира. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 11, сс. 108-115. [Rashkovsky B.E., Rashkovsky E.B. Diasporas in the Changing World's Architectonics. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 11, pp. 108-115. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-108-115

АФГАНСКИЙ КРИЗИС БУДУЩЕГО БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

© ЖУРАВЛЕВА В.Ю., ИБРАГИМОВ И.Э. (СОСТАВЛЕНИЕ), 2022

Афганский кризис	будущего	Большого	Ближнего	Востока	/ В.Ю.Журавлева,
И.Э. Ибрагимов	(составление).	Анализ	и	прогноз.	Журнал
ИМЭМО РАН,	2022,	№ 2,	сс.	83-97.	DOI: 10.20542/afij-2022-2-83-97

DOI: 10.20542/afij-2022-2-83-97

УДК: 327(581)

Обзор поступил в редакцию 24.12.2021.

После доработки 01.07.2022.

Принят к публикации 20.07.2022.

20 октября 2021 г. в ИМЭМО РАН прошел круглый стол, посвященный кризису в Афганистане. В обсуждении приняли участие сотрудники Центра североамериканских исследований и Лаборатории "Центр ближневосточных исследований".

В обзоре по итогам круглого стола были проанализированы ключевые вопросы, связанные с афганским кризисом. В первую очередь, пересмотр подхода к этой проблематике со стороны региональных держав, имеющих разногласия и противоречия между собой. Кроме того, особое внимание уделено изменению политики США в регионе и последствиям вывода американских войск из Афганистана. В статье также поднимаются вопросы легитимности "Талибана" и анализ внутренней ситуации в стране на данном этапе. Рассмотрены позиции и интересы со стороны как основных участников – США, Афганистана, так и стран региона, так или иначе вовлеченных в нее, – Турции, Ирана, Израиля и арабских государств. Подчеркивается, что афганский кризис создал новую ситуацию в региональном масштабе и бросает серьезный вызов международному сообществу, прежде всего ростом террористической угрозы, социально-экономическим кризисом в Афганистане и обострением миграционного кризиса.

Основными докладчиками выступили ст. лаборант-исследователь Лаборатории ЦБВИ Белков Е.А., м.н.с. Лаборатории ЦБВИ Богачева А.С., ст. лаборант-исследователь Лаборатории ЦБВИ Зимин И.А., к.полит.н., с.н.с. ЦСАИ Давыдов А.А., м.н.с. Лаборатории ЦБВИ Лазовский С.О., м.н.с. Лаборатории ЦБВИ Ибрагимов И.Э., м.н.с. Лаборатории ЦБВИ Самарская Л.М., к.и.н., ст.н.с. Лаборатории ЦБВИ Свистунова И.А., к.полит.н., н.с. Тюкаева Т.И. Обзор основных выводов дискуссии подготовлен к.полит.н., руководителем ЦСАИ Журавлевой В.Ю. (zhvika@imemo.ru, ORCID: 0000-0003-1911-625X) и м.н.с. Лаборатории ЦБВИ Ибрагимовым И.Э. (ibragimov7_93@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9669-4243).

Ключевые слова: афганский кризис, вывод американских войск из Афганистана, изменение баланса сил в регионе Большого Ближнего Востока, "Талибан" (запрещенная в Российской Федерации террористическая организация), экономический кризис, религиозный радикализм.

THE AFGHAN CRISIS OF THE FUTURE GREATER MIDDLE EAST

Received 24.12.2021. Revised 01.08.2022. Accepted 20.07.2022.

On October 20, 2021 the round table devoted to the crisis in Afghanistan was held at the IMEMO. Participants of the discussion were staff members the Center for North American Studies and the Laboratory 'Center for the Middle East Studies'.

Presented review, based on that round table, analyzes the key issues related to the current Afghan crisis. First of all, the revision of the approach to this problem by regional powers that have disagreements and contradictions between themselves. Moreover, special attention is paid to the changes of the US policy in the region and the consequences of the withdrawal of American troops from Afghanistan. Also, the article brings up questions regarding Taliban's legitimacy and analyzes situation within the country at this stage. The views and interests were considered from various standpoints: as perceived by the main participants – the United States of America, Afghanistan, and the Middle Eastern countries involved one way or another – Turkey, Iran, Israel and the Arab states. The authors emphasize the fact that the Afghan crisis has created a new situation on a regional scale and a serious challenge for the international community primarily by the growth of the terrorist threat, the socio-economic crisis in Afghanistan and the escalation of the migration crisis.

The main presenters were as follows: BELKOV Evgeny A., BOGACHEVA Anastasia S., DAVYDOV Alexey A., ZIMIN Ilya A., IBRAGIMOV Ibragim E., LAZOVSKY Stanislav O., SAMARSKAIA Liudmila M., SVISTUNOVA Irina A., TYUKAEVA Tatiana I. The review of the main conclusions made upon discussion was prepared by ZHURAVLEVA Victoria Y., Cand. Sci. (Polit.), Head of Center of the North American Studies, IMEMO (zhvika@imemo.ru) ORCID: 0000-0003-1911-625X) and IBRAGIMOV Ibragim E., junior researcher of the Laboratory 'Center of the Middle East Studies' (ibragim07_93@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9669-4243).

Keywords: *Afghan crisis, withdrawal of American troops from Afghanistan, change in the balance of power in the region, Taliban (banned in Russia terrorist organization), economic crisis, religious radicalism.*

Вывод вооруженных сил США и их североатлантических союзников из Афганистана стал рубежным событием не только регионального, но и глобального масштаба. Несмотря на значительную предсказуемость и неизбежность окончания пребывания военного контингента натовской миссии "Решительная поддержка", скорость и качество развернувшихся последствий оказались шоком для большинства участников и наблюдателей процесса. Стремительное бегство из страны официального правительства Кабула, приход к власти "Талибана" (запрещенной в Российской Федерации террористической организации), заморозка западной помощи Афганистану, коллапс экономических связей – вот та череда событий, которые за какие-то несколько месяцев изменили региональные и глобальные отношения.

В новый этап своей истории Афганистан вступил в состоянии тяжелейшего экономического и политического кризиса. Прекращение иностранного военного присутствия обернулось обострением и без того тяжелой гуманитарной ситуации. Укрепление определенной политической независимости в то же время привело к проблеме признания новых властей как внутри страны, так и за ее пределами.

Параллельно эти события могут открыть новый этап и для других участников международного сообщества. Для США выход из зоны "АфПак" стал далеко не только избавлением от бремени "ненужной" войны. Афганистан стал первой и последней страной еще недавно существовавшего в стратегии Вашингтона плана демократизации Большого Ближнего Востока, в котором эта страна должна была стать "плацдармом" для дальнейшего продвижения американского влияния в глубь мусульманского мира. Провал этих замыслов и возросшее за последние годы обострение международного противостояния Вашингтона с Москвой и Пекином рискуют превратить Афганистан в

территорию раздора крупных держав и экспансии совершенно иных идей – не западных либеральных просветителей, а радикальных террористических организаций.

Назревание подобных тенденций в условиях отсутствия международно-политического консенсуса по афганской проблеме актуализировало ряд вопросов. Насколько за прекращением военного конфликта последует и окончание вызванного им международно-политического кризиса? Какие долгосрочные тенденции развития на транснациональном политическом пространстве Большого Ближнего Востока могут вызвать события 2021 г.? Для ответа на них участники дискуссии рассматривали “афганский вопрос” через призму его восприятия в обновленных стратегических подходах Соединенных Штатов к региону и реакции основных сил регионального политического пространства.

АФГАНИСТАН ПОСЛЕ ВЫВОДА АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК

Американцы, поспешно покинув Афганистан, оставили страну под контролем “Талибана” в крайне тяжелом социально-экономическом положении. По официальным данным ООН, гуманитарная ситуация в Афганистане в первые месяцы после ухода США была катастрофической. Около 75% бюджета страны при павшем режиме пополнялось за счет иностранных грантов и пожертвований. После взятия Кабула талибами государственные счета Афганистана в американских банках были заморожены. Индия, как крупнейший инвестор в экономику доталибского Афганистана, не планирует финансировать новое правительство. Международный валютный фонд и Всемирный банк также приостановили свои денежные дотации.

Одна из главных проблем, с которой столкнулась экономика Афганистана, – это нехватка наличности, в том числе иностранной валюты, которую поставляли в страну американцы. Банки выдавали ее с лимитом 20 тыс. афгани (около 200 долл. США) в неделю. Военный переворот в стране обвалил курс национальной валюты до исторического минимума. На улицах крупных городов стояли огромные очереди в банки, так как афганцы опасались, что талибы введут новые ограничения, либо полный запрет на снятие наличных. Некоторые банки прекратили выдачу денег в первый же месяц.

Отсутствие денег заставило многих афганцев продавать личные вещи и домашнюю утварь за бесценок и даже возобновить практику продажи собственных детей.

Все продукты и товары первой необходимости многократно возросли в цене, а около трети населения недоедает. Все это в условиях продолжающейся пандемии COVID-19. Около 90% населения страны живут менее чем на 2 долл. США в день. По данным Всемирного банка, 55% населения Афганистана находится за чертой бедности¹.

В связи с этим, а также нехваткой товаров первой необходимости стране грозит голод, а уровень бедности может достигнуть рекордных 97%. Наиболее быстро нищает городское население, сильнее зависимое от состояния банковского сектора и оборота денег в экономике. Однако жизнь сельского населения также не отличается особым благополучием. Если урожайность двух последних лет была относительно неплохой, то в 2021 г. Афганистан столкнулся с серьезной засухой, последствия которой страна пока не смогла преодолеть ввиду перехода власти к талибам, влияния пандемии, а также общей разрухи системы водоснабжения в стране, наблюдающейся еще с 1990-х годов. Традиционно урожайность более половины возделываемых земель в Афганистане зависит от количества осадков, выпавших весной, так как большинство их являются богарными, то есть не имеют искусственного орошения при чрезвычайно засушливом климате. Из-за глобальных климатических перемен количество осадков существенно снизилось за последние два десятилетия. Средством борьбы с засухой с древних времен в стране была система подземных каналов кяризов, но сегодня она находится в полуразрушенном состоянии.

¹ Poverty Headcount Ratio at National Poverty Lines (% of population) – Afghanistan. 2021. World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC> (accessed 10.11.2021).

Последняя масштабная засуха, при которой погибла половина злаковых посевов и садов, случившаяся в конце XX в., при предыдущем правлении “Талибана”, стоила ООН 230 млн долл. США по продовольственной программе 2001 г. Только эта финансовая помощь смогла спасти 6 млн человек от угрозы голодной смерти. На сегодняшний день пока такой масштабной помощи Афганистану со стороны международного сообщества запланировано не было.

Чтобы запустить экономику, талибы призвали бывших служащих вернуться на работу в государственные органы, а также в жизненно важные для экономики страны отрасли – банковский сектор, сферу образования и здравоохранения, авиацию и др. Однако многие квалифицированные специалисты уже успели покинуть страну. Работа же остальных, судя по всему, носит частично безвозмездный характер: одновременно органы ООН начали выплаты работникам социальной сферы в обход талибов.

Тяжелая социально-экономическая ситуация привела к росту внутренних беженцев в Афганистане: их число составляет около 5 млн человек². К середине осени 2021 г. общая сумма обещанных пожертвований для Афганистана, в том числе со стороны Европейского союза, составила 1.2 млрд долл.³ В числе первых гуманитарную помощь Афганистану оказали такие страны как ОАЭ, Пакистан, Узбекистан, Бахрейн, Индия.

Как новые власти будут справляться с этими вызовами, покажут события ближайшего времени. Пока сложно сказать, есть ли у нынешнего талибского правительства конкретный антикризисный план. Положение рядовых граждан будет зависеть от того, насколько быстро иностранная помощь будет фактически доставлена в Афганистан. Особенно это касается продовольственной безопасности.

Внешняя помощь в свою очередь во многом обусловлена тем, какую политику будет проводить “Талибан”, контролирующей страну. Однако в первые месяцы наблюдатели получали противоречивые сигналы.

Прежде всего, внутри движения “Талибан” (ДТ) сосуществуют две группы: радикалы и прагматики. Радикалы стоят на жестких шариатских позициях и по своему *modus operandi* вряд ли будут чем-то отличаться от своих предшественников из 1990-х годов. Именно их радикальных мер, которых накопилось немало уже за месяцы после вывода американских войск (вооруженный разгон демонстраций, в том числе женских, осквернение мавзолея Ахмада Шаха Масуда⁴, казни сторонников Фронта национального спасения Афганистана (ФНСА)⁵ и др.), боится рядовое население – как те, кто не застал эпоху правления “Талибана” в 1996–2001 гг., так и те, кто пережили эпоху Исламского эмирата.

Считается, что условным лидером радикалов является руководитель “Сети Хаккани” Сираджуддин Хаккани⁶, давний союзник талибов. Сторонники “Сети Хаккани” получают активную поддержку из Пакистана и являются проводниками его влияния [1]. Логично также предположить, что представители “Сети Хаккани” разделяют международную

² СМИ: в результате конфликта в Афганистане 5 млн человек стали внутренними беженцами. Tass, 30.09.2021. [As a Result of the Conflict in Afghanistan, 5 Million People Have Become Internal Refugees. TASS, 30.09.2021. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12541099> (accessed 10.11.2021).

³ Итоговый размер обещанной Афганистану гуманитарной помощи составил \$1,2 млрд. Sputnik Афганистан, 13.09.2021. [The Total Amount of Humanitarian Aid Promised to Afghanistan Amounted to \$1.2 Billion. Sputnik Afghanistan, 13.09.2021. (In Russ.)] Available at: <https://t.me/sputnikaf/3983> (accessed 10.11.2021).

⁴ “Ложь и пропаганда”: что на самом деле происходит с могилой Ахмад Шаха Масуда. Sputnik Таджикистан, 13.09.2021. [Lie and Propaganda. What is Actually Happening to the Ahmad Shah Massoud's tomb? Sputnik Tajikistan, 13.09.2021. (In Russ.)] Available at: <https://tj.sputniknews.ru/20210913/ahmad-shah-massoud-taliban-mogila-1042240287.html> (accessed 18.07.2022).

⁵ Taliban Forces Kill Four NRF Members in Afghanistan's Tagab. The Statesman. 02.06.2022. Available at: <https://www.thestatesman.com/world/taliban-forces-kill-four-nrf-members-afghanistans-tagab-1503077379.html> (accessed 18.07.2022).

⁶ Sirajuddin Haqqani, Afghanistan Cabinet Member, Wanted by FBI, \$10 Million Reward Offered. Newsweek, 07.09.2021. Available at: <https://www.newsweek.com/sirajuddin-haqqani-afghanistan-cabinet-member-wanted-fbi-10-million-reward-offered-1626785> (accessed 10.11.2021).

джихадистскую повестку, в чем пользуются поддержкой пакистанцев, внимание же “прагматиков” традиционно приковано к “национальным интересам”.

Если прагматики во многом готовы пойти на уступки Западу в обмен на разморозку финансовых активов бывшего афганского правительства и передачу непосредственно финансовой и гуманитарной помощи, то радикалы собирают членов семей шахидов и благодарят за теракты их родственников-смертников. Радикальное крыло в принципе олицетворяется с низовыми уровнями движения – рядовыми бойцами. В то время как прагматики – это скорее те официальные лица “Талибана”, которые представляли движение мировому сообществу еще с начала активного переговорного процесса по Афганистану в 2018 г.

Однако в идейном плане маловероятно, что между прагматиками и радикалами существуют неразрешимые противоречия. Официальные лица могут делать заявления о правах человека, женщин, инклюзивном правительстве и создавать красивую картинку для интернета и остального мира, в реальности же при их попустительстве происходят авиаудары по своим же согражданам, а население наказывается палками за нарушение шариата и выселяется из домов.

Очевидно, что два крыла находятся и всегда находились в тесной связи и зависимости друг от друга. Разрозненные отряды рядовых бойцов из низов вряд ли смогли бы достичь большего, чем доминирование в сельской местности (хотя это более половины территорий страны), не запустили официальные представители “Талибана” в Катаре активный переговорный процесс с американцами в 2018 г. с привлечением международной общественности. Также и руководство движения вряд ли бы добилось всей полноты власти, не будь у него огромной массы вооруженных боевиков. Однако чье влияние окажется сильнее сегодня, когда вся власть в стране принадлежит только им и нет никакой внешней силы, которая бы хоть как-то регулировала происходящее, оценить пока сложно.

ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ АФГАНИСТАНА

Немаловажное значение как для дальнейшего развития ситуации в регионе, так и для оказания внешней помощи Афганистану имеет развитие военного потенциала “Талибана” и его отношений с международными террористическими организациями.

После ухода США из Афганистана талибам досталось много современного оружия и боеприпасов: танки, бронетранспортеры, бронеавтомобили, реактивные системы залпового огня (РСЗО), гаубицы, минометы, переносные зенитные ракетные комплексы (ПЗРК), легкие штурмовики, транспортные самолеты, вертолеты советского и американского производства, малые беспилотники, средства связи, приборы ночного видения, не говоря уже о стрелковом оружии и боеприпасах к нему. По мнению экспертов, сейчас “Талибан” – самая обеспеченная и технологически оснащенная террористическая организация. Большая часть вооружения досталась ей от бывшей афганской армии. Теперь перед талибами стоит сложная задача – обучить личный состав обращению со всем многообразием вооружения. Руководство движения заявило о намерении создать новые вооруженные силы, вступить в которые будет предложено также и военнослужащим бывшей правительственной армии. И это не случайно, ведь последних тренировали специалисты НАТО, поэтому предполагается, что они должны уметь пользоваться доставшимся им оружием. Основной проблемой станут пилоты, дефицит которых ощущался еще в республиканской армии. Подобных специалистов в Афганистане не осталось после того, как многие из них покинули страну вместе с техникой вслед за выводом международных сил и стремительным наступлением талибов в августе 2021 г. Например, только в соседний Узбекистан прибыли 22 военных самолета, 24 вертолета и сотни афганских солдат⁷. По информации МИД Узбекистана, все оказавшиеся на

⁷ Uzbekistan Says Hundreds of Afghan Soldiers Flee over Border with Dozens of Aircraft. Reuters, 16.08.2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/uzbekistan-says-hundreds-afghan-soldiers-flee-over-border-with-dozens-aircraft-2021-08-16/#:~:text=TASH-KENT%2C%20Aug%2016%20%28Reuters%29%20-%20Hundreds%20of%20Afghan,causing%20both%20to%20crash%2C%20Uzbekistan%20said%20on%20Monday> (accessed 01.11.2021).

территории страны афганские военнослужащие были впоследствии высланы за ее пределы, однако неизвестно, в каком направлении. Вряд ли они вернулись в Афганистан и уж тем более для вступления в состав новой армии “Талибана”.

Некоторые эксперты высказывают предположения, что при отсутствии обученных военных специалистов, талибам проще продать оружие или отправить в качестве военной помощи своим сторонникам и союзникам из числа исламских радикальных движений и режимов. Так, военно-политический обозреватель и советник министра внутренней безопасности Израиля Алекс Векслер, комментируя отказ талибов сотрудничать с еврейским государством, высказал мнение о том, что опосредованный контакт Израиля с талибами может произойти на фоне активизации связей представителей движения “Талибан” с представителями движения ХАМАС. По его словам, Израиль ожидает, что скоро талибы могут начать поставки вооружений представителям ХАМАС. Неудивительно, что у талибов может возникнуть такое желание, учитывая огромное количество избыточного оружия, оказавшегося у них в руках⁸, многие образцы которого они попросту не способны использовать.

По поводу угрозы роста исламизма в Средней Азии и опасности вторжения талибов нет единого мнения. Представляется, что первое значительно вероятнее и уже в некотором смысле проявилось на практике. После триумфального взятия Кабула и прихода к власти талибам посыпались поздравления многих исламистских и националистических организаций. Те явно вдохновились победой движения. Сейчас приход талибов может иметь значительные последствия именно в психологическом и идеологическом плане, воодушевив боевиков в других странах Большого Ближнего Востока на активные действия. Тем не менее в своих официальных заявлениях “Талибан” пообещал отказаться от поддержки террористических организаций и движений на территории других государств, поэтому какая-либо публичная поддержка других организаций со стороны движения маловероятна. Что же будет происходить неофициально, на уровне полевых командиров, можно только догадываться.

Также маловероятно вооруженное вторжение талибов на территорию среднеазиатских стран, так как военное вторжение навсегда исключит возможность признания талибов международным сообществом и лишит его финансовой и гуманитарной поддержки, что на данном этапе противоречит интересам новой власти. Сейчас талибы всячески пытаются заручиться поддержкой своих северных соседей, через которых можно попытаться добиться международного признания, создав приемлемую для обеих сторон систему взаимодействия в регионе Центральной Азии.

При этом движение “Талибан” остается не единственной политической и военной силой на территории Афганистана. Радикализация внутри страны и в центральноазиатском регионе в целом с учетом имеющегося в стране объема вооружения, может произойти вследствие неспособности талибов полностью контролировать безопасность в стране. Примеры такой слабости уже довольно многочисленны, начиная с теракта в аэропорту Кабула во время вывода американских войск и заканчивая серией терактов, произошедших осенью, целью которых стало как мирное население, так и члены “Талибана”.

Основным соперником талибов в Афганистане на данный момент считается ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), а точнее его местное ответвление – “ИГИЛ в Хорасане”⁹. Между двумя террористическими группировками изначально имелись принципиальные различия. Если талибы являются приверженцами консервативной аскетичной ветви ханафитов, принадлежащей суннитскому течению в исламе, которое исповедует большинство жителей Афганистана, то ИГИЛ – это ваххабиты, которые нетерпимо относятся к любым другим религиозным течениям, считая их неверными и

⁸ Израиль и Афганистан категорически отвергли возможность дипломатических отношений. *Сетевое издание “Южный федеральный”*, 09.09.2021. [Israel and Afghanistan Have Categorically Rejected the Possibility of Diplomatic Relations. *Setevoe izdanie ‘Yuzhnyi federal’nyi’*, 09.09.2021. (In Russ.)] Available at: <https://u-f.ru/news/politics/u25360/2021/09/09/322508> (accessed 01.11.2021).

⁹ Хорасаном в Иране называются три провинции (остана), однако исторически этот регион охватывает значительно большие территории, куда входят северо-восточная часть Ирана, вся территория Афганистана, южные части Туркменистана, Узбекистана, западный Таджикистан. Боевики ИГИЛ-Хорасан ставят своей целью захват этих территорий.

раскольниками. Соответственно даже вопрос о шариатском правлении трактуется этими двумя группировками по-разному. Также, если “Талибан”, продолжая многовековую традицию сопротивления иностранным оккупантам, выступает в роли национально-освободительного движения, то ИГИЛ, состоящий по большей части из иностранных наемников, представляется скорее оккупантом в глазах афганского населения. Отличаются и политические цели организаций. Талибам нужен полный контроль над своей страной, а ИГИЛ стремится к созданию международного халифата, не принимая во внимание национальный фактор.

По данным ООН, ядро ИГИЛ-Хорасан составляют террористы из Сирии и Ирака, которые стали основателями и руководящим звеном организации. Кроме того, часть боевиков-наемников прибывает из Пакистана, а также из Узбекистана. В последнем активна террористическая организация Исламское движение Узбекистана, некоторые боевики которой перешли в ИГИЛ-Хорасан. Большую часть организации составляет местное пуштунское и непустунское население. Причем разные бандформирования ИГИЛ могут состоять преимущественно из одного этнического элемента. Например, группа, в которой большинство узбеки или пуштуны. Также известно, что большое количество боевиков ИГИЛ – это бывшие талибы.

Талибы стремятся дистанцироваться от ИГИЛ, показывая миру, что их вариант правления более цивилизованный, приемлемый для современности. Однако это не всегда удается, учитывая степень “цивилизованности” их собственных методов работы с населением и борьбы с противником.

Еще одной террористической организацией, в связях с которой обвиняют талибов, является Исламское движение Восточного Туркестана¹⁰. Однако талибы настаивают, что всех заподозренных в связях с движением высылают из Афганистана и “Талибан” его никак не поддерживает. Действительно, на текущий момент можно предположить, что талибам не выгодно рисковать потерей финансовой и гуманитарной поддержки Китая (потеря талибами финансовой и гуманитарной поддержки не связана с их приходом к власти, а только с поддержкой уйгурских боевиков – **Сост.**) ради религиозной солидарности с уйгурами.

Также “Талибан” уже по умолчанию подозревается в связях с “Аль-Каидой”, или того, что от нее осталось. Бывший исполняющий обязанности главы ЦРУ США Майкл Моррелл заявил, что талибы по-прежнему предоставляют убежище главе организации Айману аз-Завахири¹¹. Эту информацию сразу же опроверг представитель политического офиса “Талибана” Мохаммад Наим Вардак. Подтверждений или опровержений этого нет, но нельзя исключать, что талибы действительно могут скрывать у себя лидеров организации.

Кроме того, в Афганистане существует еще одна террористическая группировка под названием “Сеть Хаккани”. Изначально независимая, являющаяся локальным “близнецом” “Аль-Каиды”, с 1990-х годов в союзе с “Талибаном” вела партизанскую борьбу против афганского правительства и сил НАТО. Сейчас принято считать, что группировка слилась с “Талибаном”. Видные ее члены вошли в состав временного правительства. Сеть Хаккани базируется в зоне племен¹², как на пакистанской, так и на афганской стороне, и, по оценке военного командования США, представляет наибольшую угрозу миру в регионе.

РЕАКЦИЯ АРАБСКИХ СТРАН

Вывод американских сил из Афганистана и последующий приход к власти в стране

¹⁰ Исламское движение Восточного Туркестана (东突厥斯坦伊斯兰运动), или Исламская партия Туркестана, – вооруженно-террористическая организация, целью которой является создание фундаменталистского исламского государства Восточный Туркестан на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. ИДВТ стоит за подготовкой и проведением громких террористических актов на территории КНР. МИД КНР рассматривает ИДВТ в качестве “самого актуального и реалистичного вызова безопасности в Китае”.

¹¹ Transcript: Michael Morell on “Face the Nation”. CBS NEWS, 12.09.2021. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-michael-morell-face-the-nation-09-12-2021/> (accessed 01.11.2021).

¹² Территория на северо-западе Пакистана, населенная пуштунскими племенами.

“Талибан” вызвали опасения арабских стран, и в первую очередь монархий Персидского залива.

Прежде всего, сокращение вовлеченности в ближневосточную военно-политическую повестку США, их традиционного и основного партнера в сфере безопасности, неизбежно провоцирует сомнения относительно надежности этого партнерства [2]. При этом характерно, что в своих официальных заявлениях по поводу событий в Афганистане в августе 2021 г. арабские страны воздержались от открытой критики действий США и ограничились призывами к восстановлению безопасности и стабильности в стране [3].

Не меньшим поводом для беспокойства арабских стран представляется приход власти в Афганистане движения “Талибан”, что может способствовать росту влияния и распространению радикальной исламистской идеологии. Так, ряд региональных (преимущественно исламистских) движений сопротивления – йеменские хуситы и партия “Ислах” (“Братья-мусульмане”), палестинские ХАМАС и “Фатх”, и даже ливанская “Хизбалла”, традиционно враждебная талибам, – с восторгом восприняли «победу “Талибана” над американскими оккупантами», позиционируя ее как неизбежную победу сопротивления над агрессорами – будь то Израилем, ОАЭ или Саудовской Аравией.

Генеральный секретарь “Хизбаллы” Хасан Насралла охарактеризовал происходящее в Афганистане как “очень важное событие”, заявив, что народы региона должны осознавать стратегические аспекты этой ситуации, и отметив, что американцы вышли как “проигравшие и униженные”, а двадцатилетний эксперимент американцев в Афганистане ни к чему не привел¹³. В своих выступлениях лидер движения не раз подчеркивал, что тех, кто поддерживает и возлагает надежды на США, постигнет та же участь, что и афганцев, а также утверждал, что “историческое поражение” США является предвестником конца американского присутствия и влияния в регионе.

Монархии Залива, в особенности ОАЭ и Саудовская Аравия, видят в этом потенциальную прямую угрозу своей безопасности, в том числе с учетом идеологического аспекта победы талибов в Афганистане. Так, Абу-Даби рассматривает исламистов как главную угрозу легитимности своей правящей семьи [4, р. 553-554] и с начала 2010-х годов активно участвует в антитеррористических операциях по борьбе с разнообразными исламистскими группировками на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Сахеле. Тогда как в Эр-Рияде – с учетом внутривластного курса наследного принца Мухаммада бин Салмана на снижение влияния традиционно авторитетной консервативной религиозной элиты – имеются опасения относительно возможных информационных кампаний “Талибан”, нацеленных на подрыв легитимности правящей династии Аль Сауд [5].

Кроме того, арабские страны серьезно обеспокоены сохраняющейся неопределенностью меняющегося баланса сил в регионе и тем, каким образом уход США из Афганистана и приход к власти “Талибана” скажутся на этих трансформациях. В частности, эмиратское руководство стремится не допустить вероятного усиления регионального влияния “исламистского треугольника” Катара–Турции–Пакистана, а саудовское – с настороженностью наблюдает за возможностью изменения региональной роли, в первую очередь, Ирана, “пересматривающего” [6] свое отношение к “Талибану”.

В этой связи три монархии Залива – Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар, проводящие активный и независимый друг от друга внешнеполитический курс, пытаются прагматично адаптироваться к ситуации и использовать ее для усиления собственных позиций посредством закрепления своего позитивного имиджа как влиятельных игроков и выгодных партнеров на региональном и международном уровне.

В этом отношении в наиболее выигрышной ситуации оказывается Катар, успешно позиционирующий себя в качестве международного посредника. Ставший с начала 2010-х годов прибежищем для многих лидеров “Талибана”, Катар предоставлял и продолжает

¹³ يفءاروشءاع نم ءءءاسلءا ءلءلءا يف ءلءا رصنءءل 15-8-2021. *Al-Manar*, 16.08.2021. [Nasrallah's Speech on August 15, 2021. *Al-Manar*, 16.08.2021. (In Arab.)] Available at: <https://almanar.com.lb/8585579> (accessed 10.11.2021).

предоставлять основную площадку для переговоров между представителями западных государств, в первую очередь США, и талибов, внушая некоторым наблюдателям идею о своей способности повлиять на политику последних и "скорректировать" их поведение [7]. При этом, критически высказываясь в отношении нарушений прав женщин пришедшими к власти талибами, Катар параллельно продвигает свой образ прогрессивного мусульманского государства, традиционно опираясь в своих официальных заявлениях и нарративах в СМИ на приверженность демократическим принципам и правам человека¹⁴. Особую значимость для западных партнеров, и в особенности США, а также роль как влиятельного международного донора Катар умело продемонстрировал, активно содействуя эвакуации иностранных граждан, организации транспортного коридора с перевалочным пунктом на своей территории и оказании значительной гуманитарной помощи жителям Афганистана.

ОАЭ, предоставив убежище для президента Ашрафа Гани, привнесли не меньший вклад в процесс эвакуации и оказании масштабной гуманитарной помощи афганцам, в свою очередь Саудовская Аравия продолжила сотрудничество с американскими коллегами в обмене разведывательной информацией [7]. Однако обе страны, исторически имея достаточно напряженные отношения с талибами, не торопятся налаживать активное политическое взаимодействие с новым афганским руководством. Между тем, осознавая необходимость своего вовлечения в ситуацию, складывающуюся в Афганистане, особенно усиливаемую их недовольством активностью Катара и его особым статусом в отношении с "Талибаном", ОАЭ и Саудовская Аравия пытаются определить возможную и наиболее выгодную для себя роль во внутриафганских процессах в координации с влиятельными внешними игроками (например, Индией, Россией, Китаем).

ПОЗИЦИЯ ИЗРАИЛЯ

Обеспокоенность активизацией террористических группировок в регионе характерна и для Израиля, однако официальная позиция израильского правительства подчеркнута нейтральна.

В то же время вывод войск, подтвердивший тенденцию на сокращение военного присутствия США в регионе и стремление к меньшему вовлечению в его проблемы, является для Израиля сигналом к дальнейшему повышению значимости процесса налаживания отношений с арабскими странами и необходимости выстраивания новой системы региональной безопасности, в рамках которой появится возможность коллективного противостояния различным угрозам и вызовам без участия США или с их минимальным участием. Впрочем, партнерство Израиля и Соединенных Штатов никогда не было основано на физическом присутствии американского контингента на территории еврейского государства – а речи о сокращении военной помощи ему пока не идет [8]¹⁵.

С другой стороны, некоторые израильские эксперты отмечают, что приход к власти в Афганистане террористической группировки "Талибан" может быть серьезной проблемой для Ирана, что может ослабить возможности Исламской Республики по борьбе с Израилем (через прокси в Сирии, а также "Хизбаллу" и ХАМАС) [10; 11].

ПОЗИЦИЯ ИРАНА

Афганское направление остается для Тегерана одним из приоритетных. Официальная позиция Ирана заключается в поддержке политической стабилизации Афганистана через формирование в стране "инклюзивного правительства", которое включало

¹⁴ Qatar Says Taliban Rights Abuses 'Very Disappointing'. *Al-Monitor*, 30.09.2021. Available at: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/09/qatar-says-taliban-rights-abuses-very-disappointing> (accessed 10.11.2021).

¹⁵ Еврейское население Израиля, согласно опросу Израильского института демократии, на фоне вывода американских войск из Афганистана обеспокоено тем, что США могут отказаться от своих обязательств и в вопросе обеспечения израильской безопасности – так считает почти половина опрошенных (49%), по сравнению с 36%, полагающими, что США – "настоящий друг Израиля" [9].

бы представителей всех заинтересованных сторон (основных политических партий, общественно-политических движений и членов бывшей президентской администрации).

В качестве приоритетных Тегеран выделяет вопросы беженцев, обеспечения прав шиитов Афганистана, обеспечения собственных интересов в регионе, невмешательства внерегиональных игроков. Несмотря на то, что иранская сторона косвенно поддержала временное правительство талибов, де-факто в заявлениях МИДа страны делался упор на его временный характер, а также выражалась обеспокоенность по поводу того, что сформированное правительство не является инклюзивным. На этом основании власти Ирана дистанцировались от "Талибана".

При этом на регулярной основе продолжают поставки гуманитарной помощи в Афганистан из Ирана. С учетом зимнего сезона планируется увеличение их объемов.

В перспективе Иран, очевидно, постарается выдерживать дистанцию в отношениях с правительством талибов, однако при этом постарается использовать ситуацию в Афганистане в своих интересах. Позиция Тегерана может трансформироваться в зависимости от: 1) выполнения или невыполнения талибами международных требований; 2) приверженности представителей "Талибана" договоренностям с иранской стороной по шиитскому и другим чувствительным для Тегерана вопросам; 3) международной обстановки.

Крайне важной в контексте Афганистана для Ирана останется проблема беженцев. До лета 2021 г. количество афганских граждан, зарегистрированных в Иране, только по оценкам ООН, составляло около миллиона человек. Иранское правительство насчитывало их около 3 млн (легальные и нелегальные мигранты) [12, р. 20]. Уже тогда, несмотря на обещания беженцам социальной поддержки, Тегеран не мог предоставить ее всем (с 2020 г. ситуация усугубилась в связи пандемией). Иранскими властями предпринимались усилия по сокращению численности мигрантов (квоты; депортации, жесткий контроль на границе).

В июле 2021 г. в связи с нарастанием потока беженцев граница была временно закрыта. Однако, когда в августе 2021 г. талибы захватили большинство ключевых провинций и Кабул, было объявлено о готовности Ирана предоставить беженцам убежище. Начал реализовываться план по размещению их в трех провинциях: Хорасан-Резави, Южный Хорасан и Систан и Белуджистан. По оценкам Тегерана, на территории Ирана в середине осени находилось около 4 млн беженцев¹⁶, прибывало в среднем по 4 тыс. беженцев в день, но общее их число было неизвестно.

Эта ситуация в свою очередь может спровоцировать ряд серьезных проблем. Во-первых, в условиях неблагоприятной социально-экономической обстановки в Иране очередная волна беженцев, очевидно, усилит нагрузку на экономику страны еще больше. Во-вторых, невозможность ограничить распространение коронавирусной инфекции в Иране и неготовность системы здравоохранения в условиях пандемии оказывать помощь всем нуждающимся даже среди граждан страны, даже в случае соблюдения в лагерях беженцев необходимых правил, может привести к очередному росту заболеваемости. Неустроенность жизни в лагерях для беженцев может привести к росту нестабильности сначала в конкретных провинциях, а затем и по стране в целом, активизации внутренней миграции; росту преступности.

В этой связи МИД Ирана уже заявил, что ситуация "требует" от других стран и международных организаций оказания помощи Ирану. Вполне вероятно, что в перспективе проблема беженцев будет использоваться как очередной аргумент иранской стороны, в вопросе о необходимости снятия с Тегерана санкций.

¹⁶ *Goftogu-ye telefoni-ye vazira-ye āmur-e khāreji jamhuri-ye eslamiye Iran va ingles*. [Telephone Conversation Between the Foreign Ministers of the Islamic Republic of Iran and the United Kingdom. (In Farsi)]. Available at: <https://mfa.ir/portal/newsview/651574> (accessed 10.11.2021).

РЕАКЦИЯ ТУРЦИИ НА СОБЫТИЯ В АФГАНИСТАНЕ

Проблема Афганистана не входит в число внешнеполитических приоритетов Турции, тем не менее, у Анкары есть своя стратегия на афганском направлении. Турция стремится сохранить свое присутствие в Афганистане и готова к взаимодействию с талибами, однако она не спешила с официальным признанием нового афганского руководства. Позиция турецкого МИД заключалась в том, чтобы в вопросе признания талибов действовать совместно с международным сообществом¹⁷. В ходе неофициального визита делегации талибов в октябре 2021 г. турецкие власти призвали их уважать основополагающие права человека, обеспечить участие женщин в деловой и социальной жизни общества, предоставить девочкам возможность получать образование¹⁸.

Турецкое руководство с гордостью отмечает, что Турция – единственная страна НАТО, которая не закрыла свое посольство в Кабуле после прихода талибов¹⁹. Тем не менее расчеты Турции на то, что она сможет взять на себя обеспечение безопасности международного аэропорта Кабула после вывода американских войск из страны, не оправдались. На протяжении последних лет турки участвовали в охране аэропорта совместно с союзниками по НАТО. Несмотря на мусульманскую идентичность турок, которая, по мнению Анкары, должна была облегчить их диалог с талибами, последние выступили против любого иностранного контроля над аэропортом. Турция была вынуждена вывести из Афганистана всех своих военных и гражданских специалистов. Тем не менее талибы согласились поручить Турции совместно с Катаром техническое управление аэропортом, о деталях которого ведутся переговоры [13].

Так же как у Ирана главную озабоченность Анкары вызывает вопрос предотвращения притока в Турцию афганских беженцев. Перед страной уже не первый год стоит проблема нелегальных беженцев из Афганистана. По заявлениям турецких властей, в Турции находится порядка 300 тыс. афганских беженцев, из которых 120 тыс. человек являются нелегальными мигрантами²⁰. По данным Миграционного управления Турции, в ноябре 2021 г. было задержано почти 54 тыс. нелегальных мигрантов из Афганистана²¹. Страна уже сталкивается с экономическими и социальными проблемами из-за сирийских беженцев. Дополнительное осложнение ситуации за счет беженцев из Афганистана является нежелательным сценарием для турецкого правительства, отвергающего возможность создания на территории Турции лагерей для афганских беженцев.

За последние годы турецкие подрядчики осуществили в Афганистане целый ряд инфраструктурных проектов (строительство и ремонт дорог, мостов, элементов системы водоснабжения, больниц, школ, мечетей). В рамках двусторонней помощи Турцией было выделено 1.1 млрд долл. США на образование, здравоохранение, создание инфраструктуры в Афганистане²².

Интересам Турции отвечает сохранение своего присутствия в Афганистане, поддержание экономических отношений, а также участие в переговорном процессе. Конструктивные отношения с новой афганской властью важны для Анкары и с точки зрения турецкой политики в Центральной Азии, где Турция стремится быть активным игроком.

¹⁷ Türkiye'den Taliban kararı! *Yeni Akit Gazetesi*, 04.11.2021. [Turkey's Taliban Decision! *Yeni Akit Gazetesi*, 04.11.2021. (In Turk.)] Available at: <https://www.yeniakit.com.tr/haber/turkiyeden-taliban-karari-1591637.html> (accessed 10.11.2021).

¹⁸ Çavuşoğlu M. 2021 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. [Cavusoglu M. *Our Proactive and Humanitarian Foreign Policy in 2021*. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. (In Turk.)]. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/site-media/html/2021-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf> (accessed 19.10.2021).

¹⁹ Türkiye'den Taliban kararı! *Yeni Akit Gazetesi*, 04.11.2021. [Turkey's Taliban Decision! *Yeni Akit Gazetesi*, 04.11.2021 (In Turk.)]. Available at: <https://www.yeniakit.com.tr/haber/turkiyeden-taliban-karari-1591637.html> (accessed 10.11.2021).

²⁰ Afgan göçmenler: Şeffaflık ve kayıtsızlık sorunu. *Politikayol*, 11.09.2021. [Afgan Refugees: Transparency and Carelessness. *Politikayol*, 11.09.2021. (In Turk.)]. Available at: <https://www.politikayol.com/afgan-gocmenler-seffalik-ve-kayitsizlik-sorunu/> (accessed 02.11.2021).

²¹ Düzensiz göç. Göç İdaresi Başkanlığı. 25.11.2021. [Irregular Migration. Migration Administration. 25.11.2021. (In Turk.)]. Available at: <https://www.goc.gov.tr/duzensiz-goc-istatistikler> (accessed 26.11.2021).

²² Çavuşoğlu M. 2022 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. [Cavusoglu M. *Our Proactive and Humanitarian Foreign Policy in 2022*. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. (In Turk.)]. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/site-media/html/2022-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf> (accessed 09.11.2021).

Весной 2021 г. в Стамбуле проводилась международная конференция по афганскому урегулированию. Турецкое руководство стремится превратить Стамбул в одну из переговорных площадок, что позитивно отразится на международном статусе Турции.

ОБНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВАШИНГТОНА

США принимали решение о выходе из Афганистана в качественно иных международно-политических реалиях, чем 20 лет назад, когда вводили войска. Сама военная кампания, ее логика и природа происхождения относились к эпохе однополярного мира, мира борьбы с международным терроризмом, продвижения Соединенными Штатами и их союзниками своих ценностно-ориентированных представлений о нормах общественного развития. Постепенно эволюция международной системы, характера отношений между крупнейшими державами выводила афганскую кампанию сил НАТО из окружающего ее контекста. Все отчетливее перед властями и обществами западных стран вставал вопрос – в чем смысл нынешнего пребывания их вооруженных сил в Афганистане? Мир изменился, США оказались перед лицом новой конфигурации сил и новыми вызовами, которые заставили их пересмотреть свою политику в Афганистане и в целом в регионе.

Объясняя такой резкий выход из страны, президент Байден, в частности, отметил, что афганская кампания стоила США более 2 трлн долл. Между тем эту внушительную цифру вряд ли почувствовали рядовые американцы. Ежегодные финансовые и человеческие потери были не такими масштабными – 26 погибших военнослужащих в год²³, около 52 млрд долл. оборонных и экономических расходов в год²⁴, из которых 6 млрд шли по линии официальной зарубежной помощи²⁵. Афганская война довольно быстро стала рутинной, особенно после того, как США стали активно участвовать в других странах региона. Военное присутствие не встречало в стране ни широкого общественного обсуждения, ни давления со стороны какой-либо из партий вплоть до текущего года.

Вопреки тому, что сказал американский президент в обращении к гражданам своей страны, решение о выходе принималось не по финансовым соображениям. Основным и решающим фактором для окончательного вывода войск стал новый расклад сил на международной арене и совершенно новая стратегия лидерства, которую сегодня формулирует действующая администрация. Прежняя стратегия глобальной войны с международным терроризмом сменяется новой логикой противодействия России и Китаю, в которой афганская кампания действительно стала потерей сил и времени.

В логике антикитайского вектора, постепенно сформировавшегося во внешнеполитической стратегии США развитие Афганского кризиса как международно-политической ситуации больше не находит в стратегии Вашингтона отдельного места. Более того единого “генерального плана”, совместной дорожной карты или формата нет и у членов Организации Североатлантического договора по постконфликтному урегулированию проблемы. Однако есть ряд уже закреплённых в американском планировании других императивов, в рамках которых ситуация в Афганистане может использоваться для достижения целей политики США в сопредельных ему регионах.

Прежде всего текущая ситуация способствует подрыву консолидации экономического, а затем политического пространства, объединенным китайским проектом Экономического пояса Шелкового пути. При негативном отношении США к многосторонним экономическим китайским проектам террористический

²³ Charts. *iCasualties.org*. Available at: <http://www.icasualties.org/App/AfghanFatalities> (accessed 30.10.2021).

²⁴ The Annual Cost of the War in Afghanistan Since 2001 [Infographic]. *Forbes*, 12.02.2019. Available at: <https://www.forbes.com/sites/niall-mccarthy/2019/09/12/the-annual-cost-of-the-war-in-afghanistan-since-2001-infographic/?sh=35d690081971> (accessed 30.10.2021).

²⁵ U.S. Foreign Assistance by Country. Afghanistan. *USAID*, 11.04.2022. Available at: <https://foreignassistance.gov/cd/afghanistan/> (accessed 30.08.2022).

международно-политический статус “Талибана” дает основания Вашингтону вводить санкции против любой стороны, задействованной в совместных проектах в Афганистане. Более того, заморозка США и ЕС счетов прежнего афганского правительства и поставок официальной помощи развитию, а также отсутствие у талибов опыта государственного строительства при текущей катастрофической экономической ситуации в стране только укрепляют и без того плодородную почву для укоренения плохой социально-экономической среды для очень молодого афганского населения (62% населения моложе 24 лет²⁶), развития рынков нелегальной торговли легким оружием, людьми, наркотиками. Социально-экономические предпосылки, устройство афганской экономики в сочетании с давящим международно-правовым режимом как со стороны ООН, так и со стороны односторонних мер США и их союзников сами подталкивают нынешние власти Кабула опираться в текущих условиях на нелегальный рынок, негативные последствия которого ложатся прежде всего на страны – члены ШОС.

СобострениемугрозыраспространенияэтихтенденцийизАфганистанаСоединенные Штаты сразу же активизировали взаимодействие со странами Центральной Азии для укрепления тенденций к обособлению их взаимосвязей от постсоветского пространства. К существующей площадке диалога “C5+1”²⁷ США в июле 2021 г. добавили новый неинклюзивный формат четырехсторонней группы США–Афганистан–Узбекистан–Пакистан (САУП)²⁸, направленной на развитие транспортно-коммуникационных и энергетических связей Центральной и Южной Азии. Практическими проектами назывались железная дорога Термез–Мазари-Шариф–Кабул–Пешавар, новая линия электропередач Сурхан–Пули-Хумри в рамках стратегического партнерства Узбекистана и Пакистана.

В документах стратегического планирования США цель укрепления суверенитета стран Центральной Азии заметно возросла и напрямую увязывается со сдерживанием России и Китая²⁹. Именно в рамках этой логики поддерживаются реформы госуправления, либерализации рынков, укрепления хозяйственных связей с Южной Азией. Среди приоритетных проектов также упоминаются гидроэлектроэнергетический проект CASA-1000 и развитие Лазуритового торгового коридора (Афганистан–Туркменистан–Азербайджан–Грузия–Турция–Европа) посредством снижения визовых и таможенных барьеров, развития транспортной инфраструктуры³⁰.

Соединенные Штаты и их союзники значительно нарастили свое экономическое присутствие в субрегионе, воздействуя на динамику и вектор развития хозяйственных связей. За последние несколько лет западные страны в своей совокупности стали доминировать в области прямых иностранных инвестиций, торговле товарами и услуг, оказании зарубежной помощи. Так, из накопленных на момент 2020 г. 372 млрд долл. прямых иностранных инвестиций на США и ЕС приходится порядка 50% (по данным за 2020 г. из 372 млрд долл. ПИИ в ЦА около 40% приходится на ЕС и 11% на США³¹), а из всего 126 млрд долл. товарооборота на них приходится почти 30% (из 126 млрд долл. совокупного товарооборота около 27% (34 млрд долл.) приходится на страны НАТО (для

²⁶ Afghanistan. *The World Factbook*, 26.10.2021. Available at: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/afghanistan/#people-and-society> (accessed 30.10.2021).

²⁷ Joint Statement of the C5+1 on the International Conference ‘Central and South Asia: Regional Connectivity. Challenges and Opportunities’. *The U.S. Department of State*, 16.07.2021. Available at: <https://www.state.gov/joint-statement-of-the-c51-on-the-international-conference-central-and-south-asia-regional-connectivity-challenges-and-opportunities/> (accessed 30.10.2021).

²⁸ Announcing the U.S.–Afghanistan–Uzbekistan–Pakistan Quad Regional Support for Afghanistan–Peace Process and Post Settlement. *The U.S. Department of State*, 16.07.2021. Available at: <https://www.state.gov/announcing-the-u-s-afghanistan-uzbekistan-pakistan-quad-regional-support-for-afghanistan-peace-process-and-post-settlement/> (accessed 30.10.2021).

²⁹ Joint Regional Strategy: South and Central Asia. *The U.S. Department of State*, 27.02.2019. P. 10. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/04/JRS_SCA_UNCLASS_508_CMC.pdf (accessed 30.10.2021).

³⁰ United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). *The U.S. Department of State*, 05.02.2020. Available at: <https://2017-2021-translations.state.gov/2020/02/05/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/index.html> (accessed 30.10.2021).

³¹ FDI to Central Asia Reached 378.2 Billion over Past 13 years. *The Astana Times*, 09.12.2020. Available at: <https://astanatimes.com/2020/12/fdi-to-central-asia-reached-378-2-billion-over-past-13-years/#:~:text=FDI%20to%20Central%20Asia%20Reached%20378.2%20billion%20Over,the%20gross%20inflow%20of%20which%20totalled%20%24378.2%20billion> (accessed 30.10.2021).

сравнения – 0.3% на КНР и 19% на Россию³²). Страны ОЭСР также преобладают в области оказания зарубежной помощи Центральной Азии. Из 5.5 млрд долл. за последние три года на них пришлось 38% (оказанных с 2017 по 2019 г. 37.7% (2 млрд долл.) составила помощь союзников США³³).

Одновременно с развитием инструментов позитивного воздействия, Соединенные Штаты планомерно развивают и вероятность использования средств давления. Параллельно наращиванию экономических связей США систематически осуществляют программы по поддержке демократии и прав человека, бюджет которых колеблется от 4 до 5.5 млн долл. в год, финансируют исследования политически чувствительных тем о голоде в Казахстане 1920-х годов³⁴, рабстве в Узбекистане³⁵. Присутствие политически ориентированных неправительственных организаций заметно возросло, деятельность которых становится особенно заметна в периоды избирательных кампаний или обострения общественно чувствительных тем [14]. Причем поднимаемая в рамках программ проблематика не всегда затрагивает только национальные внутривнутриполитические вопросы – в своих правозащитных программах Соединенными Штатами акцентируется тема ущемления прав этнических казахов, таджиков и киргизов в Синьцзяне и бездействие официальных властей стран субрегиона³⁶.

Сочетание сложных тенденций общественного развития стран Центральной Азии, акцентуации Соединенными Штатами в своей публичной дипломатии чувствительных политических, религиозных, этнических тем, укрепления западного присутствия и поддержки экономических проектов со странами Южной Азии создают разновекторные импульсы для государств субрегиона.

Стимулируемая США сложная парадигма выстраивания локальными субъектами отношений с Россией и Китаем перед лицом афганских вызовов лишь усугубляет возможность выработки решения для их нейтрализации. Напротив, такая практика значительно повышает вероятность того, что страны Центральной Азии могут столкнуться с возросшей поляризацией между вестернизированным городским и исламизированным политически активным сельским населением. Обострение конкуренции внешних сил в Центральной Азии может только содействовать росту общественного напряжения в преддверии президентских выборов в Казахстане в 2024 г. и Узбекистане в 2026 г.

Такое текущее стратегическое целеполагание в отношении Китая и постсоветского пространства определит поведение стран региона на долгосрочную перспективу. Причем это будет относиться не только к непосредственно затронутым странам Центральной и Южной Азии. Фактор воздействия тенденций в них определит динамику развития и в странах общего мусульманского политического пространства, которые соприкасаются с типологически схожими проблемами внутреннего и международного развития.

* * *

³² List of Supplying Markets for a Product Imported by Russian Federation. *International Trade Centre*. Available at: https://www.trademap.org/Country_SelfProductCountry.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1 (accessed 30.10.2021).

³³ Query Wizard for International Development Statistics. *OECD*. Available at: <https://stats.oecd.org/qwids/#?x=2&y=6&f=3:51,4:1,1:217,5:3,7:1&q=3:51+4:1+1:1,2,24,175,69,211,214,35,216,217,218,G6+5:3+7:1+2:86,92,168,178,185+6:2015,2016,2017,2018,2019,2020> (accessed 30.10.2021).

³⁴ The Kazakh Famine of 1930-33 and the Politics of History in the Post-Soviet Space. *The Wilson Center*, 26.03.2012. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-kazakh-famine-1930-33-and-the-politics-history-the-post-soviet-space> (accessed 30.10.2021); The Kazakh Famine of the 1930s. *Library of Congress*, 24.08.2016. Available at: <https://blogs.loc.gov/kluge/2016/08/the-kazakh-famine-of-the-1930s/> (accessed 30.10.2021); Remembering the Kazakh Famine. *The Harvard University*, 20.05.2020. Available at: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/remembering-kazakh-famine> (accessed 30.10.2021).

³⁵ Forced Cotton-Picking Earns Uzbekistan Shameful Spot In 'Slavery Index'. *Radio Free Europe*, 31.05.2016. Available at: <https://www.rferl.org/a/global-slavery-index-uzbekistan-pakistan-worst-offenders/27770928.html> (accessed 30.10.2021);

³⁶ Do Kazakhstanis care about their kin in Xinjiang? *OpenDemocracy*, 07.06.2021. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/do-kazakhstanis-care-about-their-kin-xinjiang/> (accessed 30.10.2021).

Выход США из Афганистана создал совершенно новую ситуацию не только в самой стране, но и в регионе целом. Перед новым правительством Афганистана прежде всего стоит сложная задача по преодолению социального-экономического кризиса, в котором оказалась страна. Однако справится самостоятельно с этой задачей Афганистан не сможет. Успех во многом будет зависеть от внешней поддержки, которая в свою очередь будет определяться первыми шагами правительства "Талибана" не только в отношении своего населения, но и в отношении различных региональных террористических организаций, для которых вывод американских войск и победа талибов стала символом успеха сопротивления, историческим прецедентом того, как радикальная политическая сила может пройти путь от подпольного существования к одному из наиболее важных субъектов мировой политики.

Большинство стран, вовлеченных в урегулирование афганского кризиса, в свою очередь, прежде всего обеспокоены ростом террористической активности и обострением миграционного кризиса в регионе.

Афганский кризис бросает серьезный вызов и международному сообществу – способны ли основные его участники выстроить новый баланс сил и обеспечить региональную безопасность без непосредственного военного присутствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Шашок Л. Сеть зла и раздора. *Независимая газета*, 23.09.2021. [Shashok L.A. Network of Evil and Discord. *Nezavisimaya Gazeta*, 23.09.2021. (In Russ.)]. Available at: https://nvo.ng.ru/gpolit/2021-09-23/1_1159_evil.htm (accessed 10.11.2021).
2. Sly L. Afghanistan's Collapse Leaves Allies Questioning U.S. Resolve on Other Fronts. *Washington Post*, 15.08.2021. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/afghanistan-chaos-blame-us/2021/08/14/0d4e5ab2-fd3e-11eb-911c-524bc8b68f17_story.html (accessed 10.11.2021).
3. El-Yaakoubi A., Cornwell A., Rashad M. Gulf Arabs Jittery About Taliban Takeover but May Seek Pragmatic Ties. *Reuters*, 20.08.2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/gulf-arabs-jittery-about-taliban-takeover-may-seek-pragmatic-ties-2021-08-20/> (accessed 10.11.2021).
4. Roberts D.B. Qatar and the UAE: Exploring Divergent Responses to the Arab Spring. *Middle East Journal*, 2017, vol. 71, no. 4, pp. 544-562. DOI: 10.3751/71.4.12
5. Miles H. The Aftershocks of the Saudi and American Debacle in Afghanistan. *Fair Observer*, 09.09.2021. Available at: https://www.fairobserver.com/region/middle_east_north_africa/hugh-miles-arab-digest-saudi-arabia-taliban-afghanistan-arab-world-news-middle-east-24792/ (accessed 10.11.2021).
6. Fathollah-Nejad A., Azizi H. *Iran and the Taliban After the US Fiasco in Afghanistan*. Middle East Institute, 22.09.2021. Available at: <https://www.mei.edu/publications/iran-and-taliban-after-us-fiasco-afghanistan> (accessed 10.11.2021).
7. Saab B.Y. In Afghanistan, the Gulf Arab states stepped up. *Middle East Institute*, 01.09.2021. Available at: <https://www.mei.edu/publications/afghanistan-gulf-arab-states-stepped> (accessed 10.11.2021).
8. Amidror Y. What's Next, After the Withdrawal from Afghanistan? *JISS*, 18.08.2021. Available at: <https://jiss.org.il/en/amidror-whats-next-after-the-withdrawal-from-afghanistan/> (accessed 03.11.2021).
9. Hermann T., Anabi O. *Israeli Voice Index. Ahead of the Jewish New Year — National Mood Pessimistic*. Israel Democracy Institute. 01.09.2021. Available at: <https://en.idi.org.il/articles/36250> (accessed 03.11.2021).
10. Melman Y. Taliban's Thrust: No Surprise, but Maybe an Opportunity. *Haaretz*, 16.08.2021. Available at: <https://www.haaretz.com/opinion/.premium-taliban-s-thrust-no-surprise-but-maybe-an-opportunity-1.10123229> (accessed 03.11.2021).
11. Shavit E., Stein Sh. Lesson in the Limits of Power: The Withdrawal of the United States and its Allies from Afghanistan. *INSS*, 24.08.2021. Available at: <https://www.inss.org.il/publication/afghanistan-withdrawal/> (accessed 03.11.2021).
12. Nader A., Scotten A. G., Rahmani A. I., Stewart R., Mahnad L. *Iran`s Influence in Afghanistan. Implications for the U.S. Drawdown*. RAND, 2014. 74 p.
13. Demirtaş S. Taliban Far away from Gaining Recognition. *Hurriyet Daily News*, 16.10.2021. Available at: <https://www.hurriyetdailynews.com/opinion/serkan-demirtas/taliban-far-away-from-gaining-recognition-168666> (accessed 10.11.2021).
14. Силаков Н. Деятельность фондов и неправительственных организаций США в странах Центральной Азии. *Россия и новые государства Евразии*, 2021, № II (LI), pp. 115-129. [Silakov N. The Activities of Foundations and Non-Governmental Organizations of the USA in the Countries of Central Asia. *Russia and the New States of Eurasia*, 2021, no. II (LI), pp. 115-129. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-2-115-129> (accessed 09.11.2021).

